

БИБЛИОТЕКА «ПИСАТЕЛИ-ЗЕМЛЯКИ»

Ольга Елгина

На завалинке

Болотное
2020

ББК 84(2=411.2)-46
Е 498

Проект администрации
Болотнинского района
Новосибирской области

Художник-оформитель
Татьяна Карманова

Елгина О.И.

Е 498 На завалинке: краеведческие статьи и рассказы. — Новосибирск: Издательский Дом «Историческое наследие Сибири», 2020. — 276 с.: ил. — (Библиотека «Писатели-земляки»).

Книга «На завалинке» — зеркало реальной сельской жизни, и отражает эту жизнь не приукрашенной и не осмеянной, и написана без заискивания и высокомерной ухмылки стороннего наблюдателя, потому что автор сама сельский житель и, на зависть нам, живёт не только своей индивидуальной жизнью, жизнью своей семьи, но и общими заботами односельчан. Книгу наполняют герои разные и по характеру, и по возрасту, как говорится, от мала до велика, терпеливые и работающие, чудакватые и непутёвые, — они все объединены одной большой и щедрой любовью замечательного и самобытного автора — Ольги Ивановны Елгиной.

ISBN 5-86272-120-9

© Администрация Болотнинского района
Новосибирской области, 2020

© ИД «Историческое наследие Сибири», 2020

НА ЗОЛОТОМ КРЫЛЬЦЕ СИДЕЛИ...

*На золотом крыльце сидели:
Царь, царевич,
Король, королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой?
Говори поскорей,
Не задерживай добрых
И честных людей.*

Я не случайно вспомнил эту детскую считалочку, которую торопливо, скороговоркой, глотая окончания и целые слова, тараторили дети, когда играли в прятки. Сказать по-честному, я не понимаю смысла этой считалки, собственно, и другие считалки из детства не отличаются смысловой нагрузкой, а более напоминают набор удачных и загадочных фраз.

Вот и проза Ольги Ивановны Елгиной — это набор ярких и загадочных судеб, судеб очень разных, но собранных в одном селе, на одной завалинке. И этот калейдоскоп создаёт образ родного села, а в нём, как в капле, отражается характер нашего затейливого, но на вид простоватого народа. Сразу и не поймёшь, кто ты есть таков: ты и скотник, и доярка, и полевод, и учитель, и агроном, и заслуженный кузнец пенсионер-орденоносец... Кто они, труженики села, участники войны и те, кто неустанно трудились в тылу? Не они ли цари и короли, а их дети — это царевичи, которые с двенадцати лет со всей взрослой ответственностью работали, нет, «вламывали» на тяжёлых колхозных полях?

Не потому ли все они сидят на одном *золотом* крыльце, именно *золотом*, потому что туда их вознесла и посадила и сама жизнь, и жизненный подвиг их крестьянского труда, и величайшее уважение автора?..

Мне близка правда повествования, что называется, без прикрас, но после прочтения только части книги у меня вдруг проснулось щемящее чувство любви к этим бесхитростным, странным, даже не от мира сего людям. И в этом есть тайна творчества Ольги Ивановны: её проза соткана из правды — да, именно той правды, без которой наш народ не может жить. Понятно, что приврать мы горазды и сочинить, и оправдаться, и напраслину наговорить, но без правды, большой и важной, самой главной — надчеловеческой, мы жить не можем, мы болеем. Такой мы народ — накрутим, нафантазируем, но в больших и серьёзных делах правду подай нам. Это по-русски, и иностранцу не понять. Мы лукавим на бытовом уровне, но государственную ложь не терпим, и когда она есть — Россия чахнет, а народ вырождается.

И это несовместимое противоречие нашего народа хорошо раскрывается через характеры героев из рассказов Елгиной. Вот почему интересно читать, это вам не Гарри Поттер, не Робин Гуд или рыцари Круглого стола, которые только-то и знали, что подвиги совершать для славы или в лучшем случае для дамы сердца, а то вдруг придумают мир спасти или совершать ещё какие-нибудь глупости. И как нам, русским, это чуждо, потому что нет главной правды — жертвенной любви, нашей русской правды. У нашего мужика другой менталитет, он не будет жертвовать собой ради славы, выгоды, а если жертвует, то только чтобы защитить или спасти кого, а лучше Родину, ну, или женщину, но спасти не от дракона, высосанного из пальца,

а от реальной беды. Для нас важна мотивация серьёзная, вот почему наши богатыри свои подвиги совершали, когда недруг пришёл, и совершали бескорыстно, а совершая, проявляли удивительное великодушие и благородство. Каков народ, таковы и герои.

Реалистическая, ненадуманная, жизненно важная мотивация стягивает рассказы и статьи Ольги Ивановны в тугой жгут, потому, когда читаешь, не просто веришь, а живёшь с её героями, и не просто живёшь, а и чувствуешь их всем сердцем — то до слезы, а то до смеха.

Мой друг из Красноярска некоторые свои рассказы называет «повестухами», и я понимаю почему: потому что в малый объём ему иногда удаётся вложить очень большое содержание, и короткий рассказ произвольно превращается в концентрат чувств и мыслей, которые требуют не только осмысления, но и не единого перечитывания текста.

У Ольги Ивановны много «повестух», взять хотя бы её рассказы о завалинке. Какой чудесный калейдоскоп персонажей, кажется, случайных, но автор их появление размещает так, что они дополняют друг друга даже своей непохожестью, автор будто специально их сталкивает. Я не знаю, откуда такое мастерство у молодого автора, но говорят, что рукой талантливое писателя водит сам Господь.

Ольга Ивановна необычайно смелый человек, писать об односельчанах мало кто решится. Я, помню, написал рассказ про друга нашей беспокойной молодости Сашку Федюка, так он до сих пор мне пеняет, а на Мишку Тарковского — писателя из Красноярского края так вся деревня взъелась. Ольга Ивановна жива и здорова, а это значит, что написаны её истории честно. Вот она сумела «угодить», а мы с Мишкой, типа маститые, — нет.

И ещё пара добрых слов о замечательном авторе, способном писать юмористические рассказы. Кстати, юмор писать могут единицы, и только потому, что он, юмор, или получается, или нет. В этом жанре нет полустанков типа «удачно», «очень удачно», «не очень удачно» — полуюмора не бывает, бывает или смешно, или глупо. Так вот, я над рассказами Ольги Ивановны ухохатывался, так тонко и ярко писать может только талантливый человек. Так что времени не теряйте, а начинайте читать «повестухи» красивой и умной женщины из Корнилова.

Николай Александров

**Заседание актива комсомольской организации имени Зои Космодемьянской.
Слева направо: Лена Констанц, Зоя Карпунина, Ольга Мельникова,
Света Мельникова, Т.Д. Бухвалова, О.А. Капустина. 1989 год**

**Театрализованное представление к Новому году — спектакль «Золушка».
Слева направо, первый ряд: Зоя Карпунина, Г.Н. Полищук, Ольга Мельникова.
Второй ряд: Анжела Полищук, Лена Констанц. 1989 год**

Последний звонок. Слева направо, первый ряд: А.П. Асанова, В.А. Можейко, Н.И. Мелешенко, П.А. Бондарчук, Г.Н. Полищук. Второй ряд: Ольга Мельникова, Надежда Рубанова, Ралиф Хайрутдинов, Н.Г. Карманова, Зоя Карпунина, Елена Констанц, Н.И. Дорошенко, С.С. Виблый. Третий ряд: Юрий Каштыпер, Сергей Пирогов, Анжела Полищук. 1980 год

Пятый курс пединститута. Во втором ряду вторая справа — Ольга Мельникова. 1990 год

Семейная идиллия: справа с Ольгой муж Валерий и пятилетний сын Вячеслав.
1992 год

День учителя. Замыкающая — Ольга Елгина. 1999 год

Среди коллег. Ольга Елгина — во втором ряду, третья слева. 2001 год

Ольга Елгина с Татьяной Семёновной Кармановой (слева) и дочерью Анастасией. 2001 год.

**Экскурсия на Ивановские места.
Рядом с мамой слева — сын Вячеслав Елгин. 2003 год**

День учителя. Александр Юган вручает медаль О.И. Елгиной. 2005 год

**Археологическая экспедиция.
Ольга Елгина (крайняя слева) — руководитель экспедиции. 2006 год**

**Туристический слёт учителей в Баратаевке.
Сергей Мелехов читает стихотворение «Половина». 2009 год**

Год героев Болотнинского района. Слева направо: Юлия Гайдукова, Лиза Литвинова, Софья Мухамаджонova, Настя Савельева, О.И. Елгина, В.Н. Карпов. 2010 год

Урок истории. 2015 год

**Первое сентября. День знаний. Слева направо: И.Н. Нигареева,
А.А. Шаповалова, Н.Н. Кривощёкова, О.И. Елгина, Т.С. Карманова.
2017 год**

**Слева направо: Ольга Елгина, Татьяна Лысенко, Людмила Глушакова,
Николай Александров. Кольвань, 2018 год**

**Участие в художественной самодеятельности села.
Вокальная группа «Росинка». Слева направо: О.И. Елгина,
Н.А. Эйсер, Т.С. Карманова**

На работе. 2015 год

На рыбалке. 2020 год

**Командирская лыжня:
Ольга Елгина,
Анатолий Чеботников**

**34 года вместе.
2020 год**

Завалинка — «крыша дома моего»

НА ЗАВАЛИНКЕ

Помню ещё с детства, жители села любили посидеть на завалинке, как на лавке. После напряжённого трудового дня они собирались, чтобы поговорить, позубоскалить или даже посплетничать чуток, беззлобно, да полузгать семечки.

У моей бабушки, Марии Евтиховны Прусовой, была примета: если сесть на завалинку и «сиденька» не мёрзнет, значит, пора картошку сажать.

Жители переулков и улиц кучковались на завалинках Ноздреватихи, деда Петрована и Прусихи.

Сначала подходили старушки и заводили разговоры:

— Сказывают, что спутник полетел в космос с человеком на борту?!

— Восподи, Восподи, спаси и сохрани! Уже в Боженьку начали стрелять людьми.

— Как жить дальше? Когда-нибудь проснёмся, а мы уже убитые.

— Никто вас не убьёт. Вы ещё молодых переживёте! — встревал в разговор Жарков.

Бабы с ребятишками подтягивались к завалинке, они шли встречать скот с пастбища, да вот вышли пораньше, узнать свежие новости.

Дед Петрован, так односельчане по-простому обращались к Петру Михайловичу Асанову, даёт встречающим коров дельный совет:

— Чтоб скотина после пастбища домой возвращалась сама, а не блуждала где попало, следует в Вербное воскресенье с веточками зайти в сарай и обстучать скотину. После чего вербочки воткнуть в потолок, а по весне этими веточками выгонять скотину на пастбище в первый день.

Петра Михайловича называли «ходячая энциклопедия». Это был мужчина среднего роста, русоволосый, зимой и летом носил шапку, как он говорил, «голову нужно содержать в тепле». До чего же словоохотливый, общительный, приветливый! Он всегда находил тему для разговора и неважно, с кем разговаривал: с солнцем, со столбом, с козой Лизкой, котом или с людьми. Очень любил философствовать, давать советы, и когда дело доходило до спора, а все знали его нрав, то слушали, не перебивая, и соглашались, даже если он был неправ.

Дед Петрован засиживался на завалинке дотемна. Жена Ольга Дмитриевна каждый раз ему напоминала:

— Пошто сидишь, Пётр, ужо идить домой ведь надобно, ужо темно, хоть коли глаз. Всё не можешь наговориться, а, Петрован...

Как часы, у завалинки появляется Витька Морской в матросской форме, в широченном клёше. Он служил во Владивостоке и считал себя бывалым моряком, но на самом деле дальше середины бухты не захаживал, да и то только — в качестве пассажира. Морской не выговаривал букву «эр», поэтому фамилия звучала из его уст «Мой-

ской». Это был статный, видный мужчина, с мужественным лицом, которое постоянно было обветренное, загорелое, оттого что днями пропадал на рыбалке. Как говорится, бабы любят таких.

Подойдёт, старух раздвинет и обязательно скажет: «Ну-ка, пехота, подвинься!».

— Ты пошто нас пехотой зовёшь? Мы ведь в солдатах не служили и не будем служить! — слышалось со всех сторон.

Ответа не получали. Витька сядет нога на ногу, лузгает семечки, а то достанет лото и предложит поиграть на деньги:

— Одна глиметь не будет, а две глимят не так!

Но как только где-то вдалеке заслышит звук гармошки, поднимется и пойдёт своей морской походочкой. И обязательно бросит своё излюбленное: «Отдать концы!»

Позднее всех заглядывали на завалинку мужики.

Поначалу начнут скручивать самокрутку из самосада. Эта процедура занимала у них несколько минут. Интересно было наблюдать. Достанут из-за голенища газетные заготовки, а то, бывало, из книжки листы вырванные. Разложат на одно колено, положат щепотку табака. Одни хранили самосад в железной баночке из-под леденцов, а другие — в специально сшитом кисете. Скрутят в трубочку, потом языком проведут по бумажке, чтобы самокрутка склеилась.

Между этим делом они заводили обстоятельный разговор: о погоде, о сенокосе, о хлебоуборке и о разных житейских делах.

— Слушай, Паря-Харя, почему у тебя куры яйценосные ведутся?

Мужчину, к которому обратился Петрован, вообще-то звали Павел Захарович Асанов. Он прошёл всю Первую мировую войну и имел своеобразное ранение. Пуля в рот влетела, а вышла сзади. «Э, паря, сглотнул пулю», — часто при разговоре повторял он.

— Всё дело в том, что первую курицу-то свою я украл. А если кому и продаю яйца, то обязательно их оботру тряпкой.

Выслушав ответ, Пётр Михайлович с очередным вопросом обратился к председателю колхоза:

— Слышь, Никита Пафанович! Скажи, где та кнопка?

— Какая ещё кнопка?

— А помнишь, когда загонял нас в колхоз, ты говорил, что придёт время, нажмёшь кнопку, и пойдёт дождь, нажмёшь другую — будет ясно. Так вот, где-то она есть, та кнопка?

Никита Пафанович не успел и рта открыть, как внимание мужиков переключилось на торопливо семенившего кривыми ногами деда Филиппа. Ох, и тот ещё был выдумщик, на лету сочинял! Как говорится, за словом в карман не лез.

— Филипп, стой.

— Некогда!

— Филька, иди сюда, соври что-нибудь!

— Да некогда. Вы видите, тороплюсь.

— Это куда ты торопишься?

— В магазин, туда водку завезли, будут наливать по стакану тем, кто участвовал в посевной. Но надо идти со своим стаканом.

Мужики рванули по домам за стаканами и — в магазин. Пришли, а водки вообще нет.

Они к Филиппу Тимофеевичу:

— Ты почто соврал?

— Так вы просили соврать, ну я и соврал.

С тех пор прилипла к нему кличка Филька-соври.

Между тем стадо коров проходило мимо завалинки, от коров шёл запах свежей травы, парного молока.

Виктор по прозвищу Телемастер (мог починить любой телевизор, но была вредная привычка — выпивал часто) всё проспал. Когда проснулся, не мог понять, какое время дня.

— Петровна, можно вас спросить? Сейчас утро или вечер?

— Конечно, вечер, вишь, коровы идут!

— Так коровы и утром идут.

— Так сейчас оне идут с поля домой!

— Восподи, Восподи, спаси и сохрани! Это же сколько надо выпить, чтобы чёрт его так попутал! Не зря ж говорят: допился до чёртиков!

Хозяйки, прихватив своих детей, шли доить своих Бурёнок, Ночек, Дочек.

Мужики тоже долго не засиживались: назавтра рано вставать.

Потихоньку начали все расходиться, и завалинка опустела.

Уже за полночь соберётся молодёжь. На завалинке будут обсуждаться свежие новости, зарождаться новые чувства, надежды.

ЗАВАЛИНКА — «КРЫША ДОМА МОЕГО»

Завалинка — для меня это слово было обычным, как изба, русская печь, голбчик, ухват. От грубого рабочего слова «заваливать» родилось мягкое, ласковое «завалинка». Завалинка — это земляная насыпь-утеплитель вокруг деревенской избы.

Если по порядку, то выглядела она так. Сначала делался каркас-опалубка высотой венца на два и шириной с полметра. Хозяева сколачивали её из досок, в основном из сосновых или берёзовых. В ту пору леса ещё охраняли лесники, разрешить выбрать сосну или берёзу на завалинку — святое дело. Затем образовавшееся пространство заполняли опилками, но в большинстве случаев засыпали землёй.

И хотя на нижние венцы использовали брёвна из особо прочных пород деревьев, в конце весны завалинку разваливали, землю выбрасывали наружу, чтобы просушить нижние брёвна избы.

Завалинка делала избу приземистой, и когда весной землю отваливали, строение как бы распрямлялось.

Осенью, управившись с полевыми и огородными работами, землю перелопачивали, просушивали и возвращали назад.

Была завалинка и в подполе (голбчике). Она была забрана досками, чтобы земля не осыпалась. На ней хранили овощи. Бывало, что женщины закапывали в неё банки или бутылки с самогом, брагой, как говорили: «Подальше спрячешь — поближе возьмёшь».

Кроме хранительницы теплосберегающей силы земли, завалинка — это привычка, обычай, традиция. Здесь узнавали обо всех событиях, которые происходили в селе: нельзя было ничего утаить, всё было на виду.

Вернусь я в домик маленький, печаль с души сниму,
И снова на завалинке не тесно никому...

Для людей она с виду такая простая и обычная... Ну и для меня она была неинтересной — завалинка и есть завалинка, что на неё смотреть! Но со временем она незаметно стала притягивать людей, как большой магнит притягивает всякую железную мелочь. А всё потому, что мой дед Осип любил сидеть на этой завалинке.

Сядет он ранним утром и начнёт делать любую работу, без дела не сидел. Я любила такие моменты и подсаживалась к нему потихоньку — и от солнышка тепло, и от дедушки. И точно знаю: он всё равно мне что-то расскажет.

Ценна была завалинка у избы ещё и тем, что с весны до осени служила гульбищем, дискотекой и посиделками. Однако зимой на завалинке пятую точку отморозить можно. Зато летом — на ней хорошо!

Я разделявала, раскомаривала,
На завалинке сидела, разговаривала!

К пригону стада на завалинке кучковались старушки, бабы с ребятей, позже — мужики, гармонь, а совсем в ночи — шёпот, поцелуи...

Ой, милый мой, сваляй валенки,
Посижу я с тобой на завалинке!

Да, к утру прохладно становилось.

На окошке цветочек любит поливаньице,
На завалинке ребята любят целованьице!

Много частушек спето и про завалинку, и на завалинке.

Почему-то вспоминается Настя Судьбинюшка:

У меня залёт большой не любит меня маленьку.
Погоди, залёт большой, залезу на завалинку!

Только бойкая девушка, как она, могла на завалинку вскочить, чтобы одного роста быть с залёткой (парнем).

Интересно со стороны наблюдать такую картину. Сидят старушки на завалинке, идёт кто-нибудь мимо — головы сидящих как по команде поворачиваются за проходящими. Прохожие — очередная тема для разговора, и всё видят и всем отпустят «порцию правды».

— Глянь, Дуська, и ктой-то это идёт?

— Хто-кто... Чё ль не признала, Анфиса? Да енто «сзади — пионерка, а спереди — пенсионерка»!

— Это чтой-то, Мусенька со Судьбинкой?!

Тётю Марусю Батюнову все звали ласково Мусенькой, Анастасию Асанову — Судьбинкой, это о них говорили «метр с кепкой», «сзади — пионерка, спереди — пенсионерка».

Батюнова Мария — рукодельница такая! Вот и сейчас вызвала зависть других: нашла материю — гипюр и сшила кофточка, для того времени гипюровая кофточка и черная юбочка — это супермодно.

— Восподи, восподи, Дунька, ты посмотри, ну ни стыда ни совести! Начёс на голове навели, а брови-то чарвлёные, а губы-то крашенные! Тьфу ты, а юбки-то едва прикрывают постыдные места! — осуждающе запричитала всевидящая, всезнающая бабка Анфиса.

И опять физкультминутка — разворот шеи в другую сторону. Когда движение более оживлённое, некоторых приходилось пропускать без комментариев — не успевали. А проходившие мимо этого «жюри» низко кланялись и говорили весёлые приветствия.

А кто побойчее, мог и пропеть:

Мимо дролиной завалинки хожу и не дышу,
Бойтся его маменька — а вдруг приворожу!

Иногда открывалось окно, и сидящие получали от хозяйки дома пироги, пареную кукурузу или семечки.

Были, конечно, и такие, которые не любили, чтобы на его завалинке сидели, будь хоть его родственники, а уж молодёжь по ночам-вечерам — и не думай! Назло делали завалинку высокой, захочешь сесть — не дотянешься...

У наиболее удобных завалинок, где хозяева терпеливее («чего уж, сами такие были!»), земля была утоптана, как асфальт. И по праздникам именно здесь проходили общедеревенские гулянья.

На завалинке у каждого как бы своё место имелось: парочки, в какое-то время, передвигались на боковую сторону дома, где окон не было.

Хорошо с тобой, милёнок, на завалинке сидеть,
Каково родимой матушке на нас с тобой смотреть?

Поссорившиеся, точнее ревнующие, рассаживались по разным завалинкам или их сторонам, но в зоне слышимости, и соревновались: то устраивали громкий смех, порой деланный, но чтоб дружный, то частушками ядовитыми перекидывались:

Соперницу рыжую с завалинки выживу,
Потому и выживу — ненавижу рыжую!

Интересно, что не все возрастные категории пользовались завалинкой. Ребятишки, понятное дело, бегали, в прятки и догонялки играли. А ещё на завалинке не сидели молодые девушки на выданье.

Дни последние отгуливат головушка моя,
Скоро, девушки, не будет на завалинке меня...

Гулянки закончились — муж под боком, а со старшими — не по статусу было сидеть. Они могли спросить: «Мол, из дел выбилась? Все дела переделала? Да разве ж их когда переделаешь? Так чего же на завалинке сидеть?»

Была на селе традиция — когда приезжали гости в дом, после застолья выходили все на завалинку: и поговорить удобно, и «поглядите, какие гости у меня!».

А если хозяин дома на радостях перебирал, его укладывали на завалинке на фуфайчонку — и в стороне, и в людях. Словом, завалинка — это как «крыша дома моего».

Не шумит уже завалинка на селе. Её просто не существует больше. Разве только — у покосившегося домика одинокой старушки...

ПРОЗВИЩЕ

На завалинке у деда Петрована сиротливо сидели Павел Захарович (Паря-Харя) и Филипп Тимофеевич (Филька-соври), одевшись потеплее: в фуфайки, шапки, сапоги. Сам хозяин завалинки вышел к ним в подшитых валенках.

Был конец сентября. Полдня моросил «мерзопакостный» дождь, все попрятались в своих избах. Из трубы избы Петра Михайловича валил дым и стелился по земле серой ядовитой змейкой. После обеда выглянуло солнце, оно только светило, но не грело.

Павел Захарович достал самосад и затыкнулся самокруткой, грустно заметил:

— Вот и осень уже. Да, с сеном в этом году тяжко. Дожди да осенние поджоги сделали своё дело, а теперь ещё и лихие люди повадились по ночам воровать.

— За свои стожки я спокоен. Давеча прошёл листодув, благо стожки с июньским сеном устояли, а причина тому — хорошо утрамбованная середина, — спокойно ответил Асанов.

— И в чём же твой секрет, Петрован?

— Секрет прост. Скирды мне теперича ни к чему — одна коза. А вот раньше обязательно внутрь скирды закладывал порванный буксировочный трос, чтоб еслив чё, в дальнейшем можно было доказать, што скирда моя...

— То раньше, а сщас?

— А што сщас? Как подгребёте остатки сена вокруг стога, берите пучок в руки и со словами: «Кто возьмётся, тот кровью обольётся» засуньте его под основание стога.

Филипп Тимофеевич не сдержался и съязвил:

— Да всё енто ерунда! Бабские сказки. А еслив серьёзно? Сказывают, Петрован, што огонь за полтора метра от твоего сена затухат?

— Ну да, ести такое. Просто свои стожки ставлю обычно на возышенности и так, штоб вокруг сырая лоцинка была...

К завалинке подошла приезжая учительница Валерия Петровна. Это была худенькая женщина, с гладко зачёсанными русыми волосами, уложенными аккуратно в пучок на затылке. На лице ни следа от косметики. Во всём чувствовалась скромность и интеллигентность: в одежде, в манерах поведения, в разговоре. Её с сыном Ромкой поселили в одном из учебных кабинетов в здании старой школы, где очень сыро, а отопительный сезон ещё не начался. Срочно требовался печник, чтобы поставить печь. Извинившись, что помешала беседе, учительница спросила, кто может ей в этом помочь.

Павел Захарович указал ей на подходящего к завалинке плотного телосложения, низкорослого мужчину лет

сорока, но уже с большой залысиной на голове. Его лицо напоминало печёное яблоко с синюшным оттенком. Запах перегара, неопрятный вид, ноги в калошах без носков — всё указывало на длительный запой.

— А вот Вовка Боров как раз будя по печной части, к нему и обращайтесь.

Валерия Петровна тихим голосом обратилась к мужчине:

— Здравствуйте, дяденька Боров, мне сказали, что вы кладёте печи.

Проезжавший мимо трактор заглушил слова учительницы. Но по багровому лицу и шее мужчины местные поняли, что он слышал, что его назвали Боровом. Дед Филипп оказался в нужное время и в нужном месте. Ох и мастер был на лету сочинять, и у него всегда получалось правдоподобно. И сейчас он понимал, что надо спасти ситуацию.

— Нет, Пятровна, боровков Вовка не подкладывает. А что, решили завести? Так вот, еслив хотите, чтоб у вас водились свиньи, для ентого найдите выброшенную кем-то старую свинячью кормушку. Надо её занести в сарайку и схоронить на время где-нибудь в уголке. Хорошо, конечно, было бы маленького поросёнка «прихватизировать», но мы-то чтим закон, в отличие от Павла Захаровича, — на одном дыхании выпалил дед Филипп.

— Сравнил, Тимофеевич! Курица — свинье не ровня, — поддержал беседу Павел Захарович.

Филипп Тимофеевич словно не слышал возражения и продолжил поросячью тему:

— Не важно, курица или бык, енто чужо имущество! Мы не будем «прихватизировать», а поступим иначе. Итак, после тово, как вы купите поросят, не несите их сразу во двор, а оставьте где-нибудь поблизости от избы. Позже пойдёте и как бы случайно их найдёте.

Все засмеялись. Тем временем Владимир с подошедшим «напарником по несчастью» Виктором (Телемастер) отправились по наторенной тропинке «поправлять здоровье».

— Ох, как же нехорошо-то получилось, и даже не знаю, взяла и обидела человека. Не хотела я, ведь думала, что Боров — это его фамилия.

Пётр Михайлович со знанием дела начал успокаивать учительницу:

— Что скажу, Петровна, вы новый человек и не ведаете, что у нас на селе кажонный имеет своё прозвище. Вот, к примеру, меня окликают Петрованом, Павла Захаровича — Паря-Харя, а Филиппа Тимофеевича — Филька-соври, и никто обиды не держит. Павел Захарович даже сочинил стишок об ентом, скажи, Паря-Харя!

Тот недолго думая спел:

По Лунёвской дороге шёл Филипп Кривоногий,
А за ним Белоусов Хромой...
А Семён Коновалов, он стоял у подвала,
А Алёшка Безногий быстро полз по дороге,
Пётр Горбатый с ружьишкой кривоватым
Гонялся за зайцем косым...

Учительница улыбнулась и сказала:

— Да у вас талант, Филипп Тимофеевич, я заверяю вас как учитель-словесник.

— Да, вы правы, он мастер вертеть дырки на боку, что касатся присочинить, не зря получил своё прозвище — Филька-соври...

Пётр Михайлович предложил присесть учительнице, уступая своё нагретое место на завалинке, и продолжил объяснять деревенские обычаи:

— Так вот, что касатся Вовки... Батьку Вовки, Николая Степановича, все тоже звали Боровом. Прозвище-то он получил за свою внешность — нос у него был сильно курносый, как пяточок у свиньи. Так доходило дело до того, что когда приезжие спрашивали: «Где тут Николай Степанович живёт?» — никто не мог сказать. А если спросят: «Где найти Борова?», то все укажут, и даже дети. Что характерно, к сыну Николая Степановича, Володьке, тоже ента

кличка пристала, да, видно, што имя, то и кличка влияют на судьбу.

Дед Петрован во время разговора гладил кота по спине, тот от удовольствия размурлыкался, да так громко, что больше никто деда не перебивал, и он продолжил свой монолог:

— Вот Вовки отец, работая в колхозе, усердием не отличался... Бывало, посылат его бригадир зимой на лошади по сено — ни за што не поедет. Говорит: «Это если б метать сено, я бы поехал, а по холоду не могу». И наоборот, посылают сено метать, а он опять отказывается: «Это если б меня по сено посылали, я бы поехал, а метать в такую жару — нет».

Уехал Николай Степанович в Юргу, пожил какое-то время там, городским стал. Купил себе хвотоаппарат, ходил по деревням хвотографировал, ентим и зарабатывал себе на жизнь. Накопил денег, конечно, часть денег выпросил у матки и приобрёл себе железного коня — мотоцикл «Иж-49». В деревню на нём стал часто заезживать. А помнишь, Павел Захарович, как он тебя прокатил?

— О-о-ох... До смерти не забуду. Вот же паршивец этот Колька!.. Ехать пришлось через мостик. Поперёк его горбыль толстый лежал, а дальше — лужа. Мотоцикл ка-а-ак скаканёт через этот горбыль, я не удержался и шлёпнулся, да прямо в эту лужу! А что Колька, Колька покатыл дальше, не заметил моей потери. А, чтоб его холера подхватила! Еслив бы я знал, что он такой дурак, сроду бы с ним не поехал!

Присутствующие на завалинке засмеялись, смеялись от души, смех скрасил возникшую неприятную ситуацию.

Дед Петрован вытер рукавом фуфайки выступившие от смеха слёзы и уже серьёзно продолжил рассказывать:

— Вовка-то на строителя в Кемерово обучился, возвратился на село. Поначалу на хорошем счету был в колхозе, собрал бригаду строительную. А тута грянула ента перестройка, будь она неладная, и всё перекроила на свой лад.

О ЧЁМ ШУМЕЛА ЗАВАЛИНКА ПРУСОВЫХ

Дом Прусовых Марии Евтиховны и Осипа Тихоновича стоял в Калмыцком проулке, далеко от проезжей части села. Сразу за их огородом бежит река Топкая, в которой днём купались лучи знойного солнца, а вечером от неё тянуло свежестью и прохладой. С детства осталась в памяти картина: марево из маков, огромные тыквы, готовые превратиться в карету... и подсолнухи! Много подсолнухов...

Бабушка Мария говорила:

— Подсолнухи — это дети солнышка. Вот видишь, куда солнце, туда и они головки свои поворачивают, так и ты, пока молода, тянись за добрыми, хорошими людьми. А когда вырастешь, обратно людям тепло отдавай, от этого жизнь хорошей становится.

Завалинка Прусовых выходила на южную сторону, и как только весной припекало солнце, она оживала. Сидя на завалинке, дед Осип подшивал валенки, плёл из лозы корзины, делал топорища, точил ножи, отбивал литовку — словом, жил. Тут же, расстелив лоскутное одеяло, баба Мария приносила шляпки срезанных подсолнухов. Нам, внукам, а их у неё было, как говорится, семеро по лавкам, выдавала рубель или скалку и мы, соревнуясь, выбивали семечки. Потом в железной ступке толкли мак или черёмуху — начинку для пирогов. Здесь же перебирали клубнику, грибы, сушили травы. Рядом на солнцепёке стояла квашня, накрытая рушником. Время от времени бабушка смачивала руки в лохани и помешивала тесто, от которого шел хмельной запах. Вся жизнь проходила на виду, да и скрывать-то особо было нечего.

После обеда слетались по большей части соседки — старушки, бабы с сопливой и неутомонной детворой, а вечером,

ближе к ночи, подтягивались с виду степенные и немногословные мужики.

Мария Евтиховна была хлебосольной хозяйкой. Никто не уходил, не отведав бабушкиных пирогов. Потчевала паренной в русской печи тыквой, дыней, кукурузой, калиной, бобами, горохом. И конечно, лузгали семечки: здесь тебе и подсолнечные, и тыквенные, и дынные.

Первой заглядывала на завалинку соседка Анастасия Ёлгина, тем самым оправдывая своё прозвище Настя Победа. Она очень боялась машин, и если надо было куда-то ехать, говорила: «А я ещё впрямь вас буду!» И ведь добиралась до места назначения первой. Как ей это удавалось, никто не знает.

Соседку Басалаеву Аграфену Тарасовну и мою бабушку считали закадычными подругами. Их объединяла многолетняя дружба и фронтовое прошлое их мужей. Баба Груня была спокойная, рассудительная, умудрённая жизнью женщина. На хрупких плечах она вынесла военную пору: работа, дети, хозяйство. Легче не стало Аграфене Тарасовне и после возвращения мужа, Петра Афанасьевича, с фронта. Он был контужен, за ним самим нужен был уход. Её терпению можно было позавидовать, в доме прибавилось, считай, ещё одно дитя.

Скоро в проулке появлялась высокая худощавая фигура бабки Арсёничихи — Арсёнкиной Анастасии Трифоновны, её нельзя было ни с кем спутать. Она ещё издали начинала громко причитать на всё село:

— Вот надо же, рабончик обмарался, орёт, а матка всё в огороде копается да копается, всё не идёт и не идёт! Вот пришлося с собою его прихватить!

Но, несмотря на воинственный вид, она была сердобольным человеком, всегда помогала водиться с соседскими детьми. И на этот раз привела упирающегося мальчика Витю.

Бабка Прусиха подсунула мальчонке чашку с пирогами:

— Кушай, милый, матке-то некогда тебя покормить, всё робит и робит. Вона какой худющий. Зато зимой хорошо, как говорят — хворост морозу не боится!

Баба Груня, видя растерянность мальчугана, советует:

— Бери любой, начинка у одних сладкая, у других с кислинкой, у третьих с горчинкой. Это как в жизни, милоч, бывает, кому как повезёт! На каку бабу напорешься, така и жисть будет.

Ловко забрасывая в рот семечки и сплёвывая шелуху в фартук, Настя Победа с загадочным видом покосилась на хозяйку:

— Вот, Прусиха, скажи, почему у тебя всё хорошо родит?

— Тайна моя проста: чтоб был урожай, надо-то верхки сажать при растущей луне, а вот корешки, наоборот, при убывающей. Давеча я видела, как ты, Настасья, в огороде рбила на следующий день после Троицы, а есть поверие — в Духов день нельзя землю беспокоить.

Аграфена Тарасовна посетовала:

— Нынче у меня огурцы будут поздние. Я, бабочки, огурчики прорастила, пошла сажать, поставила на минутку тарелку на столбик, а в это время воробьи склювали всё. А духов я не трогала! Вот это как? Во чём верить-то? Духов-то не тронула!

— Вон у меня выросли, бери сколько хошь. Первый огурец должен сорвать и съесть мужчина, у меня Тихон охлователь до огурчиков. А воробьи и до подсолнухов ой как охочи! Приходится спасаться от них, завязываю тряпкой шляпки подсолнухов. Опять-таки нельзя лузгать семечки в огороде — урожаю не бывать.

— Это до Троицы или после? — решила уточнить Настя Победа.

— А никогда! Плювать на свой огород — завсегда дело поганое.

Бабка Арсёничиха продолжила огородную тему:

— Гляжу, Марья, у тебя ноне мак хорошо взошёл, а у меня хоть бы одна маковка вылезла. Посеяла, как щас помню, немного погутарили с соседкой Ульяной Мурашкевич. Жду, уже две недели, почитай, жду — пусто на грядке, будто не сеяла. Вот тебе и добрая соседка. Гадина, да и только!

— Вот что скажу, милая моя. Если ты что-то посеешь, а соседка в это время спросит: «Что ты садишь?» — не говори, не будет урожая, — и задом к ней, будто глухая.

Баба Груня поддержала разговор:

— Может, ты забыла и не посеяла. Как говорится, на берёзе — мак, под берёзой так! Вот так и у тебя!

Настя Победа решила реабилитироваться и показать другим, что она тоже знаток примет:

— Я вот перед тем, как сажать тыкву, за попу подержусь, чтоб крупная росла.

— На кой тебе больше-то?!

— Чаво смеётся, я в смысле, чтобы тыква росла. А когда вот сажаешь чеснок аль лук, нельзя, извините, пукать, чтоб они жгучами не выросли. Народная примета, мудрость! Да. Дух чистым должен быть.

— Милая моя! Нужно робить: полоть, поливать, рыхлить, а не верить в приметы. Если посадила, а ухода никакого, то хоть держись за попу, хоть не держись, всё не туды и не сюды... А вот по части пукать, то меньше надо, это верно.

— Прусиха, а ноне твои куры повыгробали всю грядку чеснока!

— Что, прикажешь на цепь их сажать?

— Ну не на цепь, а на верёвку можно. Ныне Ульяна Мурашкевич привязала на верёвку курицу, она у соседей в огороде попортила грядку лука.

— А мне таперича некого сажать.

— А что так, Марья, куда подевались-то куры? Украли? — спросила баба Груня.

— Скажи, Аграфена, Анастасии, нехай кур моих вернет, что унёс ночью Тихон! Иначе Канчера вызову.

— А что сразу Канчер, Канчер! Нехай забирает, они мне не нужны! Сам принёс, сам пусть и уносит.

В селе стало нарицательным слово «Канчер». Многие жители считали, что это милиционер, а не фамилия. А на самом деле Иван Иванович Канчер жил в Баратаевке, но был участковым в Кармановке, Сосновке, Корнилове.

Разрядил обстановку мальчик Витя. Почти до трёх лет молчал, а потом как прорвало, начал говорить очень быстро, сглатывая буквы, окончания, и не выговаривал букву Р.

— Сейчас азьму ножичек и вашего па-а-асёнка залежу этим ножом!

Все засмеялись. Ссора закончилась тем, что баба Настя пообещала вернуть кур без вмешательства Канчера.

К вечеру пришёл хозяин завалинки Осип Тихонович, бабушка звала его Тихон — только по отчеству. Они прожили в браке шестьдесят девять лет. И за все эти годы, несмотря на ссоры и разногласия, сохранили чувства друг к другу. Бабушка родила девять детей, последнего, Михаила, рожала в сорок пять лет, после возвращения деда с войны.

Дед Осип в Бога не верил, а вот в силу крепкого русского словца — да! Его любимое выражение было «попу мать». Он обладал отменным здоровьем и недюжинной силой. Не имел вредных привычек. До войны работал конюхом. Был в плену. Вернувшись домой, дед замкнулся, не любил воспоминаний о времени, проведённом в концлагере. Напоминанием были рубцы и шрамы на его спине. Устроился в колхоз на скотобойню. Резал скот один: мог за день «задрать» две, а то и три головы. Был случай, когда бык, весивший чистым мясом до четырёх центнеров, вырвался. Дед догнал, лихо накинул верёвку, прижал голову быка к земле и удерживал до тех пор, пока не пришла подмога.

Вечером, сидя на завалинке, он доставал лист бумаги и на нём химическим карандашом делал запись:

- Драл быка два с половиной часа.
- Э, паря, а стельный-то был бык?
- Вроде нет, не рассмотрел, не до этого было!

Как-то загорелась баня с крыши, баня стояла у речки. Жители села бегут с ведрами тушить. А дед Осип сидит на завалинке, смотрит на происходящее и спокойно так говорит:

— Да, попу мать, что её спасать... Значит, время пришло ставить новую.

Сенокосная пора у жителей села ассоциировалась с дедом Осипом. Начало июля. Каждое утро, пока не спала роса, в своей зелёной фетровой шляпе, в не снимаемых ни зимой, ни летом кирзовых сапогах (подарок Басалаева Петра Афанасьевича, привёз с фронта), с детским рюкзачком с провиантом, с косой через плечо он шёл на покос. Дед Тихон говаривал, что надо начинать косить рано утром, пока роса.

— Что ж не взял Марию Евтиховну на покос, помогла бы?

— Попу мать, як она поможет, ей уже семьдесят шастый годик! И на хрена мне старуха на покосе?

Деду было за восемьдесят, но он не знал усталости, сено заготавливал вручную. Чисто убирал покосные уголья.

Ставил ровненькие, как по линейке, копны, а жена всё ещё боялась забеременеть.

До сих пор жители села вспоминают случай. Чете Прусовых было под восемьдесят. Бабушка приревновала деда, они поссорились. Дело дошло до того, что поделили территорию в избе, условно обозначив границу домоткаными половиками. Готовили еду отдельно, в разных чугунках, правда, на одной печи. Не разговаривали друг с другом недели две. И только когда баба Мария упала в голбчик (подпол), старики примирились.

Умер дед Тихон, можно сказать, на завалинке, ему было девяносто лет. Пошёл весной в стайку, а там пол заledenел, он поскользнулся и упал. Пролежал несколько часов, пока его нашли. Всё лето проболел. В последний августовский вечер, посидев на завалинке, дед Тихон ползком добрался до огорода и в последний раз осмотрел хозяйским взглядом свои владения. Вернулся к завалинке. По лицу и по тому, как произнес своё любимое «попу мать», все поняли, что он доволен.

— Да, урожайный ноне год будет, вот только мне не перепадёт. Ты, Генка, возьми хлопоты на себя. Ты знаешь, о чём гутарю. Пусть годовалый бык, из-за которого я пострадал, сослужит мне последнюю службу. Вырученных денег, думаю, должно хватить и на девять дней, и на сорок.

Позже, к ночи, от реки потянуло прохладой, и поднимавшийся сизый туман окутал деревню, это вносило покой и придавало умиротворение душам, мыслям, и обыденная земная жизнь обретала значимость для всех жителей села. Вскоре завалинка опустела, погасли в избах огни и только звёзды до рассвета игриво подмигивали, купались в отражении реки. А где-то всю ночь выла собака...

Бабушка Мария умерла весной, пережив мужа на два года.

Последние жильцы дома были пьющими и курящими людьми. Зная отношение деда Тихона к спиртному и табачным изделиям, думаю, он бы в сердцах бросил: «Попу мать,

да гори оно всё синим пламенем!» Сгорело! Летней ночью случился пожар: постояльцы в пьяном угаре уснули с горящей сигаретой, дом вспыхнул как спичка, они едва успели выскочить на улицу.

Уже четверть века не шумит завалинка Прусовых. Удивительно, но каждую весну яблоня-дичка, посаженная дедом Осипом, надевает свой белый наряд. В августе жители села собирают малину, которая разрослась на бывшей усадьбе Прусовых. Это всё, что осталось в память о дедушке и бабушке.

И только в моей памяти собираемся мы все вместе на завалинке деда Тихона — все от мала до велика, и смеюсь я над ними и плачу, обнимаю всех — хорошие люди, хорошая страна — моё Корнилово.

БАБЬЕ ЛЕТО

Дед Филипп постелил старенькую, изрядно поношенную фуфайку на завалинку и прилёг. Под голову положил подшитые валенки, которые с утра вынесла жена Анастасия на просушку. Мужчина подставил лицо солнцу, вытянул ноги в шерстяных носках и блаженно улыбнулся. Наконец-то можно перевести дух и погреть свои косточки на настоящем за лето солнышке.

На дворе стояло бабье лето. Листья на деревьях при лёгком порыве ветра отрывались и парили над землёй, словно крошечные парашютики, а потом летели к земле умирать. Воздух был чистым. Солнце припекало по-летнему, его лучи словно заигрывали с листвой берёзы. А берёза, казалось, вся светится, пылает золотым огнём изнутри, радуясь теплу, пусть и последнему перед зимними холодами. Небо, бирюзовое с белыми причудливыми облаками, приковывало взгляд. Всё, казалось, растворялось в этой бирюзе и вносило спокойствие и умиротворение в суетливую людскую жизнь.

Рядом с дедом примостился внук Витька, рыжий, со взлохмаченной копной волос, рассыпью веснушек на носу и смешно оттопыренными ушками. Он приехал из города с отцом на пару дней погостить и помочь управиться с огородными делами.

— Слава тебе господя, вот и справились с картошечкой, — блаженно прокряхтел дед. — Всё ляжит на своём месте: семенная в погребке, а на яду в голбчике.

— Деда, смотри, на небе радуга! — Внук смешно шмыгнул носом и показал пальцем вверх.

— Есть, внучок Вихтор, верная примета: если в бабье лето будет радуга, ento означает, что осень будя долгая и тёплая.

Шестилетний внук был смышлённый мальй. Округлив свои голубые глаза, усмехнулся, недоверчиво посмотрел на деда и спросил:

— Дедуль, какой бабушки лето? Нашей, что ль?

Дед Филипп хитро прищурил глаза, в которых запрыгали весёлые чёртики, улыбнулся, почесал затылок, сдвинул фуражку наперёд и, поглядывая в сторону жены, начал своё объяснение издалека:

— Нет, конечно... — он замолчал. Немного подумав, продолжил: — А вообще-то, как посмотреть на енто, внучок. Вот как бывает у природы? Всё, кажись, кончилось лето. Ветры холодом обдавают, дожди разводят слякоть, а потом — раз, будто возвернулася жизнь, всё оживает. Вона глянь, цветы по второму разу зацвели. — Дед указал на астры в палисаднике. — А грибочков-то скоко? Море, особливо опят! И вот, Вихтор, всё почему? А я тебе скажу, енто благодаря теплу, его земля-матушка отдаёт не жалея.

Внук внимательно слушал с широко открытыми голубыми глазами, приоткрыв рот, и, когда дед замолчал, с недоумением спросил:

— И при чём, дедуль, тута баба-то наша?

— А вот при том, внучек Вихтор, — продолжил философствовать дед Филипп. — Ведь в жизни оно как? Всё дёржится на любви-то... Вот, кажись, что всё плохо у человека, всё утеряно и нет выходу из бяды, и только баба сможет согреть, утешить, дать надежду. Она одна пожалеет, ничегошеньки не прося взамен. Вот как твоя бабушка Настя.

Оба, замолчав, наблюдали, как высокая худосочная фигура Анастасии мелькала то на огороде, то в ограде, то на летней кухне. Она будто не знала усталости.

Три дня подряд Настасья трепала лён, позвав на подмогу своих подруг Марию, Настю и Анфису, — одной ей бы не справиться, это самая тяжёлая и пыльная работа осеннего периода.

За дни трёпки льна летняя кухня покрылась серой пылью. И сейчас Анастасия, налив воду в корыто, развела щёлок и мыльным раствором тщательно натирала мочалкой из пеньки стены, полы и окна помещения.

Время от времени Настасья для порядку строго поглядывала в сторону мужа, но от её взгляда исходило какое-то

живительное тепло. Ей было за шестьдесят, и волосы уже посеребрило, и морщинок прибавилось, но она по-прежнему притягивала взгляды мужиков, и муж, да и сама Анастасия это знали.

Вот и сейчас ветер нежно ласкал её лицо, солнце разрисовало щёки румянцем, глаза блестели, в них отражалась бирюза неба с лёгкой поволокой. Прядка светло-русых волос, выбившихся из-под ситцевого платка, сплелась с лёгкой, тонкой паутинкой, летающей в воздухе.

Холщовая юбка, ситцевая кофта и душегрейка подчеркивали стать её фигуры, несмотря на то, что она родила семерых детей. Анастасия с нежностью посмотрела на своих мужиков и произнесла с улыбкой:

— Ох, старый, старый, каким трепачом был, таким и остался.

Внук, услышав от бабушки такие слова, округлил глаза, надул щёки и засмеялся, обнажив рот, где не хватало двух передних зубов; с присвистом выдохнув из себя воздух, задал очередной вопрос:

— Баб Настя, а почему дедулю-то трепачом называешь?

— И вот еслив кака баба заболтатся, прекратит трепать лён, ей обязательно укажут: «Ну-ка, хватит трепать языком-то, значит, болтать, давай трепи лён», — и, посмотрев на мужа, добавила с улыбкой: — так и дед твой всё болтат да болтат без умолку, вот и есть — трепач.

Дед Филипп улыбнулся. За совместную жизнь он хорошо изучил свою жену и решил перевести разговор на другую тему, это он умел.

— Да, внучек Вихтор, трепало — енто инструмент для бабы то же самое, что топор для мужика. Вот моя матушка, когда жива была, меня наставляла, царство ей небесное...

Дед, кряхтя, встал, сел, опустив ноги с завалинки, трижды перекрестился, помолчал некоторое время и продолжил просвещать внука:

— Так вот, матушка моя говорила: «Смотри, Филиппок, при выборе жаны бери девицу из трепальни». Моя На-

стасья сразу мне приглянулась, вот, почитай, сорок лет живём душа в душу.

Он украдкой посмотрел в сторону жены и с теплотой в голосе продолжил:

— А что, я только правду говорю, ты у меня есчо о-го-го! Я тебя жалею! Ты, внучок, не смотри, что наша баба Настя строго так, енто она для порядку! Я ужо свыкся, что по бабским делам она командирша, но что касатся мужской работы, мне никто не указ.

По тому, как ещё ярче зарделся румянец на щеке Анастасии, стало ясно: по душе ей слова мужа.

Дед Филипп сунул ноги в новенькие калоши: внутренняя обшивка, похожая на мякоть зрелого арбуза, обволокла стопы теплом, а верх поблёскивал на солнце чёрным отражением. Он ещё какое-то время полюбовался на обновку, подаренную сыном, и медленно направился в сторону огорода, позвав с собою внука:

— Вихтор, сёдня нам с тобой надобно забрать завалинку досками, чтобы земля не осыпалась, а старые-то совсем сгнили. Мне одному несподручно. Пока доски не привезли, пойдём, подмогёшь в голбчик [подпол] перенести тыкву с дынею.

Филипп помнил о чекушке и знал, что жена ни за что не разрешит открыть её, пока он не исправит всё, что ему она наказала.

Он, охая, осторожно спустился по лестнице в голбчик, зажёл керосиновую лампу, что стояла в углу. Минут за двадцать они управились с овощами.

Сын ещё не вернулся с пилорамы. Дед снова расположился на завалинке. Внук прилёг рядом с ним, закинув руки за голову, и начал изучать небо. После обеда солнце выглядывало тепло и ласково, а время от времени пряталось за кучевые облака, словно играло с ними в прятки.

— Смотри, дедуль, вон то облачко, что справа, — на лощадку твою похожее... — мечтательно заметил внук.

— Не... Такая коняга, как енто облако, была у моего бати, ух и резвая, ети её мать! Как-то убёгла, так мы с батей

её полдня ловили, умаялись все. А через девять месяцев кобылка-то наша ожеребилась. Толька жеребушка имела окрас пегий, вся в соседского коня. Батя её на свадьбу подарил мне, вот она, почитай, сорок лет верою и правдою служит. А вот и она, моя помощница.

На лошади подъехал сын Николай, привёз доски. А внук всё донимал деда:

— Дедуль, а зачем каждый год заваливать и отваливать землю на завалинке?

— А вон, вишь, Вихтор, тенётника [осенняя паутина] летает по воздуху — енто очевидный знак, осень будет ясная, а зима — студёная. Завалинка, внучок, для того, чтобы в дом тепло загонять.

Баба Анастасия затопила баню, дым расстелился по земле. Дед Филипп подметил:

— Дым по земле — енто верная примета — к перемене погоды. Тебе, внучок, открою есчо одну примету: еслив в бабье лето на завалинке что-нибудь закопать и загадать желание, то оно обязательно сбудется, но при условии — никто не должен знать об ентот. Вот мне дуже хотелось иметь своего коня — и вот, пожалуйста.

Едва справились с завалинкой, как послышался звук приближающегося стада. В этот год колхоз на зиму заготовил корма, так разрешили колхозникам своих коровушек на пойменные луга выгнать. Отава на местах покосов подросла, вот сельчане установили очередь и пасли по дворам. Сегодня пас дед Петрован, хотя у него из животины — одна коза Зойка.

Анастасия открыла скрипучую калитку во двор. Корова, обдав запахом свежей травы и парного молока, прошла мимо завалинки, усиленно махая хвостом, стараясь избавиться от назойливых насекомых.

— Филипп, берите с сынком внучека — и в баню, смойте с себя грязюку. А ты, дед, пораньше спать ложися, завтра надо будя рано вставать, наша очередь пастить, — распорядилась Анастасия и, взяв подойник, тряпку и кусочек хлеба, пошла доить корову.

Нахлеставшись берёзовым веником до изнеможения в жарко истопленной баньке, дед с внуком быстро сморились, заснули без задних ног.

Следующий день у деда Филиппа начался с первыми петухами. На ходу перекусил грибным пирогом, запивая его холодным молоком прямо из крынки. Прихватив с телеги бич, известил громким хлопком сельчан. Он начал выгон скота с улицы Центральной, а хозяева с Заречной и Береговой своих коров подгонят к стаду самостоятельно.

Настасья, проводив сына с внуком в город, поспешила в сельповский ларёк за хлебом. Подойдя к ларьку, увидела, что продавщица Анна Петровна сидит на табурете, специально сделанном для неё Лёшкой Безногим, — это означало, что хлеб ещё не привезли.

— За кем будя моя очередь? — спросила Анастасия у собравшейся толпы.

— Восподи, Настасья, ты, чё ль, белены объелась, в каком веке пришла за хлебушком-то? — удивилась Настя Победа.

— Дед мой сёдня в поле погнал коров на выпас. Есчо хочу огурчиков засолить, уж больно они хрумкие получаются в энти дни. Дак ужо мне не до квашни.

Настасья присела на крылечко ларька передохнуть и продолжила делиться планами на день:

— А есчо мы с Прусихой после обеда по грибы хотим сходить. Ох, ноне опята так и прут, так и прут. Туманы стоят густые-прегустые, а енто верная примета — пошла новая волна грибочков. Всё ноне родит, вона кака картошка-то уродилася, ну прям с голову поросячью.

Продавщица Зелевская грубым, прокуренным мужицким голосом пожаловалась:

— Зато у меня червяк-проволочник всю картошку поточил. Вы, Трифоновна, не знаете, как с этой бедой справиться?

— Подскажу, Пятровна, как не подсказать. Вот мы со своим дедом с осени заваживаем свинячий навоз на огород — ох хорошо помогают.

— Обязательно должен быть навоз от свиней?

— Это уж спровержено, Пятровна, и не только у себя в огороде, но и по соседям. Ну вот, перевела дух, побягу я, робить надобно.

Соседка Анфиса заверила её, что пришлёт своего сына, как только привезут хлеб. Анастасия быстрым шагом направилась в сторону своего дома.

Войдя в летнюю кухню, заметила, что муж не прихватил узелок с перекусом. Она решила, что в обед подменит его: пасёт рядом, под боком. И занялась засолкой огурцов.

Дубовая бочка, купленная в Ояше тридцать три года назад, готова. Анастасия ещё с вечера пропарила её кипятком с душистыми травами и просушила на солнце. Зелёные, один к одному, с пупырышками огурчики лежали замоченные с утра в холодной колодезной воде. Женщина ловким движением откидывала их на решето, укладывала на дно бочки рядочками, плотно прижимая друг к дружке. Каждый ряд Настя переложила листьями и корнями хрена, лесным смородиным листом, укропом и чесноком.

Взяв ведра, перекинув через плечо коромысло, она легкой походкой направилась к колодцу, что у дома Михаила Мельникова. Свежий сруб колодца можно издали приметить: три недели, как возведён на общие деньги сельчан, с каждого двора собрали по двадцать рублей.

У колодца стояла Мария Мельникова с краснощёким мальчуганом лет пяти.

— Сёдня выбрала огурцы с гряды, ведра четыре получилось. Хочу засолить. Скажи, Настасья, почему у тебя такие хрумки огурчики получаются?

— Всё, Марья, дело в рассоле, его я готовлю из колодезной воды, именно она и придаёт им крепость. Да ещо надобно на исходе луны солить, вот сёдня самый лучший день.

Мальчуган подошёл к бабе Насте и дернул её за фартук; глядя своими чистыми голубыми глазами, со всей серьёзностью спросил:

— А ты знашь «Хвастать, милая, не стану»?

Молчание. Женщины недоумённо переглянулись. А мальчонка всё допытывался:

— Так ты знаешь «Хвастать, милая, не стану»?

— Что ты хошь, милоч, не пойму? Мож ты, Маруся, пояснишь мне, старой? — недоумённо спросила Анастасия.

Мария вытерла лицо передником и, не скрывая улыбки, пояснила, что эту песню внук слышал от мужиков, что пели под гармошку на завалинке, и теперь она не сходит у него с уст.

Анастасия ласково погладила мальчугана по вихрастой головке. Легко подхватила полные вёдра и, мурлыкая себе под нос: «Хвастать, милая, не стану, знаю сам, что говорю...», направилась в сторону своего дома.

Продолжая петь, она ловко управилась с огурцами, накрыла деревянной крышкой зелень в бочке, сверху положила гнёт — камень, привезенный ещё её дедом от старой мельницы.

Время уже полдень, пора подменить мужа. Анастасия прибежала на поле. Коровы стояли в речке на водопое, дед Филипп сидел рядом со стадом на поваленной берёзе.

— Давай, старый, домой, отобедай. Там уже всё приготовлено. Поешь, и сразу обратно. Одна нога там, а другая здесь. А то вот-вот машина из сельпо придёт, мне купить хлебушка надобно. Так что ты уж не задерживайся!

Филипп ноги в руки — и домой. Заскакивает в избу, всё как обычно. На столе обед прикрыт рушником: малосолёные огурчики и груздочки издают укропно-чесночный запах.

Он убрал заслонку, заглянул в русскую печь, обнаружил там чугунок, прихватил его ухватом, поставил на припечек. Поднял крышку: в нос ударил запах квашеной капусты со свежей бараниной — борщ. У борща сверху образовалась прозрачная плёнка, значит, уже натомился.

Филипп слотнул слюну в предчувствии трапезы, нырнул в запечку, где накануне схоронил чекушку «Русской», ещё непочатую.

— Нету...

Дед Филипп из-за запечки всё, что там за лето скопилось, выгреб.

— Нету...

Он опять всё перебрал. Вымазался в саже с головы до самых сапог, заглянул в горло печи, там пошурудил руками. Нет, и всё тут! Нет бутылки, будто домовой её умыкнул. В общем, ему уже не до обеда.

Дед, как старый разведчик, расширил территорию поисков. Может, кто бутылку в какое другое место перепрятал из-за запечки? В горнице всё осмотрел. Бабий и мужской кут излазил. В сенцах всё перевернул.

Анастасия коров пасёт, мужа дожидается. Час, другой уже пошёл. А его всё нет и нет. Прибегает запыхавшийся от быстрого бега соседский пацанёнок и на одном выдохе выпалил:

— Баб Настя, тама машина сельповская приехала с хлебом. Очередь ваша подошла. Матка волнуется и послала узнать, будете вы сёдня хлебушко брать, может всем и не хватить.

Тут как раз и Филипп подгребаёт на своих кривых ногах. Весь в саже, трубочист будет почище. Злющий-презлющий, как цепная собака. И руками машет, будто отбивается от назойливых насекомых. Редко, ох и редко когда мужа таким видела Настя. Бывало, если сильно допекут, он вспыхивал враз, как спичка, да и тут же сразу тух. На этот раз, видно, что-то сильно его разозлило.

Вытянув шею, как гусак, Филипп подошёл близко к жене и с придыханием, шипящим голосом выдавил:

— Ты чё-ё-ё, старая-я-я, шутки со мной удумала чинить? Где моя заначка?

— Да ты о чём, старый? Где тебя черти носили, вона как весь изгваздался?

Анастасия не смогла сдержать смеха. Она смеялась, запрокинув голову, то и дело вытирая уголком платка глаза от слёз. Филиппа это ещё сильнее разозлило.

— Эти её мать! Что ржёшь, как сивая кобыла? В последний раз спрашиваю: где мой чаток, где мой мерзавчик?

— Какой, к лешему, мерзавчик?

Дед Филипп не унимался, а всё больше распалаялся, как самовар:

— Как какой?! А вот такой, что сына мне оставил! Накануне чаток я в запечку схоронил, за шастком был. Нету! Нету там ничегошеньки! Я не только в запечку лазал, всю избу, сенцы перерыл.

— Да я сёдня в избу-то и не заходила. Прямиком из летней кухни — сюда. Эх, старый, старый, а мозгов — как у цыплёнка... Ты есчо на повить [сеновал для сена] бы слазал.

В минуту и в глазах Насти мелькнули молнии. Сдвинув брови, подбоченившись, она, почти вплотную придвинувшись к деду, зашипела, словно змея:

— Иш-ш-шь что удумал, старый, мерза-а-авчика он захотел, а послая мерза-а-авчика — коров подрастерять? Терпежу-у-у у тебя, старый, что ли, нет до вечера подождать?

— Ты, что, Настасья, я маненько хотел, только для куражу.

Отойдя на безопасное расстояние, Филипп решил показать, кто в семье хозяин, выкрикнул:

— И ва-а-аще-то имею право! Страда уборочная закончилась, огородные дела справили, и енто бы дело надоть обязательно закрепить!

Но Анастасию невозможно переубедить, она всегда держала ситуацию под контролем, а мужа в ежовых рукавицах. Филиппу ничего не оставалось, как только махнуть рукой и сменить жену на посту.

К вечеру он успел малость подзабыть и поостыть. Анастасия встретила его с подойником у ворот и с тёплой ноткой в голосе сказала:

— Иди, Филипп, в баню, обмойся, а я спешно подою корову и сядем вечерить, а то вона как осунулся за день, не жрамши.

Когда дед Филипп перешагнул порог избы, то от неожиданности присел на лавку-конёк в мужском куте: в крас-

ном углу стол уже накрыт для вечерней трапезы! На белоснежной скатерти стоял студень, блины, начинённые грибами, творожком, квашеная капуста издавала запах свёклы и лука, а рядом четвертинка...

Но не успел дед прийти в себя, как его постиг новый удар. Порывом сильного ветра распахнуло створку окна, и бутылка с грохотом упала на пол...

Дед медленно начал сползать по стене на лавку. В избу вошла жена и от увиденного не смогла сдержать улыбки.

Из открытого окна слышно, как по крыше застучали тяжёлые капли дождя, поднялся сильный ветер. Ветки рябины били по окну, будто пытались скрыться от непогоды. Анастасия поспешила к окну, выглянула на улицу. Нависшие тяжёлые тучи закрыли почти всё небо, ветер поднимал и опускал опавшие листья в лужицы, они под тяжёлыми каплями дождя тонули.

Хозяйка закрыла створки и задернула ситцевые занавески на окошке.

— Не судьба, видно, Филипп, выпить тебе беленькую! Давай нальё нашу домашнюю рябиновую наливочку, да она и полезительнее-то будя.

Настасья пригубила настойку, склонила голову на плечо мужа и запела красивым грудным голосом: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...» Филипп подхватил, скорее подвыл — слуха-то не было, как говорят, медведь на ухо наступил. Они тихо, старательно выводили каждое слово песни, и, что удивительно, постепенно их пение слилось в унисон.

Тепло и уютно в избе, и так же — на душе у хозяев.

И подумалось: хорошо, что у людей не так, как у природы, погода в доме не зависит от времени года, и нет срока бабьему лету. Погода зависит от самих людей, от того, смогут ли они пронести через года и сберечь самое вечное чувство — любовь!

ПЯТНИЦА, 13-е

Фёкла, или бабка Хвёкла, так обращались к ней деревенские, скучала в одиночестве на завалинке, возле своей избушки-двуглазки. Это была старенькая, покосившаяся, покрытая толем изба. Крыша от времени немного съехала набок. У хозяйки всё не хватало средств, чтобы подправить её, да и некому помочь — мужа убило в сорок втором, а детей Бог не дал.

Вокруг избы — широкая завалинка, засыпанная свежим опилом. Тепло и уютно сидеть на такой завалинке. Опилки за день зарядятся солнечной энергией и отдадут своё тепло с запахом смолы, не успев остыть за ночь.

Прежде как было: соседка Мария справится с хозяйством, стукнет батожком по ставням окна Фёклы, та выйдет; сядут на завалинку у палисадника, лузгают семечки и между этим делом отпускают «порцию правды» всем, кто мимо пройдёт.

Но два года назад дочь соседей вышла замуж за бизнесмена, и теперь меньше оставалось времени посудачить подругам. Вчера зять с семьёй прикатили из города на крутой машине помочь управиться старикам с сельскими работами.

Мария с мужем Тихоном жили в добротной избе-пятистенке. Двор полон хозяйства: куры, гуси, свиньи, корова и бык, а ещё зять Николай привез диковинных птиц — индюков. «Вертись по хозяйству — не хочу», — говорила подруга при встрече.

Вышел сосед Тихон на высокое резное крыльцо с перилами, мастерски им сделанное. Не успел закурить и переброситься парой слов с соседом, как появилась жена с венником, строго посмотрела в его сторону и начала мести крыльцо. Метёт, а сама мужу выговаривает:

— Ну что расселся, бездельник старый? Ты на их не смотри! — Она имела в виду пьющих соседей. — У них каждый день — праздник. А у тебя работа стоит. И пока погода на дворе, надоть што-то делать. Одонок метать, завалинку подправить. Чаво сидеть? Надоть навоз вываживать. Ты што, не знашь? — А сама продолжает подметать ступеньки крыльца, поднимая пыль и тем самым как бы выкуривая мужа.

Тихон — жилистый, как и большинство мужиков в деревне, костлявый, а на ручищи взглянешь — оторопь берёт: кулак в полбуханки круглого хлеба, а руки вдоль туловища висят, будто две оглобли прицеплены. Откормленного двухгодовалого бычка в одиночку наземь валит, верёвкой скручивает.

По всякому делу мастер: что избу перебрать, нижние венцы заменить — брёвна один раскатывает, без помощников; что дугу для хомута согнуть — согнёт лесину и к стенке крюками прижмёт — сушить, чтобы впрок, когда старая дуга свой срок отслужит, в хозяйстве уже новая была; что телегу или сани смастерить — тоже всё сам, своими руками.

Но, несмотря на физическую силу, надо сказать, женского окрика он побаивался, как и все деревенские мужики побаиваются бабьего, в сердцах сказанного, слова. Слова жены чуть напрягли Тихона. Он тотчас встал и пошёл к сараю, где стояли прислоненные к дверям вилы. Повертел их в руках, посмотрел под ноги и для самореабилитации перед соседями беззлобно огрызнулся:

— Без тебя знаю, чаво мне тута делать. Вишь, бляха муха, с чаловеком веду беседу?

— Иди навоз из скотного двора выгрябай, а посля, когда солнце начнёт жарить, роса сойдёт с сухой травы, пойдём одонок метать, — строго, для порядку, сказала Мария.

— Тьфу! — Тихон отставил вилы и вернулся к соседю. — Давай, сосед, выкурим ешшо по одной.

Он вытащил из кармана железную табакерку.

— Сейчас покуру, бляха муха, а посла и пойду: знаю, што надо навоз из хлева выгрывать да отвозить ево к огороду.

На крыльцо вышел зять Николай. Он подставил лицо солнцу, которое лениво поднималось из-за леса, блаженно улыбнулся, потянулся и, крикнув от удовольствия, произнёс:

— Лепота-а-а! Здорово всё-таки, батя, у вас в деревне! А воздух... а природа...

— Это так... Ну шо, сына, будем сёдня одонок метать? — обратился Тихон к зятю. — Гляди, ни одной тучки. Покаместь погода стоит как на заказ...

— Одонок?

— Ну да. Стожок, значит, стоговать. Подмогёшь? На огороде вначале поставим, — он пожевал губами. — А ты иди, перекуси чаво-нибудь, и начнём. А я покаместь навоз вычашу из стайки, а вечером завалинку ешшо подправим. Вот така программа, сына, понимать надоть... енту программу.

Дед Тихон хмыкнул, довольный собой, будто эту программу он придумал сам. А ещё, чтобы показать, кто в доме хозяин, вышедшей с подойником Марии сказал:

— А ты, старуха, бляха муха, готовься, будя сверху одонка стоять...

Внимание Фёклы от соседей переключилось на молодую женщину с девочкой и мальчонкой на руках, совсем малым. Она голосила так, что было слышно, наверное, на другом краю деревни.

— О, люди, горэ мне, горэ, то горэ, не знаю, что мне делать!

— Чаво так причитаешь, али хто помэр?

А женщина ещё громче запричитала:

— Ой, горэ мне, пятым месяцем как беременна я! Сёдня только узнала, рабёнок зашевелился. Ой, горэ мне!..

— Восподи, восподи, да шо ты говоришь, рабёнок же разве горэ?! А мы давеча на тебя глядим и промеж себя го-

ворим, шо ты такая ладненькая, кругленькая стала, — перекрестившись, заметила Фёкла.

Сама же Фёкла была высокой, худой, можно сказать, костлявой, ела много, но будто в дыру всё проваливалось, в тело не шло, «ни рожи, ни кожи». Вышагивала по деревне будто кремлёвский солдат: бурки войлочные с шерстяными носками, юбка широченная как на колу болтается, при каждом движении раздувалась, словно парашют. Душегрейка подпоясана солдатским ремнём — «чтобы не удуло мэня», так в шутку говорила она. Сама же считала, что красота и здоровье женщины — в её округлых формах, чтобы краснощёкая, как матушка её говорила: «Баба должна быть кровь с молоком».

— Да-а-а, у тебя энти ешшо сопливые, ведь у тебя они погодки? Не рэви, хде два, там и третий вырастет.

— Ладно, баба Хвёкла, успокоила немножки, пошли мы на автобус, надо в женскую консультацию попасть.

— Сёдня пятница, к тому жа тринадцатое, — уточнила Фекла. — Кажу тобэ, по приметам очень худой день...

— Ой, горэ мне! Ой, горэ! — снова запричитала женщина, но уже потише.

— Мамка, да роди ты это горэ! — с серьёзным видом сказала трёхлетняя девочка.

Мать посмотрела на дочку, погладила её по голове и спокойно с улыбкой сказала: «Какая ты у меня уже большая стала!»

А Фёкла добавила:

— Рабёнок вумнее нас, вот детки щдаса пошли...

По дороге пылил автобус.

— Ступайте скорее, вона ваша карэта ужо прибыла.

И снова она осталась одна. Мария ушла метать сено на огород. Чтобы скоротать время, Фёкла пересела на другую сторону завалинки, с которой всё хорошо слышно и видно.

К этому времени соседи уже сделали настил из сушьев берёзы, разровняли по кругу и набросали кучу сена

на середину. Мария залезла на неё, принимала граблями и уминала ногами запашистую зелёную массу, что подавали снизу. Дочь подносила сено, а Николай подавал вилами наверх. Стожок рос быстро. Тихон ходил вокруг стожка, чтобы показать, кто здесь главный. Отходил в сторону, садился на пень, закуривал. Но чтобы быть при деле, время от времени покрикивал на жену:

— Ну! Накладай на левый бок, накладай, топчи его. Во как! А таперича на правый накладай, на правый, топчи его! Во так. А таперича серёдку, серёдку. Да застрябай, застрябай, говорю тебе...

Мария ползала по стогу с одного края на другой, как по перине.

— Левый таперича! Накладай на левый! Да топчи его, топчи, говорю... Вот так, бляха муха, — прокряхтел довольный собой Тихон.

Мария наконец оставила грабли и, уперевшись руками в бока, взглянула на мужа с высоты стога.

— Ты чего там, старый, раскомандывался? — Она склонила голову и, уже сердито, заметила: — Ты что удумал, старый, учить меня? Я впервой, что ли, одонок метаю? Да я их за свою жизнь стоко поклала, скоко ты самосада не выкурыл. Ну-ка бросай курить, иди подмагай!

Дед пожевал губами, поскрёб затылок, несколько минут собирался с мыслями, чтобы достойно ответить жене.

— А я за свою жизнь стоко браги перепил, скоко ты и хлеба не переела! — выкрикнул он, задирая голову вверх.

— Чем хвасташься, чёрт старый, а скоко нервов ты мне перепортил через енту брагу. Детей посовестился бы! — с укором сказала Мария. — Вона, смотри, погода портится...

Посмотрев на небо, где незаметно посумерело и натянуло тучек, Тихон бросил окурок себе под ноги, притоптал его солдатским ботинком и взялся за работу. Он быстро под-

хватил своими вилами большие пласты и ловко начал забрасывать их наверх стожка. Дочка с зятем едва успевали подносить сено из валков.

Вдруг над лесом дохнуло прохладой, зашумели деревья, и пошёл дождь. Так, из ничего плеснул, заколотил по ветвистым берёзам, зашуршал в траве. Пришлось бросать вилы, грабли и бежать прятаться к бане. Побежали, да вспомнили про Марию, вернулись, помогли ей спуститься по длинной жердине на землю.

Как бы на подмогу первой тучке подкралась неизвестно откуда вторая, затем подросла побольше — третья. Они затянули небо, заслонили солнце над лесом, заузурлили косые потоки воды меж острой, ежиком торчащей, скошенной травы, застучал дождь по крыше бани. Не законченный, без верхушки стожок впитывал в себя воду словно губка.

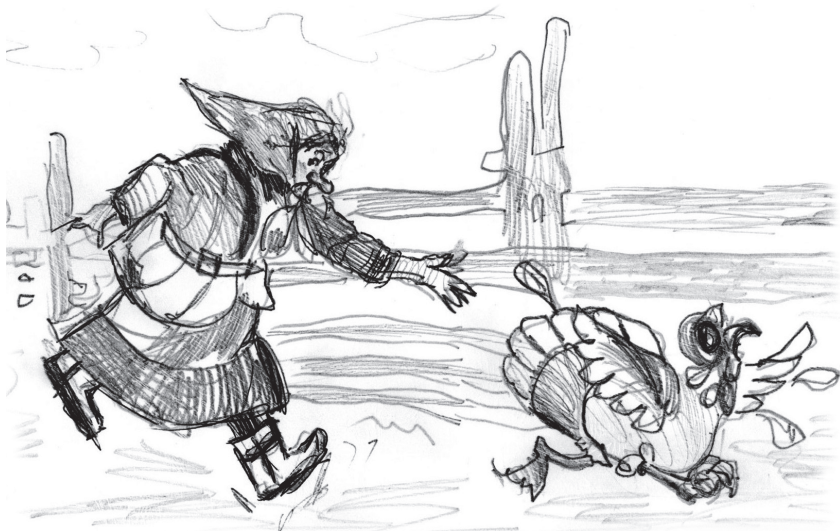
Дед Тихон клял погоду, вставляя своё излюбленное «бляха муха», сетовал, что не начали метать одонок пораньше, а тут ещё вспомнил, что сегодня пятница, тринадцатое — не надо было начинать новое дело, да разве теперь словами поможешь?

Дождь как начался, так и закончился. Пришлось стог наполовину распускать и растаскивать его пластами по всему огороду.

Дождь будто смыл всех: ни прохожих, ни соседки. Фёкла сидела и скучала у окна своей избы и поглядывала на двор соседей. Ей не давали покоя индюки. Глядя на них, она позавидовала: ходят по двору такие жирные, нагулянные за лето, счёту им нет.

«А что если одного умыкнуть, от одного не убудя, их вонско, Марья и не заметит», — шепчет тёмная половинка разума Фёклы. А другая противоречит: «Как же ты будешь смотреть в глаза, это же чужое... грех-то какой...»

Ближе к вечеру тёмная сторона всё-таки победила. Улучив момент, когда соседи домётывали стожок, Фёкла схватила самого жирного индюка. Распахнула душегрей-

ку, засунула его под мышку и огородами, огородами быстро засемила в сторону своей избы, временами оглядываясь по сторонам.

Фёкла, закинув птицу в стайку, оглянулась, и ей показалось, что во взгляде индюка она увидела немой укор. Внутри у неё как-то стало неуютно, противно засосало под ложечкой, по спине пробежал холодок...

Она заторопилась к себе в избу. Зашла и выглянула в окно, и увидела соседку, идущую в сторону её дома.

«Восподи, восподи, что я натворила! Марья уже идёт... прознала, — лихорадочно замелькали мысли в её голове. — Что я натворила...»

Хлопнула калитка.

Фёкле ничего не оставалось, как одетой и обутой нырнуть под лоскутное одеяло, натянув его на голову.

Заскрипела давно не смазанная дверь, будто осуждая свою хозяйку за совершённое только что преступление.

— Добрый вечер, Хвёкла! — поприветствовала Мария соседку, присаживаясь на широкую лавку у окна. — Слава тебе восподи, удалось всё-таки сметать одонок...

Её взгляд задержался на бурках, торчащих из-под одеяла, с налипшим индюшачьим пометом.

— И давно этак спишь, соседка Хвёкла?

Фёкла откинула одеяло с лица, позевнула, обнажив рот со вставными железными зубами, которые при тусклом освещении избы угрожающе сверкнули. Боясь взглянуть на Марию, она перевела взгляд на кошку, которая сидела и намывала гостей.

— Будь ты неладна, намыла же! — в сердцах ругнула её суеверная Фёкла и тихо ответила: — Чисы два как ужо дрэмлю. Шо-то сябя неважно чувствую... Ты по делу пришла али как? Не смогу тебя угостить чайком, налей сама, еслив хошь...

— Дак я, Хвёкла, не чаи пришла распивать, а по делу, шо-то индюка не могу досчитаться...

— Як ты им ведешь счёт, а тем более индюка от индюшки отличашь? — недоверчиво спросила Фёкла, едва взглянув на Марию.

И снова с нарастающей силой внутри у неё предательски засосало, заскребло, загрызло... Она почувствовала, что соседка подозревает её в краже птицы.

Мария ничем себя не выдавала и спокойно, со знанием дела пояснила:

— Дык у индюка ести борода с розовым наростом, да и хвост пышнее, ярше. Вона с утра они выбражали перед индюшками, хвастались своей силой и нарядом. А вот индейка выгладить очень скромно, её дело-то маленькое, как и наше бабское — высиживай яйца и расти птенцов.

Так потешно, кажу тебе, Хвёкла, за ними наблюдать, у их всё как у людей — настоящий индюший детский сад.

Тут Марию понесло, она могла долго говорить, и Фёклу это как-то на время отвлекло.

— Зачастую в одном гнезде ляжат яйца нескольких индеек, они высиживают куллекивное гнездо, а потома все вместе водят птенцов... Так вот ихний главный индюк-то и исчез...

— А шо, он, гадость, опять в мою стайку залятел? Пойдём, Марья, я тебе поймаю, мне чужого не надоть! — и, уже тихо, прошептала: — Вот тебе и пятница, тринадцатое...

— Ты о чём это, Хвёкла?

— Я всё о своём, даже не угостила тебя...

— Да ну, ты ляжи, ляжи, вижу, шо дюже ты хворая. Вона давеча, как я вошла, ты была белая, как ента стена, а счас покраснела, как мой индюк, будь он неладен. Оставь его сябе, еслив он к тебе забрёл, да и я сама хотела предложить, но птица-то оказалась вумнее, — с извиняющей улыбкой проронила Мария.

Во время разговора она поглядывала в окно. На улице быстро сгущались сумерки, луна огромным шаром поднималась над лесом.

— Я, наверно, побягу, тьмно ужо. Не хвораи, суседка, утречком тебя попроведую...

Фёкла после ухода соседки села на кровати, свесив ноги. В окошко зловеще поблёскивал огромный раскалённый диск луны. И ей на какое-то время померещилось, будто из луны показалась скрюченная рука, а потом красная борода с наростом, как у индюка, и послышался смех, от которого мурашки побежали по коже:

— Верни-и-и, что взяла-а-а! Слы-ы-ышишь, верни-и-и, что взяла-а-а!

Она мельком глянула в окно и на этот раз увидела соседку, которая её успокаивала: «Ты не виноватая, Хвёкла! Сёдня ж пятница, тринадцатое часло...»

Фёкла уткнулась в подушку, сначала тихо заскулила, как побитая собачонка, а затем протяжно завывала во весь голос...

КАК-ТО ПОЗДНО ВЕЧЕРКОМ...

В избе тепло, почти жарко. В печи гудит огонь, раскалив докрасна чугунную дверцу, в открытом поддувале ало светятся кубики дров.

В переднем углу на столе лежит свежеиспеченный хлеб с хрустящей корочкой. Запах, исходящий от него, кажется, заполняет не только всё пространство избы, но и выходит на улицу.

Хозяйка дома Мария Ивановна сидит на длинной (смертной) лавке у окошка, которое выходит на улицу, и расчёсывает влажные волосы гребёнкой, подаренной ей мужем Павлом ещё в сорок пятом.

Вот уже пять лет, как она его похоронила. Павел Фёдорович вернулся с фронта, всё тело его испещрено осколками снаряда. По состоянию здоровья устроился лесником. Очень строгий, рачительный был мужик. Его все побаивались, даже сама Мария Ивановна, никогда ему не перечила, хотя в годы войны была стрелком.

Её муж к работе относился с большой ответственностью. В лесных угодьях валежник, хворост выбраны, всё выкошено, не у любой хозяйки дома такой порядок, как у него в лесу.

Бывало, приедут из Болотного за строительным лесом — жердями, столбами, досками, Павел Фёдорович выделит деляну и строго-настрого накажет, чтобы лишнего не вырубали и за собой убрали чисто, — и попробуй послушайся!

Ездил на работу на приметной «кошёлке», которую можно было видеть пылящей по сельской дороге. Дети заметят вдали пыль и бегут навстречу. Посадит Павел Фёдорович ребятню в «кошёлку» и строго так накажет:

— Садитесь ужо, держитесь ужо, эх, прокачу с ветерком!

...Мария Ивановна нашла мужа мёртвым на улице. Вышел во двор поправить птицам кормушку, да возле неё и умер — осколок под сердцем дал о себе знать.

Военные годы, да и трудное послевоенное время научили эту на первый взгляд хрупкую и худенькую женщину принимать самостоятельно решения, выполнять любую мужскую работу; на язык острая, себя в обиду не даст.

Дети выросли, определились в жизни. Чтобы скрасить одиночество, Мария Ивановна взяла себе на постой молоденькую учительницу Татьяну Грищенко.

Был субботний вечер. Дочь Надежда приехала из города. Помывшись в бане, она с подругами готовилась к крещенским гаданиям.

Только Мария Ивановна успела заплести волосы в косы, уложить их на голове короной, заколов гребёнкой, как залаяли собаки. Она приподняла ситцевую занавеску и выглянула в окошко. На лице отразилось недовольство неожиданными гостями:

— Вон уже опять идёть забабура, мало ей было утра, да ещо не одна, а с маткою!

Она сразу узнала соседку Анну Зелевскую с её матерью Анастасией. Каждое утро перед работой Анна Петровна, работавшая продавщицей в сельповском магазине, обязательно заглядывала к ней, чтобы узнать, что принесет ей день грядущий. Подруги Анны давно повыходили замуж, и только она до сих пор засиделась в старых девках. Ей было уже далеко за пятьдесят, а бабьего счастья так она и не испытала: ни мужа, ни детей.

В дверь постучали. Первой в избу вошла высокая, статная женщина, но цигейковая шуба делала её фигуру какой-то бесформенной, нескладной. Ярко-синие глаза выделялись на смуглом лице, возможно, что такой цвет лица больше от курения. Курящая женщина — это было непривычным явлением для села. Сельчане прощали вредную привычку за душевные качества Анны Петровны. Это была добрейшая, спокойная, рассудительная женщина, всегда приходила в гости не с пустыми руками.

Как только Анна перешагнула порог избы, Марию Ивановну словно подменили. Она с улыбкой, без всяких разговоров взяла из её рук студень, блины и приветливо пригласила гостью:

— Присаживайся, Пятровна, вот сюда, в святой угол, как говорится, в ногах правды нету. Счас будем трапезничать.

— Уважь, Мария Ивановна, мы только отвечерили. Сама знаешь, по какому делу я пришла к тебе, Крещение ведь сегодня.

Следом за дочерью в избу ввалилась её мать, она задержалась в сенцах, обметала от снега пимы. И уже с порога начала причитать:

— Вот, Ивановна, опять Аньку-то сглазили! В магазин ведь ходят всякие люди! Пришлось пойти к Хвёдоровне, чтобы та провела обряд от сглазу.

Присев на скамейку, продолжила:

— Так вот, пришли мы к ней, Хвёдоровна усадила мою Аньку на табурет и наказала, чтобы та сидела молча. Сама отсчитала пятьдесят спичек и столько же прочла «давоскресную молитву» от сглаза. А в енто время сама воду переливат да переливат из одной кружки в другу, из одной кружки в другу. Гляжу, начинат позёвать. Я у её-то спрашиваю: «Так, чё ль, Хвёдоровна, мои подозрения подтвердились?» И што ты думаешь, Ивановна? Говорит: «Да, действительно, Аньку-то твою сглазили, на смерть скурочили».

Мария Ивановна тревожным взглядом окинула Зелевскую:

— Восподи, восподи, вот есть же завидущие бабы, боятся своих мужиков потерять, вот и курочат людей. Дак она у тебя ж писаная красавица. И что ж, помогло?

— Мы, Ивановна, всё сделали, как нам велела Хвёдоровна. Воду заговорённую взяли, до дому шли молча, даже с соседкой Прусихой не поздоровкались. Обиделась наверняка, так я ей завтра всё поясню как есть.

— Ну что ж ты, Настасья, проходи, — спохватилась Мария Ивановна, видя, что та сидит у порога.

— Так вот дома-то я спрыснула Аньку, так, чтобы не испугалась. — Сняв фуфайку и скинув валенки, Анастасия села у окна и продолжила: — Оставшуюся воду я, как велела мне Хвёдоровна, вылила в цвяток. Счас, как видишь, Ивановна, всё хорошо, только надолго ли?

— Дай бог, всё обойдётся! Не зря ж говорят, всё возвратится тому, кто творит зло, вот попомни мои слова, — сказала Мария и, вытащив из передника колоду гадальных карт, разложила их на столе.

Анна сняла с головы цветастый платок, отряхнула с него снег на половик. Волосы, как обычно, заплетены в две тугие тонкие косички, уложены с виска на висок. Она грубым, прокуренным мужицким голосом нетерпеливо взывала:

— Ну, чё там, Марья Ивановна? Говори же, не молчи...

Но гадалка сделала знак, чтобы все замолчали. Пошептала над колодой карт, вынула четыре карты и протянула Анне:

— Вот возьми, Пятровна, положи перед сном под подушку вниз рубашкой, произнеси слова: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тот приснись мне во сне». Утром досташь одну тока карту. И смотри, если выпадет пиковый король, значит, жених будя постарше тебя и очень ревнивый. Червовый — будя старый, но богат. Трефовый — очень красив, но пьющий и гулящий. А вот бубновый означать, что кто-то уже есть на примете, он и будя твоя судьба.

Снова залаяли собаки. Мария выглянула в окно и зарделась. Она, конечно, ждала «нежданных гостей», но не подала виду и произнесла:

— Ох, лихоманка кого там ещё несёт глядя на ночь-то?

Отворяются двери, и в клубах морозного пара, ворвавшегося из сеней в жарко натопленную избу, входят, а вернее сказать, вваливаются Евдокия Петровна и Иван Петрович Червяковы, а точнее Дуська с Червяком, так их окрестили на селе.

— Чаво встали как вкопанные? Избу мне выстудите, на улице холодища вон какая, крещенские морозы так

и жмут, так и жмут. Да нельзя дело через порог решать. Заходите, раз пришли.

Последним перешагнул порог Николай Петров, на тот момент холостой мужик — короче, жених.

Бабка Червячиха начала издалека, как положено:

— Вот и мы пришли, Маруся! Николай, Маруся, скажу тебе честно, мужик хороший! Всё в его руках горит.

При этих словах у жениха глаза заблестели, наверное, принял рюмашку для храбрости. А Мария знала, что не только в руках у него горит, но частенько «горят трубы», любил выпить.

Дуська Червякова продолжала:

— Ты одна, он один, дети у тебя повзросли и разлетелись, а чё не сойтись-то вам, да и жить, как мы со своим? Знашь, Маруся, мой-то Ваня пришёл ко мне в одних бабских трусах. Вот уже живём скоко, почитай, тридцать лет. Друг дружке помогаю. У двух жить — не один, всё легче и веселее.

Все в селе знали историю знакомства Евдокии с Иваном. Муж Авдотьи погиб в первый год войны, у неё на руках осталось трое малолетних сыновей.

Иван приехал в село и работал на ферме, на водокачке. Евдокию он приметил сразу: росточком маленькая, а работающая, себя в обиду не даст, язвкчатая, а певунья-то какая!

Летними вечерами сядут за огородами у Марии Ивановны и поют, поют... Пльвёт песня над речкой, над селом. А иногда и мужские голоса вплетаются в их пение... И так берет за душу!

Сошлись они после войны. Спокойный, непьющий Иван жалел Авдотью: помогал поить телят, всю тяжелую работу по хозяйству выполнял один.

Дочь Марии Ивановны слышала разговор, она стояла у порога горницы и, выйдя, сказала как отрезала:

— А я против, и если этот горе-жених будет здесь жить, то моей ноги больше в этой избе не будет!

А тут ещё Настя Победа встряла в разговор и подлила масла в огонь:

— Ты, чё ль, Марья, замуж собралась, ли чё? Вот дура баба. Как белены наелась, сдурела. Эх, Марья, Марья, вот ведь чё учудила, терпежу, чё ль, нету?

Мария Ивановна привыкла самостоятельно принимать решения, и если кто вдруг начинал учить, как жить, у неё на всё был один ответ:

— Господи, на вот тебе. Моя хатуся, хочу замуж выхожу, хочу серуся.

Сейчас Мария Ивановна будто не слышала свою дочь, соседку, она обратилась к Петрову:

— Ведь ты, Николай, совсем недавно-то схоронил свою жёнку, не к ночи будет помянута Вассата, — перекрестившись на образа, продолжила Мария. — А ведь не прошло и году, а ты уже во второй раз жаниться вздумал. Вот давеча, месяца три назад, ты сватал Елену. Помню, сундук с приданым, что ты вёз на санях, выпал! Уже тогда я подумала — плохая примета. И что? Прожили всего-то ничего — два месяца, и разбежались. Посуди сам, мне это зачем? После моего мужа Павла мне никто не нужен. Так что, Евдокия, не обессудь. Давайте лучше чайку попьём...

В это время в соседней комнате молодые учителя — Анна Малькова, Галина Рубцова, Вера Давыдова, Татьяна Грищенко — гадали на суженого.

На комод поставили три зеркала: посередине — большое и два поменьше по бокам. Зажгли свечи. Анна достала венчальное кольцо бабушки, бросила в стакан с водой.

Пока горел свет, всем было весело, но как только потушили, стало жутковато, гадающие притихли.

Анна, миловидная русоволосая девушка, присела перед зеркалом, распустила волосы и осторожно начала говорить слова:

— Суженый-ряженный, мне судьбой предсказанный, объявись, покажись!

В горнице установилась такая тишина, что слышно, как в трубе завывает ветер, а в печке потрескивают дрова.

Анна чётко увидела силуэт своего будущего мужа Сергея.

И вдруг — стук в окно! Гадающие завизжали и убежали на кухню. Хозяйка проводила гостей; войдя в избу, увидела испуганные лица девушек.

Позже узнали, что это были учащиеся школы — неразлучная тройка: Анатолий Нигареев, Андрей Кривощёков, Николай Ёлгин. Они решили попугать учителей — сделали стукалочку, привязав палочку на верёвочку. Залезли

на карниз избы и наблюдали через окно. Окно до половины было закрыто шторками, а под ними длинный тюль, через который было видно, что делают внутри.

Мария Ивановна пригласила девушек за стол и за чаем вспомнила, как нагадала своего мужа:

— Взяли по валенку, вышли на перекрёсток, раскрутились и бросили... Пошли смотреть — в какую сторону нос валенка укажет, в той стороне суженый живёт.

А я своего, вернее, батюшкиного валенка не нашла, но поняла, куда он мог улететь. Подошла к избе Ёлгиных и обнаружила, что засов на воротах с обратной стороны закрыт. Как попасть во двор? Единственный путь — через палисадник. Перекинула ногу через забор, зацепилась за штакетину и повисла на валенке. И тут слышу: «Ну, вот и попалася ужо!» Это был мой Павел...

А вообще-то, я скажу так, девки: гадай не гадай, это уже по судьбе нагадано, свыше...

КОНЦЕРТ

Ноябрь. Снега в этом году навалило по самые крыши. С утра шёл мокрый снег, а к вечеру температура резко понизилась. На дорогах — гололёд. Холодный северный ветер трепал афишу, на которой ещё вчера можно было прочитать концертную программу к 65-летней годовщине Октябрьской социалистической революции.

Сейчас же с большим трудом удавалось прочитать текст. Буквы напоминали расплывшиеся чернильные кляксы, но чётко вырисовывалось слово «Болотное».

Неделю назад молоденькая заведующая сельским клубом Валентина Колосова написала своим каллиграфическим почерком эти объявления и разместила на конторе, сельповском магазине, в гараже, на ферме. Лично обошла все производственные объекты и каждого пригласила в клуб. Программа обещала быть интересной, да и выездные концерты редки для села.

Седьмое ноября. Артисты из районного центра должны приехать в двадцать один час.

В этот вечер жители села достали лучшие наряды, пахнущие нафталином, не надевавшиеся годами, — чтобы себя показать и на других посмотреть.

Василий надел чёрный костюм, ещё со свадьбы, синюю рубашку, обул до блеску начищенные хромовые сапоги. Стоя у зеркала, наносил последние штрихи одеколоном «Шипр».

Настроение у Василия было отличное. Из радио доносилось: «Кипучая, могучая, никем непобедимая, страна моя, Москва моя, ты самая любимая...», он пытался своим сильным с хрипотцой голосом подпевать, что делал очень редко, да и не умел...

В колхозе был свой хор, в котором пели почти все колхозники. Василию за его сильный голос (хроническая болезнь) приходилось выслушивать шутки сельчан: «Василий, тебя надо поставить петь, а твоего друга Александра — играть на баяне» (у того не было пальцев на руке, обморозил).

Жена с дочками лепили пельмени, изредка поглядывая в его сторону, и улыбались.

— Ну как я вам?

— Как всегда, пап, — красавчик, только спешу в клуб, займи место поближе, а то народу будет тьма, не каждый день из Болотного приезжают артисты, — улыбаясь, посоветовала старшая дочка.

Жители села, чтобы сократить путь в клуб, протоптали дорожку через реку Топскую. Василий вышел минут на тридцать раньше. Он довольно твёрдо, ступая по скользкой дороге, заходил на обочину дороги, в снег, так и дошёл до избы бабы Анфисы.

Это была старушка небольшого росточка, карие раскосые глаза — что-то в них было азиатское, широколицая, чалдонского склада женщина. Ей до всех и до всего было дело, не зря слыла в деревне сарафанным радио.

Прижимистая такая баба, из всего извлекала пользу.

Возле её избы электрики поставили столб и повесили фонарь — единственный на всю улицу. С того дня свет в её доме очень редко можно было видеть, баба Анфиса всем хвасталась: «Шашнадцать копеек всего плачу, во кака экономия!» И неважно, какое время года — она сидела с утра до позднего вечера на лавочке, об этом говорит румянец во всю щёку.

И сейчас мимо бабки Анфиски Василий не прошёл незамеченным — получил «порцию правды».

— И куда-то ты, Васька, лыжи наострил, ночь на дворе? Ишь расфуфырился как! — сидя в одиночестве на лавочке, поинтересовалась она.

— В клуб, баб Анфис, на танцы! — сначала в шутку ответил Василий, а потом серьёзно добавил: — Будто ты

не знаешь, баб Анфис, что сегодня концерт, артисты приезжают из района.

— А что один, чаво жану не взял с собою? — допытывалась старушка.

— Да ты же знаешь, баб Анфис, не охоча она до развеселительных мероприятий...

— А где бушь охоча... Намается, бедная, за день с тремя детьми, хозяйством, и ужю не до концертов-то бабе. Енто вам, мужикам, всё подавай веселье, вона ты, Васька, довелелся, тобя из колхозу-то выперли...

Был грех у Василия: в конце рабочего дня примет рюмашку, нет чтобы трактор поставить сначала в гараж. На него тут же напишут заявление в комиссию по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Василий был на хорошем счету в колхозе, и члены комиссии, конечно, больше пугали для порядка... Не по нраву это было Василию. Однажды он сам забрал трудовую книжку и три года работал в городе, получал хорошую зарплату и присылал её в семью. Жена писала ему письма.

— Ну, вспомнила, баб Анфис, когда это было... Побягу, меня ждут...

— Бяги, бяги, в таких сапогах далеко не убяжишь...

Василий свернул на проторенную дорожку за сельповским магазином, где его уже ждал Сергей.

Несмотря на разные семейные, возрастные статусы, да и по характеру прямо противоположные: Сергей — тихий, спокойный, молчаливый, Василий — шутник, словоохотливый, взрывной, иногда бесшабашный, — они будто дополняли друг друга, и это, наверное, скрепляло их дружбу.

Но тут началось своё представление. По льду и по накатанной дорожке в хромовых сапогах невозможно идти. Василий старался идти там, где больше снега. Где шёл, а где полз, будто плыл по снежной реке, загребая руками снег и подминая его под себя.

Наконец-то он выполз на четвереньках на участок, расчищенный под каток, но распластался, словно корова

на льду. Сдерживая смех, Сергей помог подняться Василию, но тот, сделав два шага, снова запрокинул ноги кверху, словно резвый конь, и с таким шумом и возгласом растелился на льду.

Лёжа на спине, весь в снегу, Василий то и дело обращался сипатым голосом к другу:

— Иди, Сярожка, иди, добираться буду один! Иди, а то опоздашь на концерт. Я немножко поляжу, наберуся сил и пойду.

Сергей, едва сдерживая смех, снова помогал подняться Василию. А тот снова — хлоп, и снова ноги кверху. По доносящейся из клуба музыке было понятно: концерт начался...

И таким безысходным сипатым голосом:

— Всё, Сярожка, не могу... Вот видишь, Сярожка, как на концерт сходили. Хотел покрасивше, по моднее выглядеть, но одно не учёл, что подошва-то у сапог совсем лысая. Даже, представь, если бы и добрался до клуба, то как в таком виде-то перед народом предстать? Ты иди, Сярожка, иди, ещё успеешь поглядеть, а я отдохну и, как говорит бабка Анфиска, «наостру лыжи» домой...

Сергей понимал, что друг самостоятельно, без его помощи не дойдёт до дома, надо спасать сложившуюся ситуацию. Обратный путь Василий шёл, надев рукавицы-шубенки на сапоги.

По выходящей из клуба толпе было понятно: концерт закончился, а у них будет продолжение!

Сергей еле сдерживал смех, вырывавшийся изнутри, видя, как Василий передвигается в шубенках, словно на лыжах. Если прохожий обгонял их, они приостанавливались и делали вид, что прикуривают.

Так они добрались до дома Василия. Присели на ступеньки высокого крыльца.

В селе стояла удивительная тишина — ни звука, ни лая собак. На небе — луна, своим холодным светом она окутывала дома, и звёзды будто весело подмигивали, подбадривая друзей.

Эта ночная картина вносила в душу спокойствие и уют. Сергей и Василий одновременно посмотрели друг на друга и дали волю смеху.

— Вот, Сярожка, концерт так концерт был! Где бы ещё такое увидел! — своим хрипатым голосом произнёс Василий и захохотал, поднимая ноги в шубенках, которые он не смог снять, так они вмёрзли в сапоги.

С раннего утра прибежала бабка Анфиса и с ходу начала:

— Васька, вот ты шастаешь по ночам, а возле твоего дома и у крыльца следищи-то каки, огромного зверя! — показав руками, бабка Анфиса перекрестилась на образа в переднем углу. — Восподи, восподи, не могу сообразить, какому зверю они принадлежат? А ты как удумаешь?

МАСТЕР НА БОКУ ДЫРКУ ВЕРТЕТЬ

Полным ходом шла уборочная страда в колхозе «Вперёд», зерно везли на сушилку непрерывным потоком. Едва успевали веять, сушить, увозить на зернохранилище. От такой напряжённой работы переломался вал. Время горячее, нельзя простаивать.

Спассти ситуацию и сварить махину длиной в семь метров и толщиной примерно шестьдесят миллиметров мог только Пётр Михайлович Асанов (Петрован). Бывший кузнец, своим мастерством славился не только по всей Болотнинской волости, но и за её пределами.

Колхозная кузня находилась на берегу реки Топкой, в маленьком деревянном домике, через дорогу от избы деда Петрована.

Огромные наковальни стояли снаружи и внутри кузницы. В сухую погоду работали на улице, поэтому повсюду разбросан древесный уголь.

С раннего утра и до позднего вечера раздавалось и эхом разносилось по всему селу: «Звень-звень-звень, бух-бух-бух!»

Подвезли вал к колхозной кузне, где уже ярко горел горн.

Пётр Михайлович со знанием дела потребовал двух молотобойцев и ещё четырех человек, чтобы вращать вал. Молотобойцами поставил нынешнего кузнеца Никифора Вязовецкого и Дмитрия Ёлгина.

Перед началом работы дед Петрован присел на чурку, достал табак и начал делать самокрутку, и между этим занятием давал инструкцию:

— Вот что, робяты, куды буду показывать ручником [простой кузнечный молоток], вы туды и бейте по очереди.

Первым бей ты, Дмитрий, а ты, Никифор, будешь вторым, понял?

— Да понял я, понял, Михайлыч, что, впервой, что ли?

Пётр Михайлович затянулся едким самосадам, но дыма не выпустил... Все знали про эту странную привычку — глотать дым, но никто не осмеливался спросить, куда он деётся. Да и сейчас Петрован недобро посмотрел на Никифора и тоном, не терпящим никакого возражения, начал:

— Понял он! Шо ты понял... Это тебе, Никифор, не по чужим бабам шастать. Хорошенько бы тебя за твой кучерявый чуб отгаскать. Слыхал, как увчора, сидя на моей завалинке, бабы пели:

Никифор, Никифор,
Сучены голяшки.
Сёдня дома ночевал,
А завтра у Маняшки,

— с издёвкой пропел Петрован.

— И что тебе надоть есчо, Никифор, а? Твоя жана Евдокия — видная баба, троих детей родила тебе, хозяйственная, жалеет тебя, дурня, несмотря что ты мастер на боку дырку вертеть по женской части. А вот поглядим, как ты в кузнечном деле? — продолжал поучать Никифора Пётр Михайлович.

Присказка «на боку дыру вертеть» деда Петрована была известна сельчанам и означала очень шустрого и делового человека, которому всё удаётся.

Встал, надел кожаные фартук с рукавицами и скомандовал:

— Поживее, а то к сроку могём не поспеть. Наперво мы оттянем концы вала.

С большим трудом, шестерым, удалось вынуть из горна один раскалённый конец вала. И началась работа. Ручник начал плясать: «Звень-звень-звень!» «Бух-бух-бух!», — подпевала кувалда. Оба конца вала были вскоре оттянуты.

— А таперича, робяты, самое трудное — будем сварку делать!

Петр Михайлович смочил фартук, надел рукавицы. Раскалённые концы вала вынули из горна, наложили друг на друга. Кузнец шумовкой захватил просеянный речной песок и посыпал на концы. Посыпались искры. И снова слышалось: «Звень-звень-звень, бух-бух-бух!» В адской жаре ручник весело плясал, ускоряя темп: «Звень-звень-звень-звень, бух-бух-бух-бух!»

Ручник, наконец, на боку — это означало перерыв. — снова в горн. Можно перекур сделать, передохнуть, вытереть пот. Присели на скамью и стали наблюдать за нагревом.

Никифор время от времени поглядывал в сторону Петрована, на его натруженные ручищи со вздувшимися венами, на почерневшее от солнца и огня лицо, и с восхищением сказал:

— Красиво работаешь, Михайлыч!

А тот снова достал из-за голенища сапога газетную заготовку, кiset с махоркой. Положил щепотку самосада, скрутил, затянулся и начал свой монолог:

— Это сейчас я сторож, охраняю склады сельповского магазина, а до этого в кузне лучшего кузнеца в округе не сыскать было. С восемнадцати годков службу проходил в конной кавалерии, у самого Рокоссовского лошадей подковывал. Константина Константиновича видел вот как тебя сейчас. И что ещё скажу: он лично меня поблагодарил за отличную работу, пожав руку.

Пётр Михайлович бросил окурок в пылающий горн печи и скомандовал:

— Ладно, хватит, робяты, лясы точить, пора за работу!

Ручник звякнул, и снова пошло: «Звень-звень-звень, бух-бух-бух!»

Фартук на Петроване снова запарил, а у ручника начала тлеть ручка. Вышли на улицу, опрокинул ведро воды на себя, ручник окунул в воду и снова за вал, и опять всё повторилось. Наконец Пётр Михайлович скомандовал:

— Всё, робяты, готово! Таперича нужно остудить, но делать это надоть медленно.

Вал остыл, место сварки отливало какой-то необычно зловещей красотой.

— Да, красиво работаешь, дед Петрован! Вот и убедился, что ты — мастер на боку дырку вертеть, — с улыбкой заметил Никифор, а затем уважительно сказал: — Не знаю, найдется ли ещё такой кузнец в округе, который сварит стальной переломившийся вал на наковальне. Мне надо ещё многому у тебя поучиться!

Этот вал служил ещё несколько лет жителям села, пока не построили новую сушилку.

КУМ КЛОП

Вот умели в Корнилове давать прозвища — по обличию, по поведению, с ходу, по событию. Так случилось и с Владимиром Асановым. Внешне это был мужчина невысокого роста, кругленький, краснощёкий. По характеру спокойный, но если он чего-то хотел, трудно его переубедить. Когда дело доходило до драки, Владимир так вцепится в обидчика, что было не оторвать.

— Ну чисто клоп, — говорили сельчане.

Статус кума он получил после того, как стал крёстным у дочери Таисьи Ёлгиной.

Как-то захотелось ему выпить — уже глубокая ночь, где взять? Пошёл к куме Таисье, знал, что она его не прогонит.

Стучит в окошко — и своим бацищем:

— Кума, открывай!

— Ты, чой ли, кум?

— Я, конечно! У тебя что, много кумов?

— Коли с добрым словом, так милости просим, — спронежья недовольно проворчала кума.

— Я не с худом, открывай, не бойся. Я сёдня так ухаи-дакался на работе! Нет ли у тебя чего в брюхо положить да чем глотку промочить?

Тася приоткрыла дверь и, убедившись, что это Владимир Асанов,пустила его в избу:

— Вот и вправду, кум, про тебя говорят — вцепишься как клоп и, пока своего не добьёшься, не отстанешь. Проходи, раз уж пришёл. Чем богаты, тем рады будем угостить.

А «официально» окрестили кумом Клопом после случая, произошедшего на заготовке колхозного сена.

Бригада из четырёх человек: тракториста Шурика Асанова и Сергея Асанова, Шурика Констанца и Владимира

Асанова, которые поочерёдно сменяли друг друга на прицепных граблях, выехала в семь утра на сенокосные угодья.

До часу выполнили больше половины нормы. Сели под дерево, спрятавшись от палящего солнца в тени, ждут обеда. Смотрят: рой очень удачно привился на ветке берёзы. Срезали аккуратно, а куда положить? В ведро нельзя — пчёлы не контактат с металлом.

И все как по команде посмотрели на Констанца — на нём были широкие холщовые штаны — и остановились на них.

— Скидывай, Шурик!

— Мужики, да вы что?! А как же я без штанов, да и баба Прасковья вот-вот должна с обедом приехать?

— Ничего, посидишь с час, пока роевню Вовка унесёт своему отцу и совершит обмен на медовуху или мёд! А что тебе бабка Прасковья? Не видела, что ли, мужика без штанов? — засмеявшись, сказал Шурик Асанов.

Констанцу ничего не оставалось, как подчиниться большинству и отдать штаны. Их перетянули возле щиколотки травой и положили свою неожиданную находку — роевню.

— Давай, Вовка, тут недалеко, чтобы туда и обратно...

Вот уже тётя Паша покормила бригаду обедом, оставив порцию второго и на Вовку. Сидят курят и вспоминают. Ждут. Время обеда заканчивается.

— Помнишь, Шурик, — обратился Сергей Асанов к Констанцу, — в прошлом году твоя свояченица Маруся залезла на вот эту самую берёзу. Сидим, обедаем, небо чистое, ни одной тучки, и вдруг закапало! И чем всё закончилось? Упала, сломала ногу и на месяц в больницу загремела. Дошутилась...

— А я сегодня с утра у конторы видел Вовку, так у него морда — во! — раздвинув руки и показывая на себе, сообщил Шурик Асанов. — Красная-я-я, блестит вся, гусиным жиром смазанная, — еле сдерживая смех продолжил он.

— И что с ним приключилось-то? Хотя с ним каждый день что-то случается, вот такой он человек! — поинтересовался Шурик Констанц.

— Он сам ко мне подошёл и говорит: «Слухай, вот что хочу тебе я сказать, как это было... Вчера поставил гнать брагу, сделанную на забродившем варенье из смороды. Жду. Сальца нарезал. Не бяжит, зараза. Дай, думаю, у трубочку погляжу. Вижу, ягодка застряла, и надо ж ей выстрелить в тот момент в меня! Как даст паром, да в рожу... это хорошо, что глаза целые остались», — закончил Шурик Асанов, содрогаясь от смеха и вытирая слёзы.

Насмеявшись, мужики увидели наконец-то коренастую фигуру Владимира, которая замаячила на горизонте. По неуверенной походке все поняли, что он не удержался — принял на грудь медовухи, а точнее, на ноги. Хорошо, что штаны не забыл, они лежали у него за пазухой.

Шурик внимательно осмотрел их, ничего подозрительного не заметил. Надел штаны и присел на спиленную берёзу, чтобы обуться, и в ту же секунду вскочил как ужаленный.

Парень почувствовал, как множество жал, словно, иголки, врезаются в его тело. Шурик завизжал от боли, рванул с места, на ходу сбрасывая с себя штаны.

Сделав круг по нескошенной траве, он вернулся и начал лихорадочно вытаскивать оставшиеся жала. Оказывается, они остались между волокон материи. Мужики помогли ему и подшучивали:

— Знаешь, Шурик, мы никогда не видели, чтобы ты так быстро бегал...

К этому времени Владимира уже сморило, он расположился под берёзкой, крепко вцепившись в холщовую сумку с банкой медовухи.

Закончился рабочий день. Солнце багровым светом проникло сквозь листву берёз, осветив поле с копнами сена. Бригада успела сделать положенную норму, можно возвращаться домой.

Места в тракторе для Владимира не было, с трактористом сел Шурик, не мог же он ехать без штанов на граблях. Владимира решили привязать, чтобы он не свалился, к сиденью граблей.

Завалинка — «крыша дома моего»

Когда хотели забрать банку с медовухой, то не смогли вырвать её из рук. Владимира трясло на кочках, бросало из стороны в сторону, но свою ношу он не выпустил... Так он проехал через всю деревню. Сельчане покатывались со смеху и бросали в его сторону: «И впрямь, вцепился как клоп, не оторвать!»

КОЛЕСУХА

Одним из ярких событий тридцать восьмого года для жителей села стало появление первого колёсного трактора, выпущенного Харьковским тракторным заводом (ХТЗ). В народе его ласково величали «колесуха», а мужики между собой в шутку называли «хрен татарину завести».

Новость о железном коне быстро разлетелась по селу. И вот наступил день, когда трактор со станции Болотной своим ходом шёл в Корнилово.

Бабы с мужиками ещё задолго до подхода техники кучковались на завалинке Ноздреватихи.

Женская половина судачила о своём, бабьем. Недалеко от них расселась детвора на деревянном мостике, опустив ноги в прохладные воды реки Ачи. Подростки постарше отправились в разведку. Старики с мужиками судили-рядили: хорошо это или плохо — трактор?

— Слышь, Никита Пафанович! А помнишь, когда агитировал ты нас вступать в колхоз, говорил, что придёт время, когда железный конь сам будя пахать, сеять, боронить, и не надоть ему будя сена? Так вот, ты трактор имел в виду? — доставая кiset с самосадам, обратился Пётр Михайлович к председателю колхоза.

Никита Пафанович пристроился к нему на завалинке, одолжил табак, сделал самокрутку, прикурил, затянувшись, и, выпустив дым в сторону, сказал:

— Мне известно, что трактор полностью железный, работает на керосине. Вот скажи: табак — зараза? Но ни ты, ни я не моём без него. Вот так и без техники колхозу нельзя.

— И что более — пользы или вреда — даст энта железка? — настойчиво допытывался Петрован, но, не дождавшись ответа, вопрос переадресовал высокому мужчине с солдатской выправкой, в гимнастёрке, вылинявшей от времени: — Слухай, Солдат, это только ты умеешь на боку дыру вертеть, твоё слово каково?

Прозвище Солдат Николай Сергеевич Солдатов получил не только по фамилии, но и за то, что всю свою сознательную жизнь служил в армии. Начал при царе Николае Вторым унтер-офицером.

В Первую мировую заслужил три Георгиевских креста. В восемнадцатом году мобилизовался в колчаковскую армию. Отправили его на Урал, где он перешёл на сторону красных, и с пятой армией дошёл до Забайкалья. Демобилизовался в двадцать втором и с тех пор обучал новобранцев.

По тем временам Николай Сергеевич был грамотным человеком, имел четыре класса образования. Сельчане уважали его и прислушивались к его мнению.

— А это как сказать. Вот с Никитой Пафановичем, пожалуй, соглашусь: техника большая подмога колхознику, глыбже пашет, чем лошадь, да и дело пойдёт быстрее, а значит, будет больший урожай, — со знанием дела заметил Николай Сергеевич.

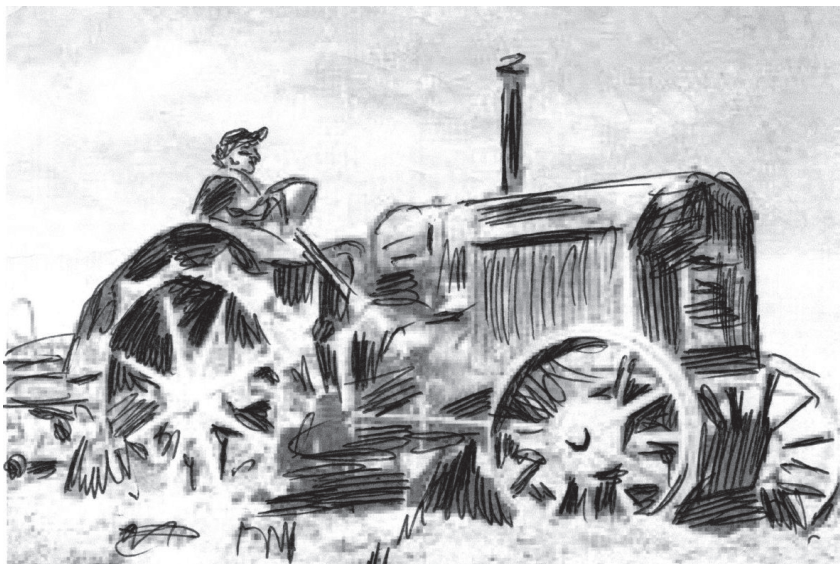
Его речь прервало тарахтенье трактора.

— Идётся где-то под Ключиком, что значит в трёх верстах от деревни, — определил по звуку председатель колхоза.

Прибежали подростки, запыхались и выпалили как из пулемёта, подтверждая слова Жаркова:

— Едет, едет, вот-вот... скоро покажется... у Ключика уже...

Ожидающим казалось, что расстояние от Ключика до деревни трактор шёл целую вечность. И вот он показался из-за леса. Никто к нему не бежал, все ждали с нарастающим волнением.

И как трактор остановился у поповского дома, только мужская половина двинулась навстречу ему.

Женщины отошли в сторону и с опаской поглядывали, старушки наблюдали за всем происходившим как за светопреставлением и время от времени крестились, поворачиваясь в сторону церкви.

— Восподи, восподи, что же творится... Чудище-то железное изрыгат дым и сам идёт... Всё, конец света наступат!

— Что, бабы, раскудахтались, словно куры на насесте! — прикрикнул на них Петрован, направляясь в сторону трактора.

Мужики и подростки с интересом рассматривали трактор. Измазав руки в мазуте и грязи, они трогали его задние большие железные колёса с зубцами и передние, которые были меньше размером.

Трактор целиком был из железа, стальным даже был штурвал рулевого колеса и сиденье, на котором гордо вос-

седал тракторист с видом нынешнего космонавта. Все поглядывали на него как на инопланетянина, а он улыбался, и на его чёрном от пыли лице выделялась белозубая улыбка, и отвечал на вопросы.

Всех заинтересовала фара: и почему-то одна? Тракторист пояснил, что во время полевых работ трактор будет поворачивать только в одну сторону — направо.

Сзади трактора находилось железное сиденье и прицепной плуг.

Тракторист решил показать железного коня в деле. Заехал на огород церковно-приходской школы и пропахал борозду. Из выхлопной трубы повалил густой едкий дым, он стелился по траве чёрной змейкой и окутал собравшихся.

Даже Петрован, заядлый курильщик, прокашлявшись и вытерев слезу, заметил:

— Ох и едуча ента керосинка, едри её мать...

Солдатов взял палку, подошёл к борозде, воткнул её, взял пригоршню земли, помял и даже понюхал. А тем временем тракторист, обдавая толпу в очередной раз едким дымом, на полном ходу развернул трактор и поехал в сторону гаража, оставляя пыль, запах гари, мазутное пятно.

— В сердчицу мать, попомните мои слова, товарищи, — с грустной ноткой в голосе заметил Николай Сергеевич. — Этот жалезный конь всю землю залъёт мазутом, и земля-матушка перестанет родить хлебушко и всё остальное, что произрастает на ней. И всё живое будет болеть, разучатся люди трудиться и заботиться о природе.

Собравшиеся выслушали молча Николая Сергеевича Солдатов, начали расходиться по домам.

Ещё долго сельчане говорили о тракторе. Ведь до этого в деревне не было техники, все работы выполняли на быках. Колесуха — первый мотор на селе.

СЛАЩЕ РЕДЬКИ

Семья Кармановых большая, как говорится, семеро по лавкам, да ещё трое взрослых. Как сядет орава за стол ужинать, только ложки о чашку стучат, всё подчистую сметают.

Соседи Мария с мужем Петром, как считали сельчане, живут — как сыр в масле катаются. У них семья три чело- века, да и дочь уже выросла.

Часто соседка забегала поболтать к Кармановым. Бабушка Прасковья Герасимовна говорила:

— У Маруськи Мальчихи чаво только нет, всё есть, живёт в полном довольствии, еслив нету, так токо птичьего молока. Это мы слаще редьки ничего не едали...

Как-то вечером приходит Мария, а семья Кармановых села ужинать. А ужин-то какой? Картошка в мундире да редька с квасом.

Хозяин, Иван Петрович, пригласил за стол:

— Маруся, иди с нами ужинать. Чем богаты, тем и рады угостить.

Наверное, думал, что такое она не ест и откажется.

Но Маруся с такой быстротой и охотой скинула шаль, фуфайку и примостилась к столу с края лавки. Взяла ложку и давай хлебать редьку с квасом, зажёвывая картошкой.

Дети, перестав есть, смотрели на такое метание пищи с широко открытыми глазами. Соседка ушла, и они сделали вывод:

— Бабуль, а ты говорила, что у неё, окромя птичьего молока, всё есть. Оказывается, ещё и редьки с квасом нету!

НАЛЁТ

Начало июля было пакостным. Пять дней шли затяжные дожди. Солнце выглянет, подразнит час-другой и снова спрячется надолго за низкие сизые тучи. И зарядит нудный моросящий дождь. На улице безлюдно, редко увидишь одинокого прохожего. После обеда начало распоживаться.

Председатель колхоза беспокоился, что из-за непогоды большое колхозное стадо может остаться без кормов. Он пришёл к Петру Михайловичу посоветоваться, зная его умение определять погоду по приметам.

Петрован держал свою пасеку. Никита Пафанович часто бывал у него: мёд брал, особенный он у него — гречишный, недалеко от избы пасечника — колхозные поля, засеянные гречихой.

Иногда по праздникам хозяин пасеки угощал его медовухой, и не только его...

Сельчане надолго запомнили случай, взбудораживший не только Корнилово, но и близлежащие деревни. Нет-нет да и вспомнят и припомнят Петровану...

Однажды над деревней пролетел такой огромный рой, что казалось, накрыла полнеба чёрная грозовая туча. Гул стоял, словно летел вертолёт или самолёт. Определили, что гул идёт из-за ближайшего околка.

В этот день у сельповского магазина собрались все жители села, которые не были заняты сельхозработами. Услышав страшный гул, — на небе ни облачка, солнце парит беспощадно, никаких признаков грозы — женская половина завопила:

— Восподи, восподи, спаси и сохрани! Неужель уже началось, прилетели?!

— А ведь сказывали, что прилетят из космоса, с человеком на борту!

— Восходи, восходи, как дальше жить? Вот и дождался, прилетели... Будем скоро убитые.

— Да, в сердчищу мать, никто вас не убьёт! Сейчас, женщины, разберёмся, — начал успокаивать их Николай Сергеевич Солдатов.

Но он ничего не успел предпринять, внимание всех переклюилось на Ивана Горбача, торопливо идущего из ближайшего околка, где он пас домашний скот.

Иван Горбач выделялся среди других мужиков своей степенностью. Сельчане уважительно относились к этому немногословному, обстоятельному, рукастому мужику. Срубленный им дом на улице Заречной поражал удивительной красотой. Но в то же время некоторые с опаской поглядывали на крышу избы, где Горбач держал два гроба — для себя и своей жены.

— А что, пусть стоят, ести не просят. Я вот давеча прочитал в книжке, мне из города привезли, что хваравоны в Египте, что по-нашему, значит, цари, есчо при жизни дедали себе гроб, — пояснял рачительный хозяин.

— Эко завернул, то — ты, а то — царь! — недоверчиво поглядывали на него сельчане.

— И, что интересно, — продолжал Иван и при этом хитро поглядывал в сторону женщин, — с собою забирал жану, да и вообще всё, что понадобится в той, неземной жизни...

Но сейчас от степенности Ивана не осталось и следа. Он начал сбивчиво объяснять и ещё больше накалил обстановку:

— Прилетели! Дождалися! Налёт собираются делать на нашу деревню. Вот летают, выглядывают, с чаво начать...

Женская половина снова заохала, заохала, запричитала:

— Восподи, восподи, будем скоро убитые! Пойдём, Дуська, готовить смертное...

— Ты хоть нам, Иван, скажи, что это за штука лятат? — поинтересовался Петрован.

— Не разглядел толком, тороплюся, стадо коров осталось без догляду, сбились от страха в Киткином околке. Надоть бы мне подсобить их до дома пригнать. Давайте-ка, Колька с Васьюко, подмогните... — сбивчиво, на лету объяснял Иван Горбач.

И только пастух с подростками ушли, как снова послышался гул, солнце исчезло, село начало медленно погружаться в темноту.

— Восподи, восподи, все будем скоро убитые! — с новой силой завопили старушки. А бабка Дуська, дородная такая женщина, со страху залезла под скамейку, да и застряла, пришлось ножки ломать, чтобы её вытащить.

Затмение длилось несколько минут, но позже свидетели «налёта» говорили, что прошла целая вечность, пронеслась будто бы вся жизнь перед глазами.

Потом выяснилось, что виновником всего этого был Пётр Михайлович. Он после медосбора напоил своих пчёл медовухой. А как сам он объяснил свой поступок: «Хотел, чтобы те успокоились, а они ещё пуще обозлились и сделали налёт на другие пасеки».

Только Анне Михайловне Котовой удалось вернуть своих пчёл. Она не растерялась и разведённой известью опрыскала неожиданных гостей. Ей не составило труда найти хозяина пчёл-воровок.

Зайдя на пасеку Петрована, она ещё издали увидела улей, который стоял высоко, иногда пасечники его использовали как ловушку для диких пчёл, — а в нём её «меченые».

От воспоминаний трёхлетней давности председателя оторвал Пётр Михайлович, приглашая его за стол в ограде, где стоял мёд в сотах и липовый чай, щекотавший ноздри своим терпким, ароматным запахом.

После того «налёта» Петрован прочитал специальную литературу и теперь о пчёлах мог говорить часами:

— Вот, Пафанович, каки эти удивительные божьи твари — пчёлы. Когда в природе умирают цветы, травы, а где взять нектара? Его, почитай, нет. Так они делаются злючными, ентот, как ево, инкстинкт у них ведь с самого рождения — носить мёд. Что делать? И представь, в поисках мёда пчёлы совершают налёт на чужой улей.

Петрован, отхлебнув чая, блаженно на секунду закрыл глаза, подставил загоревшее лицо солнцу и продолжил:

— Вона смотри, Пафанович, вот енто леток — вот сюда прилетают пчёлы. Она рассчитана на одну пчёлку. Пчела настырно будя искать лазейку, и стоит одной проникнуть в улей, как она, ента божья тварь, подаёт сигнал другим.

Вот послухай, председатель, гул-то пчёл обособливый, он звучит как-то зловеще... У ентих пчел всё как на войне. У ихней пчелы-матки есть свита — «воровки-пчёлъ», они стараются убить пчелу-матку из чужого улея. Убив, «пчёлы-сиротки» улетают в тот улей, откуда прилетели «налётчики», выбрав весь мёд досуха. А тута есчо погода не даёт заняться пчёлами скоко дней, почитай, неделю... — Заканчивая просвещать председателя, дед Петрован встал, направляясь в тенёк на завалинку, и предложил ему: — Пойдём присядем, Пафанович, перекур сделаем, пчёлы не уважают дым, кака могёт и вцепиться, ужалить.

— Вчера ездил на совещание. Что скажу тебе, Михайлович, — ситуация по всему району аховая, можем остаться без сена, — озабоченно произнёс председатель.

— Да не томись, Никита Пафанович, будя есчо погода, поставим сено. Лучше глянь, кака ныне добрая трава наросла, а медонос! Енто ж мы с большим запасом будем, есчо и продать сена можно будя, и техники прикупить и подремонтировать, так что не расстраивайся зря.

— Как тут не расстраиваться, если этот проклятый дождь каждый день поливает. Через неделю косить уже надо будет, а он всё не перестаёт. Да, согласен, урожай трав хороший, не спорю, но его ещё прибрать надо, — продолжал тему, которая ни днём ни ночью не давала ему покоя, председатель.

— Смотри, завтра ведро будет, ни одной тучки на небе. Погода налаживается, помяни моё слово. Ты лучше к людям съезди, надо народ на сенокос набирать, бригады комплектовать, готовиться, чтобы время не упустить. Самое большее за полмесяца надо управиться с основными покосами. А погода будя, — обнадёжил Петрован председателя.

Вдруг над головой загудело. Услышав странный звук, народ повыскакивал из домов на улицу.

— Восподи, восподи, неужели опять началось?! — помня налёт пчелиного роя, вопрошали друг у друга сельчане.

Но над деревней в воздухе появился вертолёт, он летел очень низко — видимо, выбирал место, где сесть.

Мужики с ребяtnей побежали ему вслед. Минут через пять вертолёт приземлился недалеко от кладбища. Толпа окружила и молча ждала.

Из кабины вылез лётчик, весь в кожаной одежде, в защитных очках — не человек, а полубог.

Но на самом деле этот миловидный, лет сорока мужчина прилетел с Дальнего Востока. Ему начальство разрешило слетать в Сибирь, он разыскивал однополчанина родом из Корнилова. В сорок втором, во время очередного налёта немцев, тот спас ему жизнь, прикрыв собой, потом был госпитализирован. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Обойдя погост, могилы однополчанина — Константина Ивановича Ёлгина — не нашли: он, как и другие советские воины, оказался в списках пропавших без вести.

Лётчик перед дальней дорогой отдохнул, попил чай липовый с гречишным мёдом. На прощание покружил над селом, и его вертолёт словно растворился в бирюзовой чистоте неба и в догорающем багровом закате.

Говорить не хотелось: а вдруг какое-то ненароком сказанное слово разрушит ощущение покоя и умиротворения, воцарившееся в душах сельчан после «налёта» этого мужчины, преодолевшего огромное расстояние только для того, чтобы почтить память человека, который готов был отдать свою жизнь ради него...

С этого дня, услышав звук вертолёта, ребяtnя выбежала, махала руками, радостно кричала «ура!». А старушки обращали слезливый взор к небу, крестились и тихо шептали: «Восподи, Восподи, храни всех живущих и упокой душу усопших...»

ВКУС СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

С человеком, который не жил в селе и не вёл хозяйство, говорить не о чем. То есть, конечно, пожалуйте — о погоде, как похудеть, о ценах на продукты, о повышении пенсионного возраста и как дожить до него. Но «за жизнь» — нет, не получится!

Сейчас даже сельских жителей можно поделить на обычных и тех, у кого есть животное. Причём не просто кошка, собака да курочка Ряба, а бычок, корова, свинushка, овечка. Вот последние точно знают вкус сельской жизни.

Обычно день в селе начинается в шесть часов утра. В это утро звонка будильника я не услышала, приехала приятельница и проболтали до двух ночи. Вскочила по внутреннему голосу, по привычке. Оставалось минут двадцать до выгона скота в поле, а надо успеть подоить двух коров.

Схватив подойник с тёплой водой, тряпку, крем, сунув ноги в калоши, направляюсь на улицу.

Утро выдалось чистое и звонкое, словно хрусталь. Солнце ещё только собиралось показать из-за деревьев выгнутый алый край, и по светящемуся небу будто слабый марганцовый раствор растёкся, обильно напитав перистые облака.

Подставив лицо солнцу и закрыв глаза на секунду, улыбнувшись, прошептав: «Доброе утро!», я торопливо зашагала на скотный двор.

Чтобы сэкономить время, сразу подмыла вымя двум коровам. Удивительно, но в это утро не мешала мошкара, не зудели комары, да и не было ни одного овода. Звонко застучали по дну подойника струйки тёплого парного молока.

Настроение было замечательное, и я запела свою любимую песню «За того парня». Корова Ночка скосила на меня

свои огромные тёмно-сливовые глаза, лизнула в плечо и продолжила смачно жевать жвачку.

Время от времени я поглядывала на вторую корову. То ли от моего пения, то ли ещё по какой причине она вздумала прилечь отдохнуть в лужу. Пришлось прервать дойку, вскочить и легонько поддеть её ногой.

Конечно, было уже не до «того парня». Строгим, довольно громким голосом начала профилактическую работу, что не такая она уж «молочница», к тому же не может покрыться, и вообще, зачем мне такая корова, возможно, придется её пустить под нож...

Но сегодня это не действовало на животину, и она делает очередную попытку прилечь. Снова вскакиваю, поскользываюсь и падаю. Ведро с молоком выливается на меня. В момент падения почему-то вспомнила царицу Египта Клеопатру, которая, чтобы сохранить молодость, купалась в молоке. Ну вот, хоть что-то позитивное...

Приближающийся звук бича заставил меня активизировать процесс доения. Подоив коров в грязное ведро, едва успела выпустить их в стадо, которое поравнялось уже с нашим домом.

Тихонько войдя в дом, чтобы не разбудить гостей, поставила квашню на пироги. Приготовила завтрак: кашу пшённую, творог со сметаной, омлет с ветчиной.

По-солдатски заняла стойку «отжаться», на большее не было времени. Приняла контрастный душ, выпила стакан травяного напитка из кипрея, зверобоя, лесной смородины. Съела творог, посыпанный корицей и приправленный ежевикой. Получив заряд бодрости и счастья, улыбнулась своему отражению в зеркале, скорчив рожицу: «Успела!»

Путь до школы занял минут пять. Была суббота, рабочий день закончился в четырнадцать часов. Тороплюсь домой. Тесто за это время подошло. Оно выпирало из ведра, и чтобы не сбежало на пол, я ещё раз обмяла его.

Надежда приготовила начинки: щавель, лук с яйцами, обжарила грибы — шампиньоны, освободила вишню от косточек.

Весело и слаженно шла работа в четыре руки. Пироги ровными рядочками пополняли строй на столе.

Мальчишки играли во дворе. С кухни из окна хорошо просматривалась территория усадьбы и хозяйственных построек. Время от времени я поглядывала, чтобы не упустить детей из виду. Их уже было трое — к ним присоединился племянник, он был старше их на год.

— А кабан — это бык или корова?

Вопрос меня шокировал. Посмотрев на знакомую, сначала подумала, что шутит, но по её виду поняла, что она серьёзно. С улицы послышался свинячий визг, будто их резали.

— Пойдём, сейчас узнаешь, кабан — это бык или корова.

Мы пришли в тот момент, когда племянник ловко схватил кабана (породы ландрас) за огромные уши и ловко сидел на его спине. Наездник проехал несколько кругов, гордо восседая на животине. Видно, кабану совсем это не нравилось. Взвизгнув и подбросив кверху задние ноги, кабан сбросил седока, и тот угодил прямо в кучу, с утра оставленную коровами. По одежде мальчишек моей знакомой видно, что езда и для них тоже закончилась неудачей. Оказывается, это Андрей устроил городским мальчишкам показательные свинячьи скачки.

Минут сорок отмывались в бане мальчишки, отстирывали одежду. Надежда постоянно извинялась:

— Прости шалопаев! Они первый раз видят свиней вживую, а так только по картинкам в книжке. Ну откуда им знать, что на них не катаются.

Я сделала вид, что не слышу, старший сын Саша тоже извинялся. Скрыв улыбку, про себя отметила, что им будет хорошим уроком поездка в село. Да и что взять с детей, если взрослые не могут отличить кабана от быка!

За время нашего отсутствия пироги подошли и, казалось, пыхтели и готовы были лопнуть от досады, что про них забыли. Оголодавшие мальчишки, после таких скачек, уселись за стол и с нетерпением стали ждать обеда.

Растительное масло раскалилось добела, пора укладывать на сковороду стряпню. Дети внимательно наблюдали, как пироги на их глазах, раздувая щёки, начали расти; переворачиваясь с одного бока на другой, зарумянились, словно девки.

Минут через двадцать первая порция была готова. Пирожки лежали пышные, от них исходил хлебный запах вперемешку с вишнёвым, грибным и луковым.

Я прикрыла тазик полотенцем. Мальчишки сглотнули слюну.

— Пусть натемятся, так делала моя бабушка, тогда любая еда становится вкуснее и полезнее.

Приятно было смотреть, как дети уплетали за обе щёки стряпню, запивая холодным молоком. Пирог с вишней брызнул соком, обжигая руку племянника, но он не обращал внимания, попросил добавки — молока.

— У нас все любят молочко!

А их пять детей в семье, а хозяйство не держат.

Ваня собрался домой, передала гостинец его братьям. Взяв пакет, молча направился к выходу. Его остановил вопрос:

— Что надо сказать?

Он недоуменно посмотрел на нас. Сын знакомой решил подсказать: «Спасибо!»

Ответ разочаровал и поверг в уныние:

— Не за что!

Я забрала пакет из рук и сказала:

— Вот сейчас — не за что!

Андрей, покраснев и потупив взгляд в пол, прошептал тихо: «Спасибо!»

...Подошёл рейсовый автобус, обдав нас запахом бензина и пылью. Мои гости уезжали не с пустыми руками:

с грибами, карасями и клубникой. А также, как они сказали, со здоровьем, настроением и новыми приятными впечатлениями.

Вечером, до прихода коров с пастбища, надо управиться: свиней накормить, кур, телят. Обычно это делает муж, сегодня он уехал в тайгу за клюквой. Подумала, устанет с дороги, и решила помочь.

Намешав два ведра корма, добавив утрешнего молока, с мыслью, что у животного будет сегодня праздник, направилась на скотный двор.

Открыв двери и пройдя пять-шесть метров, с ужасом заметила, что кабан, именно тот, которого сегодня объезжали, задумал недоброе. Скосил свои маленькие красные свинячьи глазки на дверь — видимо, хотел выбежать из стайки.

Путь к свободе был один — проём в двери, который я загораживала. Кабан разбежался и хотел проскользнуть между ног, но застрял. Пока я восседала у него на спине с двумя полными ведрами, в моей голове лихорадочно мелькали мысли: бросить ведра и спасаться самой или... Не успела прийти к правильному решению, как кабан попытался назад. О нет, падаю, содержимое вёдер выливается. Вот и мужу помогла, и свиньи наелись!

Помывшись в бане, тихонько, стараясь не скрипнуть дверью, выскользнула во двор. На село тихо и незаметно опустились сизые сумерки, и сейчас оно казалось таким добрым, тёплым и уютным. Над рекой повис туман, похожий на пену парного молока. Ушедший в небытие летний день был душным, жарким и пыльным. Как же хорошо в селе в такие минуты: после работы, домашних хлопот, в час вечерний посидеть на скамейке, с удовольствием вытянув уставшие за день ноги.

Вот и ещё один день окончил своё существование. Он был похож на все остальные дни в году, всё одно и то же — работа на «работе» и работа дома. А сейчас можно побыть одной, выкинув из головы все проблемы, заботы, мысли, посидеть, не думая ни о чём.

Дышалось свободно и легко, воздух был свежим, про-

хладным и запашистым. Летний ветерок ласкал волосы, щёки, а рядом шелестела листьями рябина. Ромашки строили глазки.

В селе ни звука — немая тишина, но она длится с минутой. Вот на Почтовой улице разбрехались собаки — то протяжно, то отрывисто, на разные голоса. Мимо дома с грохотом пронеслась грузовая машина, и снова тишина.

В доме напротив, у Домрачёвых, зажгли свет, и по комнате заходили тени хозяина с хозяйкой: они то отдалялись, превращаясь в маленькие чёрненькие точки, то росли до огромных размеров. Мне всегда интересно заглянуть в окна чужого дома — посмотреть, а как живут другие люди? Чем дышат?

Трётся об мои ноги появившийся как из-под земли кот Дёмка — британской породы. Кукушка в очередной раз начала отсчёт чьей-то жизни.

В общем хоре корниловских собак выделился солист со звонким красивым голосом. В последний раз похозяйски прогавкала, забравшись в будку, наша дворняга Кнопка.

Заорала как резаная соседская кошка, ища своих котят. Вот правду говорят: «Не родись красивой, а родись счастливой!» Кошка такая страшенькая, облезлая, как говорится, свой кошачий век уже отжила. По словам соседки Валентины, кошке уже лет пятнадцать, но она котится через каждые пять-шесть месяцев. Всё бы ничего, да собирает всех котов в округе — и по грядкам, и на грядки...

На Клубной улице звучала музыка, раздавались звонкие, весёлые голоса молодёжи. Кто-то, скорее всего влюблённая парочка, пользовалась благосклонностью уличного фонаря, периодически включая и выключая его.

Темнота всё сгущается и сгущается, и лишь на горизонте догорали остатки заката. Дома утонули во тьме, но вечернюю жизнь слышно было хорошо. Вот скрипнула под чьей-то тяжестью калитка, открылись и закрылись двери.

Во всех домах светятся окна. Кто-то ужинает: пьёт молочко, ест творожок со сметаной, приправленной тёртой жимолостью, припивая чаем с имбирём, и считает, что жизнь удалась!

А кто-то смотрит по телевизору рекламу «Домика в деревне». Живёт в своём деревянном доме бабулечка, ведёт домашнее хозяйство. Вся такая чистенькая, можно сказать, стерильная, и вот она рекламирует, как получить творог со сметаной: «Вершки с молока сниму, сметанку приготовлю. Сметана из вершков густая получается, а творог нежный».

И я подумала: тот, кто создавал этот ролик, совсем не знает вкуса сельской жизни.

Один мой знакомый из города, попробовав молока, заметил, что оно пахнет хвощом и диким щавелем, а он-то, поверьте, знает вкус крестьянского труда, и не только... А ещё молоко пахнет клевером, душицей, иван-чаем, а иногда имеет вкус горькой полыни.

Размышления прервали женские голоса, старательно выводившие, уже не совсем трезво, песню: «...А кому-то нынче плачется, а кому смеётся...» Вот именно, сегодня умерла женщина, а ей ещё шестидесяти лет не было, пила...

Вдруг по всему селу собаки устроили переключку — очевидно, кто-то слишком шумно прошёл по улице и побеспокоил лающую гвардию. Вскоре кто-то дал о себе знать. Кто-то — это пьяный, он шёл по дороге и уговаривал то ли себя, то ли ноги, чтобы те шли по дороге и не плутали где попало.

Сколько было решено за день проблем, столько же создано, кто-то кого-то обругал, кто-то кому-то признался в любви, кто-то родился. Много было «наварено каши», много «наворочено дров». И теперь, сидя одна со своими мыслями, понимаешь, что жизнь состоит из разных жизненных ситуаций, надо научиться видеть позитивную сторону, ценить, что имеешь здесь и сейчас.

И неважно, где ты живёшь, в селе или в городе, надо быть благодарным людям за их труд, возможно, не всегда чистый и имеющий приятный запах.

Редкие звуки эхом раздавались по всему селу. Может быть, кто-нибудь так же, как и я, слышит, как где-то блеет одинокая заблудившаяся овца... И подумалось: вот и люди, как заблудшие овцы, однажды потерялись и не могут себя найти в этой жизни.

Запах цветов пьянил и клонил ко сну. Становилось всё прохладнее, постепенно ночная тишина окутала все улицы и дома. Но вот прошёл этот трудный день. А завтра будет новый, не менее лёгкий, а может быть, более удачный. И снова будут делаться глупости, снова будут вершиться добрые дела. Но это — завтра...

Зарубки на память

ЗАРУБКИ НА ПАМЯТЬ

У каждого из нас есть место, уголок, что по прошествии лет становится всё дороже и роднее. Село Корнилово — моя малая родина. Здесь я родилась, выросла, здесь живу, иду по жизненной тропе, изменяюсь, взрослею, обретая жизненный опыт и мудрость. Здесь определилась профессионально и почти четыре десятка лет по знакомой тропинке спешу на свою любимую работу в школу.

Уходит время, уходят люди в мир иной, но в каждом из них есть частичка истории малой родины. Именно из судеб людей складывается эта история, которую необходимо сохранить, сделать зарубки на память — для нас, живущих, и наших потомков.

Перемены, происходившие в России, красной нитью проходили через историю моего края: более трёхсот лет с момента возникновения поселения и по сегодняшней день длится наша история.

С 1912 года церковные колокола Свято-Троицкой церкви исправно несли службу. Загудел набат в 1914 году, он возвестил о Первой мировой войне. Били всполох колокола при пожарах. И эти же колокола звенели, извещая сельчан о печальном или радостном событии, пока их не заставили замолчать. Так было покончено с религией, нас воспитывали атеистами, что не могло не сказаться на духовности и нравственности людей.

1919 год. Гражданская война шагнула на Болотнинскую землю. Колчаковская армия нескончаемым потоком отступала через сёла: Ояш, Егоровка, Болотное, Турнаево, Ача, прошлась по Корниловской дороге, оставив кровавый след на её земле в местах, где шли бои между белыми и красными.

1930 год. Как и по всей стране, в Болотнинском районе одновременно с коллективизацией шло массовое раскулачивание. Эти события затронули каждую семью и в нашем селе.

Великая Отечественная война. В это трудное время сельчане жили и работали одной большой, дружной семьёй. Село отдавало в армию своих сыновей — крепких, честных и мужественных. Сельчане продолжали обрабатывать землю, растить хлеб, рожать детей. Поставляли всё необходимое для фронта — мясо, молоко, масло, одежду, лошадей, ничего не требуя взамен, без всяких скидок на свою малость, как и вся наша страна.

Многие мои земляки награждены орденами и медалями за ратные подвиги в военные годы. Алексей Иванович Чеботников дошёл до Берлина и расписался на Рейхстаге.

И в мирное время сельчане с достоинством несут службу в армии. Иван Дасько погиб при исполнении воинского долга на подводной лодке К-129, посмертно награждён орденом Мужества.

Народ в селе, видимо, как везде, был простой, без всяких претензий на большую культуру и воспитанность, называли друг друга и отзывались друг о друге: Дунька, Червяк, Хвёкла, Афонька, Филька, Петрован. Умели давать прозвища — с ходу, по событию, по обличию, по поведению: Паря-Харя, Боров, Настя Победа, Судьбинка, Солдат, Кочка-Мочка, Куплю-коня, кум Клоп.

Естественно, мы росли и словно губка впитывали этот деревенский дух, традиции, обычаи. Речь подчас была до смешного примитивная, со своеобразными оборотами, такими как «в сердчищу мать», «э, паря», «попу мать», «бляха муха», «пришедши-ушедши», но она вызывала улыбку, да и на прозвище никто не обижался.

Сельчане были очень дружными, все друг за дружку держались, зря не болтали, властям никого не выдавали, а с болтунами расправлялись своим судом. Дисциплину держали старшие. Нравы были жёсткие, даже, возможно, жестокие порой, но поэтому, возможно, было больше порядку.

Если кто провинится перед сельчанами, то его народно выпорют хорошенько. Среди корниловцев одно наказание стало нарицательным — «Ботин мыс», или «наказание в три рубля». Эту историю рассказал Алексей Семёнович Солдатов, записал Иннокентий Макарович Шелковников.

«К престольному празднику Троицы готовились заходя. С окрестных деревень — Большеречка, Александровка, посёлок и хутор Тропинский, обе Сосновки, Асановка, Берёзовка, Кармановка, Лунёвка, Ключёвка — съезжались прихожане. Староста Мамонт Зырянов перед Троицей приказал всем односельчанам улицы чисто подмести, ворота украсить берёзовыми ветками, цветами. Но Парамон Ботин не подчинился, и его привели в сельуправу. Стар был Парамон, его не стали пороть при всех, пожалели, придумали другое наказание — штраф три рубля. По тем временам это очень большие деньги, на них можно было купить корову, четырёх свиней, коня. Но посчитали, что просто отдать три рубля — мягкое наказание. И приговорили старика, чтобы тот носил по одной копейке в день в Болотное. Ежедневно, триста дней, сельский урядник Егор Чегодаев верхом на коне сопровождал и не давал Парамону садиться на попутные подводы. В волостном управлении выдавали документ, что Ботин заплатил штраф в одну копейку».

С особым вкусом, рвением, самоотдачей умели работать, вкладывая в тяжёлый труд крестьянина все силы, получая за это виртуальные трудовни. А в свободное от работы время собирались всем селом, гуляли, как говорится, по-русски, от души.

И вот что интересно, жили-то совсем небогато, порой не вдоволь ели, одевались с какой-то удивительной простотой и небрежностью, но по-доброму относились к окружающим, не задумываясь, приходили за «помочью», за советом друг к другу, и никто не считал это неудобным и не сердился за это, люди были более отзывчивые и честные.

Жили большими семьями: рожали по восемь — двенадцать детей. Старики-родители обязательно были при детях. У них была своя роль: присматривать за двором, хозяйством, приучать детвору к труду и порядку.

— Вырастешь, Олюшка, не бросай матку с батькой, заботься о них, — поучала бабушка Мария. — Ведь старый что малый. Знай, что в жизни труднее всего молиться Богу, отдавать долги и кормить родителей.

Довольно поучительный рассказ поведали старожилы о строгости воспитания детей: «У одного мужика Ёлгина был сынишка Кит. Так вот этот мужик, как приедет со своим сынишкой на пашню, то сначала выпорет сына для порядка, а потом уже начинает работать. Китка начал прятаться от отца в околке. Все жидкие прутья и нижние ветки от деревьев поотрубал. Однажды Кит спрятался так, что отец его три дня искал. Оказалось, что на берёзу залез и просидел всё это время. Отец после трёхдневного переживания больше не стал пороть сына. И вот с тех пор этот околок и прозвали Киткиным».

Да, мы росли как дети природы, сейчас такого отца судили бы за жестокое обращение с ребёнком, а тогда это было в порядке вещей.

Вся жизнь сельчан проходила на виду, да и скрывать-то особо было нечего.

Особое место занимала завалинка — от рождения до смерти. Здесь зарождались новые чувства, рожали и умирали, узнавали и обсуждали новости, беззлобно сплетничали, играли дети и отдыхали взрослые.

Молодёжи было много на селе. Девушки и парни ходили на вечёрки «на улицу» на завалинку, зимой устраивали посиделки по избам с гармошкой, плясками, песнями, ча-стушками, народными играми и без дела не сидели: пряли, шили, ткали. Влюблялись, играли свадьбы всем селом по три дня, а то и всю неделю.

Здесь, в Корнилово, до недавних пор помнили и чтители традиции и обычаи предков.

Варение пива — это традиция, которая теперь начисто утрачена в нашем селе. Возможно, потому, что только единицы знали рецепты приготовления и держали в большом секрете.

Пиво варили к каждому празднику, событию — крещению, свадьбе, рождению ребёнка, новоселью, похоронам. По рассказам старожил, пиво готовили в огромных глиняных корчагах: наливали воду, добавляли хмель, мёд, пережжённый ячмень, и всё это томилось в русской печи; затем процеживали и отстаивали несколько недель.

Сельчане помнят, как на берегу реки разводили котлы, вешали котлы; когда в них закипала вода, добавляли пророщенный ячмень, из него варили сусло — это сладкая темноватая жидкость. Сусло сбраживали, и получалось пиво. Варение сусла было очень увлекательной процедурой, что-то в этом было загадочное, колдовское. Дым витал в воздухе, разнося терпко-сладковатый запах по окрестностям.

Обычно всем селом устраивали всеобщие народные гулянья: проводы зимы, День борозды, Иван Купала, Крещение, Рождество.

Сельчанами до середины XX века проводились кулачные бои. Эта традиция, видимо, была вынесена из Мурзинской слободы. Сходились стенка на стенку на льду реки Ачи.

Каждая сторона с одинаковым количеством бойцов, примерно все одного роста. Старики строго следили за правилами боя: лежачего не бить, в рукавичках ничего не должно быть. И вот валтузили (били) друг друга кулаками до тех пор, пока какая-то стенка не поддастся.

Корнилово вымирает. Умерли баба Мария и дед Осип Прусовы. Нет старожил: Анны Михайловны Котовой, сёстры Аксинья Ивановна и Мария Ивановна Процук умерли почти в девяносто шесть лет.

Давно нет Витьки Морского — замёрз пьяный.

Умерли все ветераны войны.

Умерли и другие герои моих рассказов.

Так хочется вернуться на полвека назад, в беззаботное детство. Богато не жили, но и с голоду не умирали. Мы, дети, этого не чувствовали, мы просто не знали, как живут лучше, и это время для меня вспоминается как самое счастливое. Чувство бесконечности в душе, и ждёшь чуда, это чудо должно случиться...

Настоящее яблоко мы видели один раз в год в новогоднем кульке. Новый год — это когда запахнет хвоей с мандаринами, снежинки из бумаги, Дед Мороз из папье-маше, сугробы. А помните бумажные фонарики и флаги, цепочки?

Тарелка борща — вот и вся еда... Конфеты из подарков на стол высыпали, делились друг с другом. На кухне долгими вечерами лепили пельмени, готовили холодец, домашнюю мясную, ливерную и кровяную колбасу.

Родители ждали «Голубой огонёк», а мы — киношку за пять копеек.

Хоккей, догонялки, лапта, городки, «войнушка», снежки... Домой загоняли; рукавицы и штаны, валенки в ледышках.

Когда все от мала до велика играли в шахматы, когда все умели кататься на лыжах, коньках и всё время читали книги.

Прошлые года казались длинными и, казалось, не превратятся никогда... Почему наше поколение с такой носталь-

гией вспоминает времена СССР? Думаете, соскучились по настоящей колбасе по два рубля двадцать копеек или по мороженому из молока, лимонаду «Буратино»?

Нет, люди соскучились по нормальному человеческому отношению к себе, когда знали в глаза всех соседей и здоровались. Когда дверь запирали на ночь или подпирали только веником, говоря, что дома никого нет.

По стабильности, уверенности в завтрашнем дне, вечности — вот по чему соскучились люди!

Тороплюсь делать зарубки на память о событиях малой родины, о людях, живших и живущих, пусть чуточку наивных, чудаковатых, но поистине добрых, открытых, нередко умных и талантливых.

В своих рассказах, статьях использовала повествования, воспоминания и рукописи дневников самобытных краеведов Корнея Ильича Ёлгина и Иннокентия Макаровича Шелковникова.

В сохранении истории малой родины мне помогают Анна Петровна Асанова, Надежда Егоровна Мельникова, Раиса Васильевна Мальцева, Татьяна Семёновна Карманова, Людмила Ивановна Шаденко, Надежда Константиновна Чеботникова и другие мои земляки.

Дети сельчан разбросаны по всему пространству бывшего Советского Союза. Уходят люди, исчезает уникальный быт и накопленный многими поколениями опыт ведения натурального хозяйства. Исчезает духовное и физическое единение людей с природой, пласт жизни неумолимо превращается в историю...

«Я ЖИЗНЬ СВОЮ ПРОВЁЛ ДО ГЛУБОКОЙ СТАРОСТИ...»

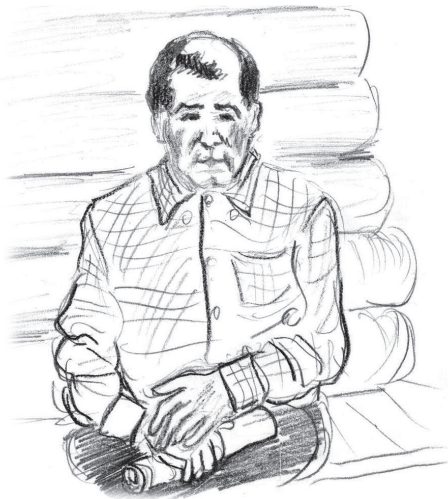
В школьном музее хранятся две ученические тетради сорокалетней давности, пожелтевшие от времени, — дневник Корнея Ильича Ёлгина, эти записи сделаны, когда ему был 91 год.

В 2006 году его внук Валерий Александрович Ёлгин передал в школьный музей общую тетрадь — ещё одну рукопись Корнея Ильича.

Меня до глубины души поразила жизненная история Корнея Ильича. Пройдя сложный жизненный путь, человек не сломался, выстоял. Прожил до глубокой старости и сохранил ясный ум, жизнелюбие.

Интересен слог, необычный ход мыслей, оценка событий более чем столетней давности. Повествование будет идти с сохранением грамматики, морфологии и орфографии автора.

«Со времени своего обстоятельства год рождения 1886 года, день рождения 19 мая по-старому, а по-новому 2 июня. Родился в семье бедняцкого состояния. Отец мой Илья Сергеевич, был грамотным, потому что дед — Сергей Иванович был из мастеровых. Отбывал службу 25 лет, но был взят от семьи на военную службу, а в качестве рабочего в Томскую губернию.

Отец родился там и смог получить образование, после увольнения прибыл в деревню Корнилово. Отец всегда был в отлучке. Так как своего хозяйства не имели, приходилось работать рассыльным в Каинской волости. Когда она ликвидировалась, он работал в Гондательевской волости, позже она стала именоваться Болотнинская. Он устроился рассыльным, впоследствии был при церкви трапезником, а потом стал уезжать в Томск. Там он устроился по найму лишь дворником, сторожем. Жалование 5 рублей в месяц. Зимой он проживал в Томске, на лето возвращался домой. Мать моя, Пелагея Дмитриевна, оставалась дома, нас выращивала, воспитывала. Когда подняла, пришло время учиться.

Тогда не было грамоты никакой, все были не грамотные. В одно время появился на деревне Корнилово учитель. Общество решило нанять его за оплату с каждого ученика.

Начало обучения проходило в частном доме. Я быстро осваивал грамотность. Зимой проучился, а на другую зиму сменился учитель. В деревню приехала девица-учительница. Вскоре пришлось бросить занятия, надо было помогать родителям. У отца я был единственным сыном. Помощи от отца не всегда можно было ждать, высланные им деньги на покрытие нужд не всегда хватало. Мать сама имела заработок, ей приходилось наниматься к зажиточным, да и я уже стал помощником, то дрова наколю, то побороню, копыны перевезу.

Старшая сестра, Любовь Ильинична, также работала по найму у богатых людей. Когда отец возвращался на лето домой, то обращался к богатею с просьбой дать в долг муки, зерна за отработку. Отрабатывать в страдное время приходилось мне, матери, сестре. Косили, жали.

Как-то собрался отец ехать в Томск, и вздумал везти с собою и меня, чтобы устроить на работу. Приехали. Повел меня по торговым лавкам. Привел в рыбную. Хозяин согласился взять и по окончанию торговли повел к себе домой. Работа оказалась не такой и легкой: нужно было заго-

тавливать лёд. Лёд кололи, возили на двух лошадях, когда набили погребов льдом, хозяин со мною рассчитался.

Затем отец устроил меня рабочим. Работодатель оказался из благородных, его нужно было называть барин, а его жену барыня. Барин, Николаев была его фамилия, занимал большую должность в губернском управлении. Идет на службу по своей работе, я его сопровождаю, несу портфель, а он идет с тростью в руках. Подходит время обеда, а я в это время что-нибудь делаю во дворе, барыня посылает в управление за хозяином, еще сопровождал их в город за покупками.

В дальнейшем я у многих купцов работал, но описывать в отдельности каждого не буду. Хочется остановиться на том времени, когда работал в колбасной лавке, где делали колбасу, ветчину, коптили окорочка. Питание было относительно хорошее.

Жил в кондитерской, где пекли хлебные изделия: печенье, сайки, булки. Я был развозчиком, развозил булки, сайки в большие учреждения, университеты, в семинарии. Развезу, затем помогаю кондитеру в работе. На следующую зиму я уже самостоятельно ездил в Томск, зиму проработал, а на лето домой.

В 1916 году был призван на военную службу в Томск, служба давалась легко.

В феврале 1917 году началась революция. В этот день нас вывели на занятия. Рядовой Костин скомандовал, чтобы мы возвращались в казарму. Прибежал ротный командир, кричал, почему сорвали занятия, на что Костин ответил, что сегодня праздник. Наш полк № 18 первым выступил, все пошли по городу, везде музыка, народ.

Время было военное, все на фронт. Меня оставили для охраны в городе, но в марте 1917 был отправлен на фронт. Наш эшелон прибыл ночью в Болотную, я соскочил и решил попрощаться с родными. Вернувшись, не застал эшелона. Только в Москве удалось нагнать его. Прибыли в Ригу, а дальше до Балтийского моря.

В одном из сражений был контужен. Направили в лазарет. После лечения в Литву, а оттуда по месту жительства Томскую губернию Болотнинской волости. В Болотной сдал в военное управление документы. В Корнилово прибыл в декабре 1917 года. Много изменилось с приходом новой власти, жили единолично. В 1918 году женился, взял беднячку, с малых лет батрачила на людей.

В 1919 году Колчак вел отступление на восток через деревню Корнилово. Две недели колчаковцы требовали лошадей, вреда большого не делали. По прибытию разместились по домам. Колчаковцы нашли у меня революционную книжку. Утром приказали запрячь лошадь и отправляться в путь. Впереди показался Мариинский тракт. И на этот раз повезло, меня отпустили, дали пропуск.

После всего я стал жить самостоятельно, работали с женой, родились три дочери: Шура, Дуся, Полина и сын Владимир.

Первая моя должность — ведал кассой взаимопомощи. Был секретарем, а когда вступил в колхоз «Вперед» в 1932 году, то мне поручили почту. Сначала я содержал почту на дому, ко мне ездили за ней из Большеречки, Курдановки, Тропино.

Болотнинское почтовое отделение сделало запрос на отдельный дом в Корнилово. Председатель сельсовета ответил, что нет свободных домов. Почта обосновалась в Большеречке. Пятнадцать лет я ездил на велосипеде за ней в Большеречку.

Был в колхозе несколько лет кассиром, в ревизионной комиссии, сельским судьей и народным заседателем при суде, был избран депутатом, четыре раза награжден Почетной грамотой исполкома Болотнинского района.

Заканчивая рассказ о человеке, жившем в нашем селе, ничем не приметном, хочется пожелать прожить каждому из нас так, как закончил своё повествование Корней Ильич: «...я жизнь свою провел до глубокой старости. Не имел ни какой вражды, почитал отца, мать, престарелых людей. Ни разу не судился и так меня никто не оскорблял».

ИВАНОВСКИЕ МЕСТА — СТАРОБЫТНОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Завалинка Ёлгиных с виду такая же простая и обычная, как и завалинка Прусовых, Асановых, Поздреватовых. Но со временем она стала притягивать меня, как магнит притягивает всякую железную мелочь. А всё потому, что хозяин этой завалинки — единственный в деревне старик, который самоучкой постиг грамоту и вёл краеведческий дневник.

Да и лицо Корнея Ильича тоже — магнит. Оно суховатое, морщинистое, морщинки изрезали и лоб, и щёки, и подбородок... Они такие глубокие, возможно, от древности, ему в то время был девяносто один год, — казалось, будто они хранят очень важные, интересные события, о которых так хочется узнать!

Бывало, сядет Корней Ильич, положит угловато-локтястые руки на колени и долго думает о чём-то своём. В такие моменты я и подсаживаюсь к нему, и точно знаю, что он обязательно что-нибудь расскажет.

— Летоисчисление села ведётся с 1680 года. Это же целая древность! Кажись, это царствование Фёдора Алексеевича, что из рода Романовых, — начинает Корней Ильич свой очередной рассказ издалека. — До основания деревни Корниловой, а это случилось в 1700-м, когда ещё не было места жительства, здесь шумела дремучая тайга. Так вот, от деревни Корниловой вниз по реке Ача, в километрах трёх около Широкого болота к реке Зырянка, там была площадь, называлась Ивановская. До событий семидесятых годов, которые взбудоражили всю деревню, никто на это не обращал внимания, что за Ивановские места.

Дед Корней замолчал, а я не тороплю его, знаю, соберётся с мыслями и продолжит своё повествование.

— Помню этот день хорошо, почитай, полдеревни засвидетельствовали этот случай. Мы с мужиками сидели на заваulinке у Петра Михайловича, говорили о предстоящей посевной. Тут же неподалёку старушки обсуждали последние деревенские новости. Напротив, у сельповского ларька, бабы ждали прихода стада, мелюзга при матерях, а кто постарше, гоняли на самокате, поднимая придорожную пыль.

Спокойную обстановку прервало тарыхтение трактора, который на полном ходу остановился у ларька, обдав собравшихся пылью и запахом солярки. Из трактора выскочил Павел Винидиктов, с искажённым от страха лицом и трясуцимися руками.

Продавщица Анна Петровна, обеспокоенная видом тракториста, грубым, мужицким голосом поинтересовалась:

— Что случилось, Павел Алексеевич, на тебе ж лица нет?

— Сегодня с утра вызвали в правление колхоза, — сбивчиво начал свой рассказ тракторист. — Вздумали воду задержать для скота. На водопой, к реке, коровы гоняют с двух сторон, поэтому для удобства необходима

эта запруда. И вот приехал я на указанное место и стал бурбить землю бульдозером и в речку её отправлять, чтобы задержать воду. Пробыл колею, а в дальнейшем, к моему изумлению, стали выпахиваться гроба!

Женская половина захохла и начала креститься, а баба Настя, так та громче всех причитала: «Восподи, восподи, какой страх! Восподи, восподи, какой ужас!»

Винидиктов выпил кваса, это немного его успокоило, он продолжил:

— Один гроб выпахался целиком. Крышка гроба открылась, и что, думаете, я там увидел? В гробу лежало два скелета. Один скелет, видимо, взрослого человека, а другой — ребёнка. И, по моему наблюдению, оба мужского пола — черепа-то совершенно лысые».

У бабы Насти на лице отразился такой ужас, будто увидела воочию этих мертвецов, и она всё вопрошала то к богу, то к людям: «Восподи, восподи, какой страх, восподи, восподи, я бы там, на месте, и разродилась...»

Твой дед Иосип Тихонович, ты же знаешь, он при любой ситуации сохранял спокойствие, на своем веку он и не то видел, а здесь не утерпел и начал урезонивать Анастасию: «Вот, попу мать, скажи, каки роды тебе, Настя, уже своё давно отрожала... Песок ужо сыплется, а она всё туда же... Живых бояться надобно, а не мёртвых». «Ильич, — обратился он ко мне, — собирайся, счас всё выясним».

Лошадь твоего деда, запряжённая в бричку, стояла у забора. Дорога нам была знакома, мы ведь с ним часто бывали на Широком болоте — то собирали смороду, то хмель, то клубнику с грибами.

Корней Ильич снова замолчал, всматривался куда-то вдаль. Лицо у него почернело, потому что его завалинка всегда на первом месте у солнышка, когда оно утром всходит из-за леса. И от солнышка тепло, и тепло исходило от старика.

— Так вот, приехали к указанному месту, — продолжил он рассказывать. — В стенке разработанной колеи увидели торчащие человеческие кости. А рядом гроб, выдолбленный из цельного дерева — листовянки. Расстоя-

ние между гробами один, а может, и два метра, а глубина в сланцах метр, возможно, немного более. И вот тут мне стало известно, что это погост, значит, кладбище. А в километре от погоста мы обнаружили погреб, подполы, печи, битую глиняную посуду.

Прошло четыре года. Жители села стали постепенно забывать этот случай.

А где-то за неделю до события, которое в очередной раз взбудоражило не только сельчан, но и весь Болотнинский район, да что там район — область, помню, вот здесь на завалинке, где ты сейчас сидишь, сидела Мария Ивановна Ёлгина. Ох, язвкатая, боевая женщина, в войну была стрелком, охраняла заключённых. А ещё она по приметам предсказывает события, которые должны произойти.

Так вот, она мне рассказывала: «Как-то возвращались мы домой со Степанидой Асановой с элеватора из Арлюка по Кармановской дороге. Остановились недалеко от Шеломка, чтобы посадить дочь Коноваловых, которая шла из гостей. Ночь — хоть глаз коли. Вдруг кто-то завыл. Видим, под лошадь бросается собака, рыжая-прерыжая, можно сказать, огненная. Кони бросились бежать, неслись как очумелые до самой сушилки, не останавливаясь.

Через какое-то время опять появилась эта собака и перебежала под ногами лошадей. Кони понеслись как бешеные, сломали оглобли, гусей чуть не передавили, которые спали на дороге. Перед въездом в село всё ещё раз повторилось». Так вот, Мария тогда предсказала, что это к кладу быть.

— И что, нашли клад?

— А как же, слова оказались пророческими. Тракторист Иван Петрович Карманов пахал поле под зябь на Ивановских местах и плугом вывернул из земли большой берестяной туес. Тот оказался полон монетами чеканки императрицы Екатерины II, датированными 1787–1800 годами.

Сам Петрович о кладе мне вот что рассказал. Пахал в тот день он один. Вдруг бороны зацепили что-то, глубина всего 20–25 сантиметров. Оказался берестяной туес с моне-

тами, вес его примерно составил 80–90 килограммов. У него была фляга, вот в неё и ссыпал содержимое туеса. Привёз в деревню, посчитали монеты — 1600 штук. Монета сибирская, Колывань — двуглавый орёл. Увёз в сельсовет, а председатель отправил в Болотное. Правда, жители села оставили себе по несколько штук. Повитухи говорят, что если приложить монету на пупок, хорошо лечит грыжу у детей.

— Интересно, а откуда взялась такая большая сумма денег? У вас есть, Корней Ильич, этому объяснение?

Он помолчал и со знанием дела пояснил:

— Дело в том, что Ача стояла на тракте Барнаул — Томск, была заселена ямщиками. Народ лихой, часто делали набеги, вот и напали на Ивановских. Там в то время находился только один старик с внуком. Когда ачинцы напали на займку, парнишка побежал за подмогой. Они требовали у старика денег, зажгли на спине веники, но он так и не сказал. Когда ачинцы увидели, что идёт подмога, зарубили бедолагу старика. Видимо, о спрятанном кладе знал только этот дед, но со смертью своей он унёс тайну этих монет. Известно только, что с тех пор мурзинцы на своей займке ночевать не стали.

И надо заметить, всё-таки здесь было первое поселение. А вот когда стали делать набеги другие племена, жившие недалеко, грабить, требовать денег, отбирать имущество, в конце концов жильё ивановское было ликвидировано, а местность в настоящее время распахана.

Эти находки позволяют сказать, что Ивановская площадь стала именоваться старобытным жильём. Здесь когда-то жили люди, но какого племени, никто точно не знает. Давно это было, когда ещё не было деревни Корниловой, вот поди разберись.

— Как вы, Корней Ильич всё помните? Ведь это так было давно?

— А до того, как научиться грамоте, я делал зарубки на перилах крыльца, а позже перенёс их в свой дневник. Пусть это будет память потомкам о минувших делах наших.

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛО СЕЛО КОРНИЛОВО

На протяжении многих лет ведется спор, откуда есть пошло село Корнилово: где место первого поселения наших предков, почему имеет такое название, сколько лет нашему селу.

Прошло более трёхсот лет с тех пор, как русские переселенцы начали заселять и осваивать территории современного Болотнинского района Новосибирской области (в прошлом Томского уезда).

Историей возникновения первых поселений, их хозяйственной деятельностью, обычаями и традициями занимались С. У. Ремезов, Г. Ф. Миллер, С. П. Крашенинников, П. С. Паллас, но в их дневниковых записях мало сведений по датам основания селений, да и перечень неполный.

Наиболее полно и достоверно освещён вопрос о населённых пунктах Болотнинского района, существовавших на территории Томского уезда в первой половине XVIII века, а значит, и села Корнилово, в публикациях исследователей и историков: Г. Ф. Миллера и С. П. Крашенинникова, Д. Н. Беликова, профессора Томского государственного университета, доктора исторических наук И. Ю. Ускова.

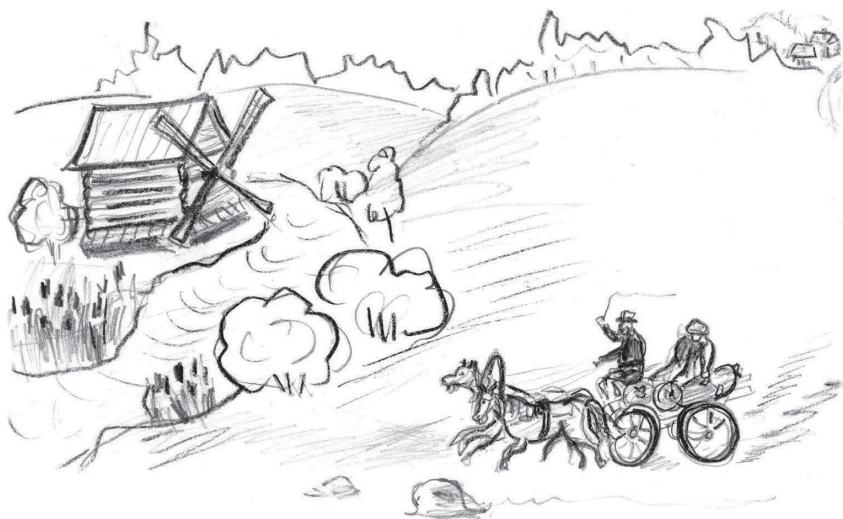
На их работы ссылались В. И. Шунков в книге «Очерки по истории колонизации Сибири в XVIII веке», В. И. Косовец в книге «Заселение и освоение окрестностей Юрги и прилегающих территорий Среднего Притомья и Приобья». Но что касается даты основания села Корнилово (Мурзино), сведения расходятся: по В. И. Шункову датируется 1680 годом, а по В. И. Косовцу — 1782 годом.

Долгое время версия происхождения названия и даты основания села Корнилово, изложенная в архивных источниках книги В. И. Шункова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVIII веке», считалась достоверной.

В источнике говорится, что строгановские крестьяне бежали «з жёнами, и з детьми, и со скотом, и з животом». При-

мером может служить бегство 25 июля 1678 года из вотчины Агафьи Строгановой большой группы крепостных крестьян во главе с Семёном Федосеевым Порошиным. Они захватили оружие, трёх лошадей и весь свой крестьянский скарб, бежали за Урал. Когда один из приказчиков стал их уговаривать, они ему отвечали так: «И лутче де тебя видали и то де не боялись, а ты де нам не диковина, и со слободой де разорим». Возле Мурзинской слободы крестьяне разбежались по лесам.

И вот две семьи из числа строгановских беглых крестьян ранней весной 1680 года облюбовали себе место и поселились на территории современного Болотнинского района. Один крестьянин носил фамилию Мурзин, был родом из строгановской Мурзинской слободы. У другого крестьянина фамилия была Корнилов. Новая заимка получила имя Мурзиной, хотя её же часто называли Корниловой. Эта заимка находилась в двух километрах от нынешнего села. К 1700 году заимка превратилась в деревню. Народ стал прибывать с разных сторон: беглые, ссыльные переселенцы, местные татары и другие. Деревня входила в состав Кайлинской волости, и к 1858 году население деревни выросло до 91 человека,

а к 1894 году в деревне насчитывается уже 77 хозяйств и 340 жителей. Жители деревни владели плодородными землями, занимались хлебопашеством и скотоводством. К концу XIX века в селе была водяная мельница, школа грамоты, хлебозапасный магазин и две торговые лавки.

До сих пор в Болотнинском районе встречается фамилия Порошины. Покойная Евдокия Лаврентьевна Порошина говорила, что здесь жили её мужа родители, деды и прадеды. Порошины здесь старожилы. И очень возможно, что местные Порошины ведут свой род от Семёна Федосовича Порошина, о котором говорилось в самом начале.

Дату первого упоминания о селе Корнилово — 1782 год — В. И. Косовец получил в результате проработки научных работ Д. Н. Беликова «Первые русские крестьяне — насельники Томского края и разные особенности в условиях их жизни и быта» и Н. Ф. Емельянова «Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху». Автор книги приводит сведения, полученные в результате собственной проработки ревизских сказок (переписей населения) в России и Томской губернии за 1720, 1811, 1816 годы и списков населённых мест Томской губернии 1859, 1893 и т. д. годов.

Использовал он также старинные карты и научные работы Томского государственного университета и Томского областного краеведческого музея. Как указывает В. И. Косовец, в XVIII веке и в начале XIX века на территории Болотнинского района появляются населённые пункты, даты оснований которых не установлены по причине утраты исторических документов и отсутствию доступа к архивам г. Томска. Приводятся даты их первого упоминания в архивных документах и публикациях, а также даются краткие сведения о них. Вот данные о нашем селе: «Корнилово (Мурзина) — 1782 год (д. у.), располагается на реке Ача при впадении в неё реки Топкая в 125 верстах от Томска. Деревня носила второе название (по-уличному) — Мурзина. В 1893 году в Корнилово учтено 68 дворов и 244 жителя.

С начала XIX века в деревне наряду с русскими проживало несколько татарских семей, которые административно

относились к Кумысской инородной волости. В 1912 году в деревне Корниловой была построена церковь Святой Троицы. В 1926 году в Корнилово было учтено 165 хозяйств и 836 жителей».

При такой противоречивой информации по истории старейших населённых пунктов Новосибирской области в затруднении находятся работники музеев, учителя школ, руководители творческих объединений по краеведению. Научных работ в библиотеках нет. Как быть нам, жителям села, администрации старейших населённых пунктов, и в какие годы отмечать юбилейные даты основания своих сёл и деревень?

В тех источниках, которые имеются в районном, школьном историко-краеведческих музеях, расхождение на целый век...

Например, в «Истории Новосибирской области» совершенно не упоминается о старейших поселениях северо-восточной части Болотнинского района: Шелковниково, Больше-Чёрное, Зудово, Турнаево, нет и про наше село Корнилово.

Более подробно об истории русских поселений изложено в книге Н. А. Миненко «По старому Московскому тракту», но ничего не сказано об упомянутых выше селениях Болотнинского района, нет конкретных дат основания. Конечно, установить точные даты основания и фамилии основателей многих населённых пунктов, видимо, не удастся из-за утраты исторических документов и отсутствия доступа к архивам г. Томска.

Корнилово (Мурзино) — одно из старейших поселений в Болотнинском районе. Не сразу село возникло на месте, где находится и по сей день. О дате возникновения и названии села существует несколько версий.

Вот что рассказывается в книге «Прошлое Болотнинской земли» В. А. Новикова: «Первым пришёл ссыльный татарин Керим. Вторым жителем был Мурза. Они основали заимку. Пополнили поселение беглые от Строганова. Потом пришли другие люди в поисках лучшей доли. Заимку стали называть Мурзино, располагалась она на бу-

гре Ивановском за рекой в двух километрах от нынешнего села. Уже позже стали строить ближе к расположению двух небольших речек — Ача и Топкая. Считают, что фамилии первых жителей — Корниловы и Мурзины — произошли от имён основателей села Керим и Мурза. Рядом с селом нашли остатки древнего поселения, следы от домов с очагами. Поселение было названо Ивановским. Неподалёку от него обнаружили в дупле сухого дерева клад из монет. Рядом с селом проходил кандалный путь, по которому вели каторжников».

Интересна история возникновения нашего села, прочтённая нами в дневнике старожила Корнея Ильича Ёлгина (1886 г. р.). Она фактически подтверждает факты, изложенные в архивных источниках книг В. И. Шункова и А. В. Новикова. Старожилы утверждают, что поселению нашему более трёх веков — в 2010 году жители отметили 330 лет, и что история села начиналась с заимки Ивановской — 1680 года.

Практически подтверждает изложенные факты местный краевед И. М. Шелковников в сборнике статей «320 лет спустя»: «...село основал татарский Мурза и бедный поселенец Корнилов. Эта деревня называлась сначала Мурзино, а после революции, где-то в двадцатом году, её переименовали в Корнилово. Возможно, так и было, но найти протокол собрания, где Мурзино переименовано в Корнилово, так и не удалось».

Обросло Корнилово новыми постройками, новыми людьми — переселенцами, обзавелось новыми порядками, новыми экономическими отношениями, и так стирается память прошлых лет, истончается и постепенно обрывается нить, связывающая поколения.

Я думаю, пора бы подключиться профессиональным учёным-историкам и внести в учебные пособия конкретные сведения по истории основания населённых пунктов нашего Болотнинского района. Это задача достаточно сложная и трудоёмкая, но это сделать необходимо, чтобы придать датам основания сёл, деревень официальный статус. Чтобы понять настоящее — надо знать прошлое.

ИСТОРИЯ СЕЛА В НАЗВАНИЯХ

Названию населённого пункта Корнилово вот уже более трёх веков, но есть менее долговечные топонимы. Все они создают пёстрое пространство новых и старых, официальных и неофициальных названий, которые украшают нашу жизнь.

Оживала Корниловская земля, преображался край, до заселения никому неизвестный. Деятельность человека набирала ход, и появлялись всё новые и новые названия мест и местечек в деревне Корниловой. Получили названия болота, поля и просто места, где ступала нога человека. По имени хозяев назывались дома, название получали и улицы — по характеру жизни и деятельности людей, живущих на определённом участке, отрезке деревни.

Направляясь на юг от Ивановских мест — места первого поселения, пройдя около двадцати метров, мы встретим урочище — Широкое болото. Широкое болото — оно и впрямь было широкое, перейти вширь его никто не мог.

До сих пор ива, осина, хмель растёт среди этого болота. Старожилы рассказывали: «Хмель использовали жители села для приготовления теста, пива. По краю болота люди ходили собирать чёрную смородину, там её было тьма! Ведрами, корзинами носили. По краю ходят, а вглубь боязно, обязательно болотник увлечёт, заведёт и в трясине утопит. Теперь болото не такое широкое, в конце XX века часть его осушили».

Бытует легенда о том, что есть обрыв над этим болотом, с него бросилась в воду молодая девушка и утонула. Причиной смерти стало то, что её отец не отдал замуж за любимого человека, с тех пор она плачет по ночам. Этот обрыв называют Девичьи Слезы.

Мы не раз с детьми ходили на экскурсию с ночёвкой на Ивановские места и нашли объяснение, кто мог плакать ночами. Сначала очень были удивлены тем, что не услышали пения птиц, не увидели ни единой птички, только всюду норы сурков. Но если поблизости нет спасительной норки, куда может спрятаться от погони сурок, он падает на землю и начинает плакать как ребёнок. Возможно, что, услышав плач сурка, люди и сложили печальную легенду о любви — «Девичьи слёзы»...

В нескольких метрах от Широкого болота находится водопад — искусственно запруженное место реки Ачи, ставшее излюбленным местом отдыха жителей Болотнинского района, и не только. Рядом находится родник, по традиции сельчане берут воду в полночь на Крещение и ею окропляют жилище, поят больного человека, скотину. Такую воду, старожилы говорят, надо пить только натошак, она снимает сглаз и порчу.

Именно реки Ача и Топкая в далёкие времена, когда в эти края пришли первые поселенцы, сыграли главную роль в выборе места для будущего поселения.

Наши предки посчитали это место наиболее благоприятным для основания деревни, так как здесь протекали две реки — Топкая и Ача. Вода всегда была необходима, в связи с чем первые дома строили вдоль берега, так появились улицы Береговая и Заречная. Деревня была окружена густым сосновым лесом, который вместе с холмами, расположенными вокруг села, защищает от ветров. Деревня расположена не на возвышенности и не на равнине, а в ложине, в низине.

Житейское горе нашло отражение в топонимах окрестностей нашего села.

Гора Галька, или Галькина Любовь. Почему эту гору так называли? Вот что об этом говорят старожилы: «Было это давным-давно, в одной семье жила девочка Галя. Обычно играла на этой горе, зимой каталась на санках, весной собирала цветы, летом рвала ягоды. Выросла девочка, и здесь,

на этой горе, повстречала парня из нашего села, полюбили друг друга. Ходили встречать рассветы, поженились и женатые продолжали приходить на эту гору.

Однажды муж Гали поехал в Томск за товарами. Когда возвращался домой, напали на него разбойники, тогда их называли «варнаки». Отобрали товар, а его самого ранили ножом в грудь. До дома он доехал, но рана была смертельная. Галя похоронила мужа и продолжала до самой старости ходить на гору. Когда Галина умерла, её похоронили рядом с мужем».

Уникальность этой горы в том, что она полностью из охры. Раньше охру возили возами в Томскую губернию по Томско-Барнаульскому тракту. Старожилы говорили, что хотели построить завод по её добыче, но отказались от этой идеи, запасы охры оказались не настолько велики. В Новосибирской области только два месторождения охры, которая пригодна для написания икон.

Местные жители изготавливали из охры краску для печей, полов. Её использовали и в лечебных целях — лечили радикулит, ревматизм. Брали охру, накатывали шариками и раскладывали на солнце. За неделю шарики напитывались солнечной энергией, их размачивали в дождевой воде и прикладывали к больным суставам.

В наши дни большую часть горы Гальки срыли бульдозером, охру брали на поднятие дороги при строительстве нового моста через реку Ачу. Жаль, что легенда о верной любви столько веков передавалась из поколения в поколение, — и где она теперь, эта память? Лежит на дороге, её не видно, смыло дождями, унесло ветром в неизвестность...

Ещё одна трагедия нашла отражение в названии Фёклин ложок. Поехала эта Фёкла на лошади в Арлюк. А дело-то было весной. Утром она хорошо проехала. День пробыла в Арлюке. А день солнечный, снег хорошо подтаял. К вечеру Фёкла решила вернуться домой. Её уговаривали не ехать, но она никого не послушала. Кое-как она доехала до этого ложка, дорога окончательно рухнула. Она въехала

в этот ложок, и лошадь провалилась по самые уши. Дорога и весь снег водой взялись. Конь никак не мог выбраться. Фёкла вздумала коня отпрячь в ледяной воде, но не смогла, видно, ноги скрутило. Так и захлебнулись оба. Вот с тех пор это место называют Фёклин ложок.

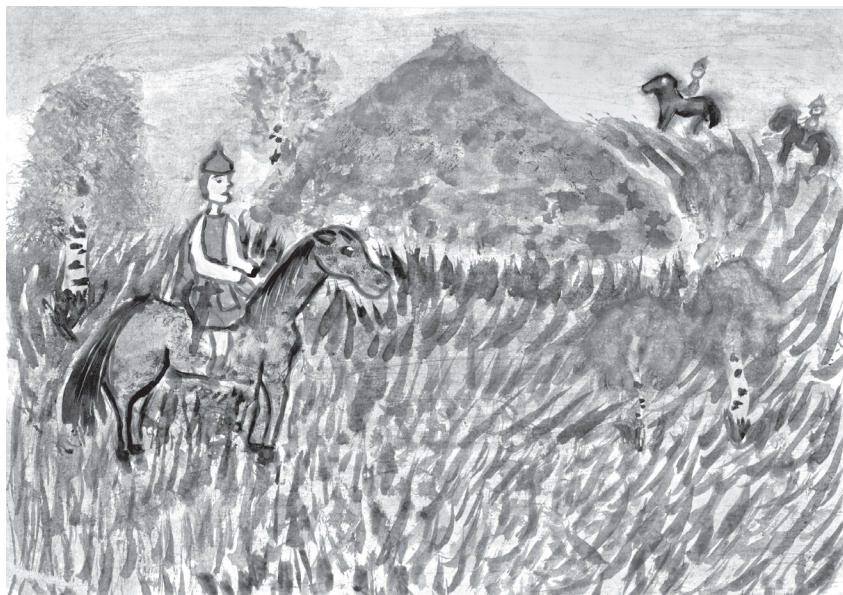
Севернее от горы Гальки в нескольких метрах имеется промоина, она тянется на два километра, раньше глубина достигала пяти километров. Огибая гору Гальку, промоина впадает в реку Ачу. Каждую весну во время сильного снегопада в промоину нёсся бурный поток, издавая грозный рёв, это место издавна старожилы называют Дурной лог. Действительно, нрав у этого лога очень жестокий: если попадёт в него скот или человек, то уже не спасётся.

В Дурном логу жители Болотнинского района брали бурюю глину для возведения глинобитных печей.

Змеиная горка, или Каменная, находится за рекой Ачей, за железным мостиком. Змеиной её прозвали давно, всё потому, что там много змей, особенно на Воздвижение. Кто ни пойдёт на горку эту, обязательно змею встретит. Змеиная гора богата клубникой и смородиной, и ведь что удивительно, не было ни одного случая, чтобы змеи кого-либо укусили.

В пяти километрах в юго-восточном направлении от села Корнилово среди логов есть сопка конической формы. Жители Кармановки называют её Колпак, а корниловцы — Шеломок.

Среди старожиллов жива легенда: «Когда-то, очень давно, из Руси ехал большой князь Яр с дружиной, направлялся он в Монгольскую орду. После переправы через Обь ему пришлось ехать сокурором (сокур — это возвышенность между логами). И вот ему встретилось какое-то враждебное племя, произошла схватка, это племя было рассеяно. Один из дружинников погиб, и вот на этой сопке его похоронили, а на могилу положили его шелом (древнерусский головной убор), из-за этого шелома гору и стали называть Шеломок».

Бытует мнение, что великий князь Ярослав (отец Александра Невского) действительно ездил в Золотую Орду. Вот почему «большой» князь, что значит великий, и Яр — значит Ярослав. Сокур, одну из полевых дорог, называют Сокуровская дорога, по этой возвышенности можно доехать до самой Оби. Конечно, это легенда, но в каждой легенде есть хоть небольшая, но доля правды.

На сегодняшний день в селе официально существуют шесть улиц: Центральная, Школьная, Почтовая (Фермерская), Новая, Клубная (Татарская), Молодёжная.

Живы в памяти жителей названия улиц, которые бытовали со времён основания деревни. Улица Центральная, где сейчас проходит федеральная трасса Новосибирск — Тогучин, называлась «От Марьюшки до Дарьюшки». Со слов старожилов, название произошло от живших в селе двух женщин — Марьи и Дарьи. Марья жила в последнем доме одного конца деревни, а Дарья в последнем доме другого. Если надо займы взять денег, то начинали со двора Ма-

НЕ ЗВОНЯТ КОЛОКОЛА...

У каждой церкви есть собственная судьба, своя история. Но многих сведений нет в архивах, в фондах библиотек, их хранит память народная...

Село Корнилово — одно из старейших поселений Болотнинского района. 2017 год знаменателен для жителей — сто пять лет назад возведена Свято-Троицкая церковь.

Долгое время в деревне Корниловой не было церкви, молились по избам поочередно, а большей частью в сельской управе. Со второй половины XIX века до открытия церкви жители Корниловой и соседних деревень — Правой илевой Сосновки с момента их основания до 1912 года были приписаны к приходу Петропавловской церкви села Поперечное Юргинского района.

На сельском сходе в 1909 году решили построить церковь в деревне Корниловой. На месте нынешнего села когда-то шумел сосновый бор, сосна считалась лучшим строительным материалом. Старожилы хорошо знали лесные уголья и точно выбирали места для заготовки строительного леса, соблюдали приметы для выбора хорошего леса, который рос на возвышенных местах. Придерживались сроков строительства. Лучшим временем считалось начинать строительство Великим постом (ранней весной) и так, чтобы процесс строительства включал в себя праздник Троицы, как говорили старожилы: «Без Троицы дом не строится».

Два года шла подготовка, ещё год продолжалось строительство. Строили своими силами, никого не нанимали, только пригласили артель художников для росписи иконостаса и стен с потолком. Краску делали из местной охры, которую брали на горе Гальке. В складчину купили набор колоколов.

Свято-Троицкая церковь построена способом рубки «в лапу». Её срубили в северо-восточной части, на бугре при въезде в деревню, рядом с кладбищем. Поставили на самом высоком месте, чтобы была далеко видна, а из каждого дома можно было видеть золотые купола и слышать перезвоны колоколов, зовущие людей на службу.

По воспоминаниям старожил, здание было одноэтажное, в нём десять окон с двойными рамами, имелось отдельное помещение для сторожа. Два купола были покрашены голубой краской, маковки на куполах покрыли серебряной краской, кресты обтянули золотистой фольгой. Здание огородили жердями, рядом с церковью срубили дом-пятистенки для священника.

В 1912 году в Корниловой зазвучал колокольный звон, и деревня получила статус села. Для освящения Свято-Троицкой церкви съехалось много священников из разных городов: Новониколаевска, Барнаула, Тогучина, Щеглово (старое название Кемерово). Из Томска приехал архиерей, очень много было прихожан. В Корниловский приход входили деревни: Большеречка, Александровка, посёлок и хутор Тропинский, обе Сосновки, Асановка, Берёзовка, Кармановка, Лунёвка, Ключёвка. Всего по Корниловскому приходу числилось 313 человек.

После крестного хода вокруг церкви отслужили торжественную службу об открытии, архиерей произнес проповедь. В церковной ограде поставили столы для торжественного обеда, все расселись. Архиерей поблагодарил строителей и всех, кто внёс свои пожертвования на строительство, сказав при этом, что, он уверен, церковь поможет укрепить веру в доброе и светлое, пусть в душе каждого царят мир и любовь друг к другу, к своей стране, к своей земле.

Ещё до открытия церкви отправили мужика по имени Григорий в Томскую губернию. Был этот Гришка одинокий. Семья у него вся померла, с тех пор он жил бобылем. Разбирался в целебных свойствах трав, умел заговаривать,

этим и жил. Быстро научился звонить в колокола, у него это очень хорошо получалось. Григорий был очень музыкальный, мог извлечь мелодию из любого предмета: топора, тарелки, крышки.

Старожилы вспоминают: «Тут приходит Гришка:

— Ваше святейшество, дозвоьте народ повеселить колоколами.

— А можешь?

— Могу.

— Плясовую сыграешь?

— Постараюсь.

— Ну, с Богом! — Архиерей перекрестил Григория.

Гриша поднялся на колокольню. Сначала «вздохнул» главный колокол, а потом уже подголоски.

И вдруг сверху понеслась мелодия «Ах вы, сени мои, сени», затем «Ехал на ярмарку ухарь-купец», а дальше — «Калинка, калинка, калинка моя». И никто не обратил внимания, что столы все опустели и весь народ пустился в пляс. Наконец Григорий спустился вниз, архиерей наградил его от себя деньгами. Так Григорий стал звонарём».

Священники села исправно справляли церковную службу. Они обязаны были вести метрические книги, в которых делались записи о крещении младенцев, венчании молодых, отпевании усопших. Не надо забывать, что первыми учителями и воспитателями деревенских детей были священнослужители. При церкви была открыта в 1914 году церковно-приходская школа. Законоучителем в ней были священники, которые учили письму, арифметике, чтению, Закону Божьему.

1917 год. В сёлах Болотнинского района, как и по всей стране, стали исчезать храмы, церкви — их разрушали. Шла война с колокольным звоном. Колокола сбрасывали под тем предлогом, что они мешают слушать радио и оскорбляют религиозные чувства нехристиан. Сбросив колокола, купола, кресты, здание приспособляли для зернохранилищ, клубов, складов.

В 1935 году не стало слышно колокольного звона в Корнилове. Судьба колоколов неизвестна до сих пор, а судьба церкви очень прискорбна.

В этом же году был поднят вопрос о её закрытии, но официально церковь закрыли распоряжением Облсполкома № 43 от 22 февраля 1940 года, в том же году она описана как пустующее здание, внутренний иконостас и алтарь которого были убраны при сохранившихся куполах, крестах и колокольне.

Аксинья Ивановна Саковская рассказывала: «Церковь помню очень хорошо. Службу проводил священник, дьякон ходил во время службы с кадилом, в нем были угли, смола еловая.

Звонарь Григорий водил нас на колокольню и показывал, как звонят колокола. Хорошо запомнила: был один большой колокол и два поменьше, а с двух сторон колокольни висело много маленьких колоколов, может быть, десять или более.

Звонарь вставал на слуги, к которым были привязаны языки маленьких колоколов, и раскачивал их, они издавали красивый мелодичный звук. Один большой колокол и два маленьких приводились в движение тоже руками звонаря при помощи верёвок, привязанных к языкам колоколов.

Посторонним звонить разрешалось только в Пасху. Колокола звонили и в будние дни — когда вьюга, чтобы не заблудились люди, во время пожара, свадьбы, при выходе молодых из церкви. Звон раздавался и во время службы по праздникам.

В церкви был красивый позолоченный иконостас с красивой резьбой по бокам. Сбрасывали колокола с церкви в тридцать пятом, мне было восемнадцать лет. Помню, собралась огромная толпа народа у церкви. Сначала упал огромный колокол, дети собирали осколки, думали, что золотые, так как они блестели.

Иконы и иконостас уничтожали, большую часть их порубили и пожгли.

Ученикам запрещали носить крестики, дома держать иконы. Учителя проверяли, нет ли у кого крестика, и не дай бог, если найдут — сурово накажут, снимали с работы. Детей крестить тоже запрещалось. Даже в другой области креститься нельзя было, сообщали на место работы.

После закрытия церкви священника Александра Горячко переместили жить в подвал. Он там вёл службу, но очень недолго — сослали в Нарым, больше о нём не слышали. Во время и после войны церковь использовалась как зернохранилище, склад».

В 1955 году председатель колхоза «Вперёд к коммунизму» Н. В. Сапунков распорядился разобрать церковь и сделать из неё клуб. В восьмидесятые здание переделали под столовую, но через несколько месяцев она сгорела.

Старики говорили, что это Бог наказал за кощунство над святым, нельзя было разбирать дом Божий.

Старожилы села вспоминают: «Церковные колокола долго несли свою службу. Загудел набат в 1914 году, он возвестил о войне с Германией. Затем при пожаре колокола били вполночь. И эти колокола звенели, пока их не сбросили. Не могли они (большевики) подумать, что такую красоту нельзя трогать. Всё это возведено на народные деньги. Уже не деревня — всё село онемело. Когда разоряли церковь, весь народ собрался. День был солнечный. Плакали все, кто молча, кто навзрыд. Стягивали кресты, верёвки рвали, их связывали. Иконы из церкви вынесли на улицу, порубили и сложили в кучу, и сожгли, а ещё страшнее, что иконами заделывали дыры в заборе».

С этого времени не звонят колокола Свято-Троицкой церкви в нашем селе.

Так было покончено с религией, что, конечно, не могло не сказаться на духовности и нравственности жителей. Теперь ясно, что если так легко и просто можно разделаться с Богом и верой, то ещё проще и легче можно расправиться с людьми и каждым человеком в отдельности.

ШТЫК

В детстве, лазая на чердаке дома деда Осипа Тихоновича Прусова, нашла свёрток, он был спрятан так, чтобы не видел посторонний глаз. Развернув тряпицу, обнаружила штык, проржавевший от времени. Дело в том, что в 1919 году Гражданская война шагнула на Болотнинскую землю. Колчаковская армия нескончаемым потоком отступала через сёла: Ояш, Егоровка, Болотное, Турнаево, Ача, Корнилово. В этих местах шли непрерывные бои.

Дед Осип объяснил, что штык найден им случайно.

Рассказ Осипа Тихоновича Прусова:

«Поехал на покос, накосить сена быку да груздей нарвать. Грибное место знал на покосных угодьях Николая Петровича Асанова, что в пяти километрах от села. Нашёл большую грядку грибов. Срезая очередной груздь, неожиданно остановился: передо мной — окоп, а в стенке, уже поросшей травой, торчит штык.

Прихватив находку, я понял, что рассказы сельчан были не пустыми, именно здесь проходили бои между белыми и красными. Помню, по улице Центральной стоял дом, ты ещё тогда не родилась, его разобрали и перевезли в Болотное. Говаривали, что в этом доме останавливался сам Александр Васильевич Колчак при отступлении на восток. А ты сходи по людям, они многое вспомнят, по старикам иди, им родители-то сказывали про Колчака».

Рассказ Корнея Ильича Ёлгина:

«В конце декабря тысяча девятьсот девятнадцатого года адмирал Колчак повёл отступление на восток через деревню Корнилово. Как прибыл в деревню, так на несколько дней разместились по домам.

Но вреда большого не делали. Однажды у нас дома нашли революционные книги, а наутро мне приказали запрягать лошадей и везти куда прикажут. Путь лежал на восток по Московскому тракту до Гутова.

В тот год снег выпал рано, зима была снежная, морозная. Выехали с утра. Мороз крепчал. Дойдя до Асановского пруда, это в пяти—шести километрах от деревни Корниловой, колчаковцы остановились в притрактирном доме, устроили ночлег.

В трёхстах шагах от пруда стоял колодец, бытовала легенда о том, что колчаковцы спрятали в нём золото. Уже в восьмидесятые годы неоднократно предпринимались попытки найти клад: копали экскаватором, лопатами, но он был таким глубоким, что не достигли дна, а может, кто и нашёл, да молчит.

Через несколько дней всех деревенских мужиков отпустили, забрав у них лошадей.

Когда остановились в Гутово, ко мне подошёл один из колчаковских солдат и посоветовал:

— Сегодня офицерское собрание. Иди, попроси командира, чтобы тебя отпустили.

Я пошёл, думаю, будь что будет. Захожу в помещение.

— Ваше высокоблагородие, обратиться хочу к вам. Я веду подводы вот уже несколько дней, меня никак не освобождают.

Рядом с командиром сидел офицер и спросил:

— А ты откуда ведёшь?

— Деревня Корнилово Болотнинской волости, вот уже полста вёрст отделяет меня от места проживания.

Офицер меня поддержал:

— Ваше благородие, нужно парня отпустить. Здесь, в Гутово, сменим лошадей. Он вёз фураж, сейчас пусть сгрузит и на своей лошади возвращается обратно. У нас своих лошадей хватит.

Секретарь выдал мне пропуск. Выхожу, а во двор въезжает подвода. Ко мне подходит паренёк и просит закурить:

— Вот привёз больных тифом и не могу добиться, куда их девать.

Я предложил ему отпрячь лошадь, привязать к моим саням, и отправились в обратный путь. Ночевал я у этого паренька в Семёновке».

Рассказ Анастасии Дмитриевны Ёлгиной:

«Мне в ту пору было десять годков. Хорошо помню, как в декабре в нашем доме разместили раненых солдат. Я помогала маме ухаживать за больными: кормила, приносила воду, уносила грязные бинты. Несколько дней побыли, у нас забрали единственную лошадь и овёс. У колчаковских солдат были вши, и как мы их потом ни выводили, а что толку, мне пришлось обрезать кось».

Рассказ Марии Трифоновны Кармановой:

«Зима в тот год была суровая, температура доходила временами до пятидесяти градусов. К соседям подселили солдат, больных тифом, их определили в баню. Каждый день приходилось её протапливать, готовить еду больным. Слухи о зверствах, насилии белых бежали впереди их, выпускали их, скорее всего, красные, чтобы настроить против них. Женщины одевались как попало, постоянно скрыва-

ли лицо, некоторые мазались сажей, чтобы выглядеть пострашнее, боясь домогательства солдат.

Но колчаковцы, забрав гужевой транспорт, фураж и продовольствие, продолжили путь на восток».

Рассказ Иннокентия Макаровича Шелковникова:

«Зимой 1919 года в нашу деревню вошло много белых. Забили все избы до отказа. А утром конфисковали у населения много продуктов. Им было нужно дальше отступать. Многих мурзинцев (корниловцев) они мобилизовали в обоз.

Попал и дедушка Тарас. Ему пришлось вести на своём коне беяков до станции Тайга. Вёз он четверых солдат. У дедушки был кобель красноватого цвета. Уже подъезжали к станции Тайга, и тут выскочил заяц. Собака за ним. Дедушка и говорит: «Смотрите, красный белого погнал». Белякам это не понравилось. На станции Тайга дедушку Тараса выпороли плётками, да так, что он не мог ни сидеть, ни лежать. Кое-как добрался до дома, лёжа на животе. Дома ещё месяц целый его бабушка лечила. После поправки от побоев он заболел тифом. Переболела вся семья, три девочки померли.

От белых остались в деревне два казака. Где-то притаились и появились после ухода белых. Имён своих не называли. Когда мурзинцы стали у одного спрашивать, как его зовут, он ответил: «Зимой — Кузьмой, летом — Филаретом». Ну, мужики поняли, что они таятся, и больше к ним не приставали. А эти два казака после сдались красным».

Из рассказов сельчан и имеющих архивных данных районного краеведческого музея г. Болотное известно, что только Николай Зиновьевич Ёлгин был расстрелян белыми.

Рассказ Николая Сергеевича Солдатова:

«Николая Зиновьевича призвали на военную службу ещё в двенадцатом году. Награждён четырьмя Георгиевскими крестами и четырьмя медалями — как говорит-

ся, полный бант. Отучился в офицерской школе и получил чин прапорщика, и вскоре его произвели в поручики. Уже в офицерском звании награждён холодным оружием с надписью «За храбрость».

В семнадцатом году Николай Зиновьевич вступил в коммунистическую партию. Его избрали в полковой солдатский комитет. Октябрьскую революцию встретил в Петрограде. Участвовал в захвате телеграфа. После этих октябрьских событий отпущен домой, в Корнилово, для установления советской власти.

Отдохнув от тяжёлой дороги, Николай Зиновьевич появился на деревенской улице в офицерской форме со всеми наградами, сбоку шашка с Анненским темляком. Созвал всех фронтовиков для организации сельского ревкома. Начали агитировать крестьян за советскую власть. Собрали совещание для выбора председателя ревкома, на котором я присутствовал.

Совещание открыл Николай Зиновьевич Ёлгин:

— Здравствуйте, дорогие товарищи!

— Здравствуйте, ваше благородие.

— Товарищи, я не благородие, а такой же землепашец, как и вы все. Это я на фронте всё это заслужил. Форму и награды привёз в солдатском вещмешке, а сейчас надел, чтобы вы все поняли, что на фронте не лаптем щи хлебал, а воевал. Вон, вижу, у вас многих есть награды.

— В сердчищу мать, как же нам не величать вас благородием, Николай Зиновьевич, когда у вас и форма, и золотые погоны! А я за годы солдатчины привык вытягиваться перед такими погонами.

— Эх, Коля, Николай Сергеевич, ведь нас в один год взяли на службу. У тебя вон унтер-офицерские лычки и три Георгиевских креста. Значит, и ты на фронте не один раз отличался. Вот возьмём и изберём тебя председателем сельского ревкома.

— Нет, дорогой тёзка Николай Зиновьевич, я в политику не пойду. Воевать за народ, если придётся, буду, а в ревкомах стоять не хочу.

— Жаль, дорогой товарищ. Послушайте все! Если вас смущает моя форма и погоны, то я это всё сниму. — И он сорвал погоны. — Ну а форму я дома переодену.

Затем он предложил назвать кандидатуру на пост председателя ревкома. И все единолично проголосовали за него.

— Ну что же, спасибо, товарищи, за доверие. Постарюсь оправдать. Ну а если кто-то думает, что сумеет отсидеться в затишье, — поверьте, не дам. Всё равно придется воевать.

И он был прав. Всех мобилизовал Колчак. И все потом перешли на сторону красных. Вскоре в нашем селе провозгласили советскую власть. Во время чехословацкого мятежа Николай Зиновьевич ушёл с отрядом красногвардейцев. Затем колчаковщина. И вот зимой 1919 года Николай Зиновьевич был захвачен белыми в плен после стычки где-то около Ояша. С ним были схвачены ещё пятеро. Все шестеро были ранены. Под конвоем взвода белых казаков они были проведены через нашу деревню, заночевали, до него даже родственников не допустили. Утром отправили Николая Зиновьевича в Гутово, где колчаковская контрразведка его и расстреляла».

Немой свидетель — штык заставил рассказать о трагических событиях, которые прямо и косвенно коснулись Болотнинской земли. С трудом представляешь, что на проржавевшей стали осталась кровь братьев и отцов...

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И РАСКУЛАЧИВАНИЕ — ЧЕРЕЗ СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ

1930 год. Как и по всей стране, в Болотнинском районе одновременно с коллективизацией шло массовое раскулачивание. Это горе затронуло каждую деревню, почти каждую семью.

Память о тех событиях жива до сих пор среди жителей села Корнилово. По воспоминаниям старожилов, было раскулачено пятнадцать семей: три семьи Ивановских (Сергей, Александр, Алексей), две семьи Левчук, три семьи Кармановых: Николай Александрович, Иван Фёдорович, Карп Фёдорович, две семьи Асановых, Котовы, три семьи Каменевых, Ёлгины, Басалаевы.

Из воспоминаний Аксины Ивановны Саковской: «В нашей деревне раскулачивание проводилось дважды. Зажиточными считались крестьяне, которые имели сеялки, несколько лошадей, коров, даже семьи, где были сепараторы. В Корнилове, как и в других сибирских деревнях, было много зажиточных крестьян.

Особенно исправно шло дело у Карманова Степана. Вместе с сыновьями, братьями сделали плотину и водяную мельницу на реке Ача. Жернова для мельницы ими были выписаны из самой Швеции. Зерно перемалывали на муку для всех жителей села.

Домашнее хозяйство Кармановых росло словно на опаре: разводили овец, коров, коней. Это были лучшие кони в округе, в том числе тяжеловозы. Ездили в Томск на ипподром, где участвовали в скачках и получали медали.

У Александра Дмитриевича Асанова первого в деревне была молотилка, пила для распилки дров. Лавки держали Карманов Степан Фёдорович, Карманов Степан Иванович и Ёлгин Дмитрий Наумович. Кулаками считали и тех, кто держал наёмных работников, с которыми рассчитывались по окончанию работ продуктами, баранами, деньгами.

Они и сами трудились от зари до зари. Имели пашню, инвентарь, рабочий скот. Люди в колхоз шли не по собственной воле, их заставляли сдавать лошадей, телеги, плуги, бороны, сеялки. В колхозе трудились даже по ночам взрослые и дети. Работали за трудодни, оплата была низкой. Председатели в колхозе часто менялись».

Котова Анна Михайловна рассказывала, что Левчук Степан был раскулачен только за то, что имел три коровы, две лошади, сенокосилку, отказался идти в колхоз. Сослан с тремя детьми в Нарым. Во время раскулачивания отбирали всё имущество. Запомнилась односельчанам своей жадностью Марья Поломошнова. Она забирала вещи раскулаченных: скатерти, одежду, подушки. В семье Асановых даже из-под больной женщины вытащила перину.

Из воспоминаний дочери Ивановских, которая вернулась на родину — в Корнилово в 1978 году поклониться родным могилам и взять с собой горсть земли: «Помню, как нас загоняли на баржу, как плыли по реке до Нарыма. Через неделю нас сгрузили прямо на таёжный берег. Была охрана, чтобы никто не сбежал. Начали валить лес, копать землянки для жилья, позже начали строить дома. Еды не было. Ловили рыбу. Многие погибали. Тонули в реке,

замерзали, попадали под валившиеся деревья. Но всё-таки посёлок построили, организовали леспромхоз. Лишь немногие возвращались в деревню Корнилово, но многие не вернулись, найдя последнее себе место на кладбище».

В школьном музее хранится фотография и архивные данные жертв репрессий семьи Басалаевых в годы коллективизации и раскулачивания из Томского архива.

Басалаева Пелагея Васильевна

Родилась в 1887 г. Проживала: Новосибирская обл., Болотнинский р-н, с. Корнилово.

Приговорена: 12 декабря 1932 г., обв.: кулаки (Постановление СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930).

Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Басалаев Иван Петрович

Родился в 1885 г. Проживал: Новосибирская обл., Болотнинский р-н, с. Корнилово.

Приговорён: 12 декабря 1932 г., обв.: кулаки (Постановление СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930).

Приговор: спецпоселение в Томской обл.

Источник: УВД Томской обл.

Басалаев Александр Иванович

Родился в 1932 г. Проживал: Новосибирская обл., Болотнинский р-н, с. Корнилово.

Приговорён: 12 декабря 1932 г., обв.: кулаки (Постановление СНК и ЦИК СССР от 1.02.1930).

Приговор: спецпоселение в Томской области.

В семье Басалаевых Ивана Петровича и Пелагеи Васильевны было пять детей, последнему было всего несколько месяцев. Из них выжил Александр, выжил благодаря своей молодости, здоровью и жизнелюбию. О 30-х годах вспоминать не любил, при расспросах сразу мрачнел и замыкался.

Вот что удалось нам узнать. «Трудолюбием создали мои родители своё крепкое хозяйство: добротный дом, двор, амбар. Обзавелись скотиной: лошадь, овцы, коровы. Да и в доме

была необходимая утварь и пошитая хозяйкой дома одежда, одеяла, подушки. Все трудились, жили в достатке.

На сборы семье дали два дня, взять с собой разрешили минимальное количество самых необходимых личных вещей. Везли в Верхнеудинск, оттуда погрузили на товарный поезд и везли на специальное поселение в глухую тайгу Западной Сибири.

Сколько их было? Много. Из этого «много» не все выдержали дорогу. Довезли сначала до Томска, потом на барже по реке Оби. Тех, кто умирал от голода, холода, болезни, выбрасывали прямо в реку. Оставшихся высадили на пустынном берегу Оби, в глухой нарымской тайге. Жилых посёлков поблизости не было. В первую ночь почти никто не спал, жгли костры, разговаривали, пили обжигающий кипяток.

Потихоньку начали обустраиваться, строили временки, шалаши, кто что мог. В таких условиях выжили только молодые и здоровые. Их спасала река, где водилась всякая рыба, и тайга, куда ходили добывать дичь, ягоду, грибы, орехи.

Нарымский край в те времена был очень глухим: болота, непроходимая тайга, бездорожье. Летом — речной путь по Оби, зимой — санный по той же замёрзшей реке. Однако из-за сильных морозов 42–45 градусов — собираться в дорогу рискованно, бежать из тех мест было невозможно. Летом людей мучил гнус, тучи комаров могли заесть человека до смерти, спасались с помощью марлевых пологов. Продукты завозились большими партиями на баржах. Запасались на зиму. Разводили только коров.

Среди ссыльных были единицы, которые жалели об утерянном, конфискованном имуществе. Такие долго не жили — умирали от тоски», — заканчивает свой рассказ Александр Иванович Басалаев

Вот ещё одна история. Рассказана Татьяной Семёновной Кармановой — о судьбе своих родственников Семёна и Анны Ясоновны Лопатиных, раскулаченных в тридцатые годы.

«Моя бабушка Анна (в селе её звали Ганна) замуж вышла за Семёна Лопатина, из зажиточной семьи. Родители Семёна отделили землю, лошадей, корову молодожёнам.

Молодые построили дом, развели подворье, приобрели крупорушку, затем мельницу. На скотном дворе были рабочие и выездные лошади. Родилось три дочери.

В семье Лопатиных ещё жил мальчик — сирота. О парне, которого они вырастили как сына, донесли властям: «Тот хлопец у них батрачит». Раз есть работник — ты кулак.

Раскулачивать пришли самые активные лодыри, зарившиеся на чужое добро. Забирали всё, что попадалось на их глаза: от скота, техники, предметов быта до домотканого нижнего белья.

Один из активистов обратил внимание на красивые настенные часы, которые через определённый период времени играли красивую музыку. Дед Семён заметил это, снял часы со стены со словами: «Их нужно уметь заводить, чтобы играла музыка, сейчас покажу», и с силой ударил ими об пол. Часы разлетелись вдребезги. Этот грабёж происходил на глазах у детей, до того момента считавших свою жизнь сытой, счастливой.

Был дан приказ собраться — и в неизвестность...

Дед был мастеровым, всё в своём доме, да и сам дом он сделал своими руками. При сборах он не стал брать перин, шуб, взял необходимое — инструменты. Дед Семён был слышан, что куда везут — тайга, зверьё — и понимал, что главное — построить жильё.

Довезли до Томска, а там на пароме переправили через реку, а дальше до Колпашево. Их с другими семьями высадили на необитаемых, можно сказать, землях.

Кругом тайга. Дед Семён выкопал землянку, обустроил жильё: спали на хвойных ветках, прикрытых тряпьем. Приехали без запасов еды, то, что с собой брали, съели дорогой. Дети — самой старшей восемь, а младшей не было и двух лет — постоянно просили есть. Старшие девочки бегали на станцию побираться, казахи жалели детей и помогали, чем могли.

От голода, сырости, изнурительной работы люди болели, умирали. Дети пухли от голода, Оля до трёх лет не могла

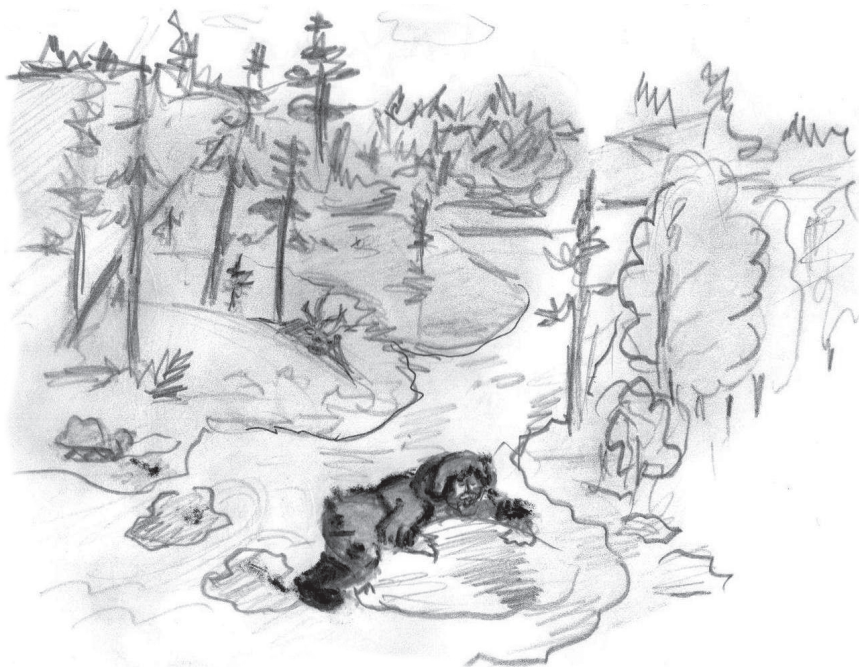
ходить. Как жить? Спасались первое время тем, что нанимались на работу к коренным жителям, жившим недалеко. Выполняли работу по двору, по дому. Люди не скупились, платили продуктами: салом, картошкой. Девочки собирали ягоду, грибы. Дед научился охотиться. Зимой слышался волчий вой, это так было жутко. В бураны тайга шумела, всё кругом заметало. Бывало, пропадали люди. Возможно, звери были тому виной.

Старшая, Поля, училась в школе, которая находилась в ближнем селении. Но часто вместо занятий девочка ходила побираться. Ей всё время хотелось есть. Как ни странно, но она оставалась пухленькой. Был случай: зашла она в один дом, добрая хозяйка посадила её за стол, перед ней поставили нехитрую еду: картошку в мундирах и редьку с квасом. Поля жадно ела. Отворилась дверь, и в клубах морозного облака появился человек. Снял шапку — а это оказался учитель. Поля так, с набитым ртом, глазами, полными стыда и страха, уставилась на него. Она чуть не подавилась при вдохе. «Я ничего не помню — как, что, — только когда очнулась, в руках у меня была моя холщовая сумка, чуть не доверху набитая картошкой, даже сало было. Домой бежала не чувствуя холода, так горели щёки от стыда. С тех пор перестала побираться». Чувство голода мучило девочку постоянно. Потом, когда она стала взрослой, стала матерью, ей казалось, что все хотят есть. Старалась всякого обогреть, накормить.

У деда Семёна в Красном Озере жили родственники. Видимо, похлопотали перед властями. Пересмотрели дело, и разрешили Тане — инвалиду с детьми покинуть выселки и вернуться домой.

Тётка Поля рассказывала, что они домой ехали почему-то через Казахстан, она говорила: «Добрых людей, много больше, чем худых. Не нужно было просить, люди сами делились лепёшками, фруктами».

Сначала привезли в Красное Озеро. А уже оттуда сами добрались в свою Сухиновку. Поселили их не в свой добротный дом, построенный дедом Семёном, а в захуда-

лую избушку. Около хатки был участок под картофель, но не огорожен. В любой момент скот мог потравить посадки. И девочки своими руками выкопали ров вокруг участка под огород.

Дед Семён остался в тайге. Он умудрялся каким-то образом приходить оттуда в Сухиновку, а это четыреста километров, а может, больше. Добирался до своей семьи пешком, а зимой на лыжах.

В один из таких походов он простыл, заболел и умер. Могила его находится на погосте в Красном Озере».

Нельзя дать однозначную оценку событиям 30-х годов XX века. Но это история моей страны, моего края, история моих сельчан. И пусть эта история отражает не только героическое прошлое, но и трагическое, — надо знать, помнить, уважать историю Отечества, чтобы не допустить ошибок в будущем.

ОТ «МАНГАЗЕИ» ДО КОЛХОЗА «ВПЕРЁД К КОММУНИЗМУ»

Как рассказывали старожилы деревни Корниловой, со второй половины XVIII века в течение двухсот лет две водяные мельницы обслуживали все ближайшие деревни в округе. Одна стояла выше по реке Аче, другая ниже слияния рек Топкой и Ачи. Жернова состояли из дикого камня, который привезли из каменоломни Маслянинского карьера. Мужики обработали эти глыбы для мельницы и пустили в дело. Мука получалась очень мягкая, работали жернова, пока не истерлись.

Извозом сельчане занимались по тракту Барнаул — Томск. На своих лошадях с товаром за зиму доходили даже до Иркутска и обратно тоже с товаром. Говорили, что неплохо зарабатывали.

Позже кормились на строительстве железной дороги, затем строили Кольчугинскую ветку (на Кузбассе).

Старожилы говорили, что и в годы НЭПа жили хорошо: кто торговал, кто разводил скот для продажи.

В селе имелся общественный амбар, куда ссыпали хлеб на всякий тяжёлый случай: урожай градом побьёт или ещё какая напасть приключится, там же хранили семена, продавали хлеб. Амбар этот в шутку называли «Мангазея».

В складчину купили три молотилки, хранили их около общественного амбара, никто их не охранял. Молотили зерно по очереди, по дворам.

Позже началась коллективизация и раскулачивание. По инициативе Михаила Фроловича Ёлгина, Ефима Титовича Бескостова, Сергея Ивановича Шинкарюка в 1930 году организовали артель «Вперёд». Председательствовал Ни-

кита Пафанович Жарков. На общественный двор свели больше 600 лошадей, 120 конных косилок, множество коров. Всё имущество «Мангазеи» тоже отошло к артели.

Даже в военные годы хозяйство в селе было крепкое: две пасеки, птицеферма, конеферма, свиноферма, овцеферма, «заводик», где сбивали масло, делали творог.

Закончилась война, вернулись фронтовики. Жизнь была тяжёлой, надо было восстанавливать хозяйство. Налоги были после войны просто непосильные, особенно натуральный. Старожилы рассказывают:

— Например, если держишь бычка, то обязательно нужно половину мяса сдать в госпоставку. Молока от коровы необходимо было 308 литров сдать. А ещё шерсть, яйцо...

Но самое дикое в налогообложении тех лет — если держали поросёнка, то должны были сдать полторы шкуры!..

Паспорта колхозникам не выдавались. Нищета страшная. Пенсия 90 рублей по реформе сорок седьмого года.

А кусок хозяйственного мыла стоил триста рублей! Люди работали за чашку похлёбки — затирухи и кусок хлеба.

Легче было жить тем семьям, где отец тракторист. Работники машинно-тракторной станции получали гораздо больше, чем простые колхозники.

По соседству с селом были деревни Тропино, Кармановка, Сосновка, а колхозы соответственно назывались: имени Кирова, «Мировое пламя», «Дружба».

И вот правительство решило укрупнить колхозы. В пятидесятом году объединились Тропино с Корниловым, хотя тропинцы не хотели объединяться. Но всё же колхоз имени Кирова ликвидировали, сделали более крупный колхоз «Вперёд».

В пятьдесят втором году решили к нему добавить ещё две деревни. Готовились к этому мероприятию тщательно: завели браги, приготовили угощение и подарки. На собрание люди съехались в Сосновку. Собрались в здании школы — куча народу из четырёх деревень.

Начали с чествования и поздравления передовиков: овощеводов, полеводов, животноводов. Затем перешли к главному вопросу. И тут начались споры, ссоры, крики.

Долго шумели. Наконец согласились объединиться. Встал вопрос: как назвать? Некоторые предлагали назвать новый колхоз «Мировое пламя», а корниловцы — «Вперёд», и снова шум да крик!..

Тут поднялся со скамьи сосновский мужик, Алексей Петрович Виниченко, и говорит: «Чего мы орём, как свиньи во время дождя? У нас половина названия уже есть — это «Вперёд». Давайте добавим ещё «к коммунизму», и будет колхоз «Вперёд к коммунизму», а председателем предлагаю Якова Исаича Сапункова». Все согласились.

Жизнь колхозников постепенно стала налаживаться. Вновь заработали пимокатная и сапожная мастерские, валяли шерсть и выделывали кожу. Реорганизовали столярную мастерскую по изготовлению телег, саней, тележных колёс.

Колхоз всегда выполнял планы и был на хорошем счету в районе.

В 1954 году купили легковую машину УАЗ «Победа», шофёром на ней работал Гаврила Дмитриевич Осипенко — инвалид Великой Отечественной войны.

В 1955-м по распоряжению председателя колхоза «Вперёд к коммунизму» Якова Исаича Сапункова разобрали церковь и сделали клуб на 200 мест. Заведующей клубом стала Нина Михайловна Асанова.

Отведено отдельное помещение под библиотеку, долгие годы библиотекарем работала А. О. Шуманова.

Многие жители помнят, как целыми семьями пришли 6 марта 1967 года в клуб. Впервые сельчане увидели широкоэкранный фильм, а до этого демонстрировались узкоэкранные. Киномехаником долгие годы работал Валентин Никифорович Полищук.

В том же году ещё одно памятное событие — открытие на улице Центральной обелиска в память о погибших в годы Великой Отечественной односельчанах, в 2001 году обелиск был перенесён на территорию школы.

В июне 1960 года колхоз приобрёл грузовую машину ГАЗ-69.

В 1961–1964 годах председательствовал Александр Сергеевич Грибовский. Электрифицировано село, начато строительство первых кирпичных домов. Заложили фундамент под гараж, построили мастерские, коровник. Важным событием стало открытие восьмилетней школы.

Сохранился протокол заседания правления колхоза «Вперёд к коммунизму» за 1973 год (стиль и орфография сохранены). Читаем:

«По первому вопросу слушали товарища К.

Почему такой падёж овец за февраль месяц?

Если ещё эти люди будут работать на овцах, то за год мы всё стадо погубим...

Второй вопрос. Разбор поведения.

Слушали товарища П.: Я зимой работал в родильном отделении, а сейчас меня оттуда сняли и заставили работать на нетелях, а я не могу ездить верхом.

По третьему вопросу слушали заявление от товарища П.

Просит поставить его на работу в родильное отделение.

Слушая бригадира бригады № 1, он даёт ответ на заявление товарища П.

Он говорит, что ставил товарища П. сторожем на сушилку или на ферму, а он не хочет. Он хочет работать на ферме и там кормить свою скотину.

Четвёртый вопрос. Слушали докладную от бригадира бригады № 1 в том, что тракторист К. уехал самовольно за дровами, я его прогнал из леса, он прогонял трактор всю смену.

5 вопрос. Докладная на тракториста Е. в том, что он в пьяном виде сломал ворота в гараже, оборвал проводку и сломал счёты, ездил на тракторе».

Колхоз, как видим из протокола, продолжал жить, да ещё как бурно!..

Отстроили в 1972 году новое здание сельского Дома культуры, где выступал хор колхоза «Вперёд к коммунизму», насчитывавший до пятидесяти человек.

В восемьдесят первом году построен первый благоустроенный дом. Сдан в эксплуатацию мост через реку Ачу. По улице Молодёжной проложили асфальтированную дорогу (1985 год).

В девяностом году открыт торговый центр.

А потом перестройка...

От старого названия колхоза «Вперёд к коммунизму» отбросили последнее слово и былую славу, и осталось АО «Вперёд». Но это уже другая история...

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ НА СЕЛЕ

Из дневника Корнея Ильича Ёлгина: «Школы в деревне долгое время не было, грамоты никакой, все были не грамотные. Из Самары приехал мастерской Сергей Иванович Ёлгин, который знал грамоту. Вот он и писал письма, заявления по просьбе граждан. Он же начинал обучать грамоте детей богатых людей. В одно время приехал в Корнилово учитель Никита Семёнович (фамилии никто не помнит). Общество решило нанять учителя за оплату с каждого ученика. Его нанимали богачи для обучения своих детей грамоте: писать, считать, Закону Божьему. Начало обучения проходило в частном доме Тимофея Архиповича Асанова. Зимой проучил этот учитель, а на следующую зиму приехал другой учитель. А ещё через год в деревню приехала девушка-учительница. В 1912 году построили Свято-Троицкую церковь, при ней в этом же году открыли церковно-приходскую школу. Пока строили дом священника, закрыли церковь.

В доме священника, который находился недалеко от кладбища, напротив церкви, в тридцатом году открыли начальную школу. Классные комнаты были большими, светлыми.

В школе была своя лошадь, для неё специально заготавливали сено. На лошади техперсонал привозил брёвна из леса, пилили и кололи дрова учителя с учениками, организовав коллективную работу.

В классе стояла круглая металлическая печь. Техничка разжигала печь каждый день, в три часа утра. В холодные зимние дни тепла не хватало, потому что комнаты были очень большими. Правда, холода дети не ощущали, наверное, потому, что были маленькими, шустрыми. На переме-

нах они не сидели на месте, а танцевали под проигрыватель или гармонь. Среди учащихся многие умели на ней играть. Учителями были: Сусанин Григорий Семёнович, Алёшин (имя-отчество никто не помнит), Вера Ивановна (фамилии никто не помнит), Зеркальцев Иван Васильевич, Хайченко Иван Васильевич и Антонина Александровна, Козанцевы Гавриил Архипович и Елизавета Васильевна».

1941–1945 годы. Школа не прекращает свою работу и в тяжёлое военное лихолетье. Не хватало учителей, школьных принадлежностей, но школа продолжает свою работу.

Учителем и заведующим в начальной школе с 1941 по 1945 год был Николай Тихонович Татарников. Он был инвалидом: в 12 лет сломал ногу, а до больницы далеко, лечили деревенские знахари. Кость плохо срослась, и он ходил с костылем. После семилетки окончил Томский педагогический техникум, учителем проработал 30 лет. Это был очень тактичный, терпеливый учитель, дети его любили, с теми, кто плохо учился, он занимался дополнительно. Проводил много бесед с родителями. 18 июля 1941 года райисполком принял решение использовать в колхозах в качестве живого тягла крупный рогатый скот — низкоудойных коров и бычков. Нужно было обучить 45 голов ходить в упряжке. В своих воспоминаниях учитель Татарников рассказывал, что главной задачей мальчишек 12–13 лет было обучить ходить в упряжи бычков, которые должны заменить забранных в армию лошадей. Девочки же вязали из шерсти носки, варежки, шарфы, шили кисеты для махорки, собирали на фронт посылки.

Всё было подчинено войне — учёба и труд. Школьникам доверялись важнейшие участки работы. И ребята относились к порученному делу очень серьёзно, ответственно. Они помогали семьям погибших фронтовиков, вели большую переписку с солдатами и особенно уделяли внимание тем, у кого погибли на фронте близкие, эвакуированным из Ленинграда.

В 1945–1947 годах после отъезда Татарникова Н. Т. заведующей начальной школой и учителем стала Вера Арсентьевна Осипенко (девичья фамилия Заикина). Татарников уехал работать учителем начальной школы в деревню Левая Сосновка. Умер Николай Тихонович в 1983 году. Из воспоминаний И. М. Шелковникова: «В 1945-м поступил в школу, вспоминаю себя первоклассником и нашу молоденькую учительницу Веру Арсентьевну. Послевоенное время, нищета: ни учебников, ни чернил, ни тетрадей. Ничего не было. Только букварь один и учитель. Книга для чтения тоже одна. И вот учительница переписет из такой книги отрывок на доску и заставляет нас читать. Тетради она доставала с чердака школы. Школа-то находилась в поповском доме. Мне досталась тетрадь по Закону Божьему за 1913 год. Свои задания я писал между исписанных строк. И все так писали. Я сначала прочитывал всю тетрадь, а затем начинал писать. Для меня было странным, что слова заканчивались твёрдым знаком».

Судя по найденным документам, в 1946/47 учебном году в школе обучалось 76 человек. Ремонт был проведён в полном объёме, дрова были заготовлены в достаточном количестве и для школы, и для учителей. В октябре коллектив школы работает в поле: собирает урожай с 220 га земли. Оказывается помощь 45 учащимся, живущим в тяжёлых условиях: 12 детей получают брюки и юбки, 4 пары сапог, 22 рубля — деньги в качестве помощи.

Перед началом учебного года коллектив ремонтирует школу, школьные постройки. Вместе с родителями учителя в лесу валят деревья, привозят на быках. После транспортировки брёвен на школьную территорию техперсонал вместе с родителями их пилит, колет. В этом помогают и ученики классов постарше на уроках труда. С началом осенней уборки урожая школа оказывает помощь колхозу.

В процессе учёбы работают кружки по разным направлениям, зимой проводятся лыжные соревнования, забеги. Очень весело проходят новогодние праздники — с пред-

ставлениями, маскарадами, все дети бесплатно получают подарки от Деда Мороза.

С 1953 года учителем начальных классов в Корниловской начальной школе становится Прасковья Александровна Бондарчук. Молоденькая учительница ведёт занятия одновременно в двух классах. Её опыт был обобщен в брошюре «Пособие по работе в сдвоенных классах».

Прасковье Александровне, как учителю деревенской малокомплектной школы, всё приходилось делать самой. Огородили с родителями пришкольный участок, выращивали овощи для обедов учеников, ко Дню урожая делали выставки из овощей, выращенных на участке.

Учительница ведёт активную пионерскую работу, готовит с учениками номера художественной самодеятельности, и с концертами выступают на ферме, в гараже, в сельском клубе.

В 1957 году школа получает статус семилетней.

Ещё одно здание отводят под школу, но помещение маленькое, поэтому занимаются в две смены.

22 сентября 1962 года открыли восьмилетку в здании колхозной конторы, а до этого там жили сосланные калмыки Бадмаевы; позже разместили детские ясли, с 1996 года — сельский совет; здание сгорело (жила семья Бреус).

Не было учителей. Исполком Корниловского сельского совета ходатайствовал перед организацией, чтобы директором школы стал Макаревич Иван Фомич, он же преподавал ИЗО, черчение, физику. Завучем стала Осипенко Вера Арсентьевна, она же преподавала русский язык и литературу. Историю, географию вела Макаревич Наталья Ивановна, математику вела Любецкая Тамара Фёдоровна.

С 1964 по 1969 годы директором была Курашенко Любовь Тихоновна.

По окончании восьмилетней школы желающие продолжить учебу уезжали в школу № 2 в г. Болотное, она находилась на территории нынешнего педколледжа. Учащиеся из сёл жили в интернате, недалеко от нынешней школы № 2.

Пятые-восьмые классы занимаются в помещении старой конторы, начальная школа по-прежнему находится в доме священника. Двое учителей — Нина Григорьевна Шипалова и Раиса Васильевна Мальцева, работают в две смены.

8 августа 1962 года на сессии сельского совета поставили вопрос об открытии восьмилетней школы. Учитывая запросы населения, было решено в 1962 году открыть восьмилетнюю школу. Для этого необходимо решение области и список учащихся, которые будут обучаться в восьмилетке.

Вера Арсентьевна Осипенко съездила в ближайшие деревни, составила список учащихся. Начертили план начальной школы и здание конторы, в котором решено открыть восьмилетнюю школу. С этими документами поехали в районо, где дали согласие. Разрешение было получено, начался ремонт старого помещения.

12 апреля 1962 года собрали сельский сход в клубе.

На повестке дня один вопрос — строительство шлакоблочной школы, с которым выступила председатель сельского совета Галина Кононовна Ядченко. Не было ни денег, ни строителей, поэтому решено строительство школы начать собственными силами.

Уже 17 июля 1962 года был организован воскресник по заготовке и вывозке камня для закладки фундамента.

В октябре начали копать траншеи для фундамента. Каждому двору был дан план — выкопать по 2,5 метра. Траншея была выкопана в течение 10 дней. Песок возили в нерабочее время. Чтобы купить цемент, собрали с каждого двора по 10 кг пшеницы и увезли на базар, на вырученные деньги купили цемент.

22 октября провели воскресник по закладке фундамента. Погода была плохая, но люди не ушли, пока не закончили закладку.

Весной 1963 года ученики откапывали снег и спускали воду, чтобы не размыло фундамент. Заключили договор с «Межколхозстроем» на строительство школы. По смете

школа оценена в 101 тысячу рублей. В 1965 году дали деньги из районного и областного бюджета — 37 тысяч рублей.

Денег не было, но работу не останавливали, строители выложили стены до окон.

Большую помощь в строительстве школы оказывал колхоз «Вперёд к коммунизму». В 1966 году под руководством директора Любови Тихоновны Курашенко организовали воскресник по заливке потолка глиной на площади 400 квадратных метров. Глину носили ведрами.

2 сентября 1967 года школа открывает двери. На открытии присутствовало 155 человек.

В 1968 году разобран поповский дом, перевезли сруб и поставили на новое место, где сейчас находится учительский дом по улице Школьной. Ещё около года проходили занятия в этом доме: дыры, сильная слышимость, кругом лес.

1 сентября, 1969/70 учебный год. «Сколько радости приносит ученикам и учителям начало учебного года. Особенным должен быть этот день в год, когда вся страна будет отмечать 100-летие со дня рождения В. И. Ленина. Задолго до этого дня волнуются родители: как будет ребёнок учиться, всё ли куплено для школы. Не удивительно, что даже те дети, которые не всегда охотно учатся, идут 1 сентября в школу как на большой праздник. Поэтому торжественное и радостное проведение Дня первого звонка создаёт у учащихся состояние приподнятости и желание хорошо учиться».

И учителя нашей школы решили встретить детей в торжественной обстановке. И вот наступает утро 1 сентября. Со всех сторон к школе идут ученики. Праздничное настроение ребят прекрасно сочетается с нарядной школьной формой, букетами цветов и взволнованными лицами родителей, которые в первый раз привели детей в школу...

...На всю жизнь останется в памяти торжественный сбор дружины, посвящённый 100-летию со дня рождения В. И. Ленина и приёму в пионеры ребят 3-го класса. Председатель дружины Саша Чураков даёт команду: «Дружина, равняйся, смирно!» Затаив дыханье, стоят ребята. Здесь же,

у портрета В. И. Ленина стоит почётный караул. Председатели отрядов сдают рапорта, звучит призыв юных пионеров и дружинная песня «Взвейтесь кострами, синие ночи». Асанова Галя, ученица 3-го класса, доложила о проведённой работе. После торжественного обещания юным пионерам повязали алые галстуки. Ребятам 3-го класса были вручены подарки. После сбора в школе было устроено чаепитие.

Учителя регулярно знакомились с жилищными условиями учащихся, проводили рейды к ним на дом. Большое внимание уделялось отношениям между родителями и школой. Художественной самодеятельности в то время уделялось большое внимание. Участвуют и в выборных кампаниях, учителя проводят политинформацию, ставят концерты. Особое внимание уделяется успеваемости и дисциплине, чистоте, внешнему виду учителей и учащихся: он должен быть чистым и аккуратным, ухоженным. В очередь ставится дежурство. Дежурный преподаватель должен был приходиться за 30, остальные — за 15 минут до начала урока. Перед началом урока проводилась политинформация, на больших переменах комсорг и пионервожатый вместе с дежурным учителем должны были проводить какие-нибудь мероприятия, игры.

Навсегда остались в памяти встречи учителей и учащихся нашей школы с курсантами Тюменского высшего военно-инженерного училища 27 мая 1970 года.

11 июня 1970 года учащиеся нашей школы приняли участие в районной игре «Зарница».

1974–1977 годы — директор Рубцова Галина Викторовна, завуч Вера Арсентьевна Осипенко.

С 1978 года дети приезжают учиться из других деревень — Сосновки, Кармановки — и неделю живут в интернате. Учителя продолжают интересоваться жилищными условиями учеников. Со стороны роно оказывается поддержка малоимущим ученикам. Особое внимание уделяется дисциплине. Работают пионерская и комсомольская организации, готовятся разные вечера.

Учительский коллектив ездит по деревням и показывает спектакли, устраивает концерты. Ведёт агитацию во время весенне-осенних работ на полях. Активно участвуют учителя и в правительственных кампаниях, ведут разъяснительную работу среди населения.

Ольга Мельникова, бывшая выпускница, вспоминает: «Школа осталась у меня в памяти сказочным миром, а учителя уподобляются в нём мифическим божествам. При воспоминаниях о школе сердце пронизывает чувство тоски по прошлому, кажется, что не было более весёлых, счастливых и беззаботных мгновений жизни, чем те, которые прошли в школе.

В 1970 году я пошла в первый класс, учителем и классным руководителем была Галина Николаевна Полищук. Нас в классе всего четверо: Лена Констанц, Анжела Полищук, Валера Пляшкин и я. Обучались в сдвоенном классе (с третьим). Книги выдавала школа, а стержневых ручек ещё не было, и писали пером, макая его в чернила. Не дай бог поставишь кляксу — переписывай всю тетрадь.

В первом классе посвящали в октябрюта, прицепляли значки — звёздочки с изображением маленького Володи Ульянова (Ленина). Брались за руки, давали обещания: хорошо учиться, дружить, не обижать и помогать другим.

Все учащиеся обязаны ходить в школьной форме. Девочки в обычные дни надевали чёрные передники, а по праздникам — белые. Ещё к платью добавлялись белые воротнички и белые манжеты.

Мальчики ходили в чёрных брюках и рубашках, которые в праздник были белыми. В то время такой вид требовался и со стороны учителей.

Весело проходила подготовка к праздникам: разучивали новые танцы, песни. В это время в школе не было столовой, но был буфет, где мы могли купить булочку, пирожок с чаем. Позже мы стали ходить в колхозную столовую. Осенью и весной устраивали игры на поляне, ходили на экскурсии в лес. Мы часто оставались в школе после занятий

в группе продлённого дня (ГПД), делали уроки, играли. Вера Арсентьевна Осипенко была воспитателем ГПД, читала нам интересные художественные книги. В 1973 году писали не пером, а стержневыми ручками.

Самым весёлым праздником для нас тогда был Новый год. Мы тщательно к нему готовились: мастерили гирлянды и фонарики для ёлки, шили костюмы. В то время не было готовых костюмов, как сейчас, да и возможности их купить тоже не было, из-за большого дефицита. Вот и мастерили костюмы из подручных материалов.

А одним из самых счастливых моментов было получение подарков (самых настоящих, причём всем и бесплатно) и призов за успеваемость в учёбе. Праздник для начальных классов проводился утром, а для старших — вечером. На праздник приходили многие родители и остальные жители села, с ними тоже проводились игры, конкурсы, как и с детьми.

В третьем классе принимали в ряды пионерской организации. Все по очереди давали торжественное обещание: «...жить и учиться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия Советского Союза...» Повязав красные галстуки, мы пели песню «Взвейтесь кострами». Проходили пионерские сборы под горн и барабан. В каждом классе выбирали ответственных за успеваемость и дисциплину, чистоту в классе и одноклассников, цветовода и председателя общешкольной дружины. Ежегодно в феврале проходила «Зарница». В лесу делали снежную крепость, прятали знамя. Разбивались на 2 отряда — «красные» и «зелёные», нашивали соответственно повязки на рукав.

Традиционным и торжественным был праздник 19 мая — День пионерии. В этот день разжигали костёр, давали перед пионерским костром слово хорошо учиться и быть воспитанными. Затем проводили различные игры, награждали призами.

Наш пионерский отряд носил имя Павлика Морозова. Организовывали тимуровскую работу: убирали в до-

мах у пожилых людей, носили воду, кололи дрова, чистили дорожки от снега. В команду тимуровцев ходили с охотой и интересом, благодарность же пожилых была высшей наградой.

На клубные мероприятия нас не пускали; ходили на детские фильмы и, если честно, мы были увлечены чтением книг, мечтали об археологии, готовили лодку для путешествий. У нас был островок, где мы обустроили всё, как у Робинзона Крузо.

Активно участвовали в школьных мероприятиях: учились танцам, песням, играли пьесы. Особенно запомнилась пьеса «Золушка», костюмы готовили с классным руководителем Натальей Григорьевной Кармановой.

В школу приходили задолго до начала занятий, играли на спортплощадке, где было много спортивных сооружений. Может быть, поэтому занятия физкультурой проходили содержательно. Преподавал нам её Степан Степанович Виблый. Бегали, прыгали в длину и высоту, учились преодолевать препятствия.

Зимой катались на лыжах (тогда в школе было ещё много лыж). Бегали на коньках, заливали каток собственными силами. Приходили вечерами и молодёжь села, и родители, и помогали в заливке катка. Имелась спортивная форма для игры в хоккей. Здорово, когда папы, взрослые дяди, гоняли шайбу, а мы — зрители, наблюдали за этой игрой. Спортзала не было, практически все занятия проходили на улице, исключение составляли дни непогоды. Ездили на районные состязания по бегу и лыжным гонкам.

В осенние месяцы помогали колхозу убирать картофель, турнепс. Во время летних каникул работали на пришкольном участке, отрабатывали практику. Школьный огород и сад были в то время очень богатыми: много росло смородины, малины, крыжовника, яблонь, черноплодной рябины. Обильный урожай давали красные ранетки, которые продавали и населению. Был подвал, чтобы хранить собранный летом урожай. С особенной душевной теплотой

я вспоминаю своих одноклассников, тех, кого уже с нами нет — Ралифа Хайрутдинова, Александра Евменова.

Тем, кто переживал, принимал нас как своих детей, каждый день встречал нас любящим и заботливым взглядом, давал советы и просто помогал в трудные моменты — техперсоналу — я хочу выразить большую благодарность: Эмме Александровне Прусовой, Эрне Андреевне Шелковниковой, Лидии Николаевне Шелковниковой».

В 1993 году была построена современная двухэтажная школа.

В настоящее время в школе обучается 59 учащихся. В образовательном учреждении сложились свои традиции и обычаи. Много изменилось почти за век существования школы на селе. За 50 лет средняя школа выпустила 555 учеников. Школа постепенно оснащается новейшей техникой: компьютерное и мультимедийное оборудование, система безопасности.

Многие ключевые позиции в различных отраслях занимают именно корниловцы. Где только не ведут деятельность во благо Родины! Нефтяники, медики, педагоги, юристы, финансисты... Каждый из них старается быть достойным своего дела. Шесть парней, выпускников нашей школы, погибли при несении военной службы: Чураков Александр, Литвинов Александр, Карманов Михаил, Рубанов Фёдор, Чвора Николай и Дасько Иван.

В 2006 году нашей школе присвоено имя Дасько Ивана, погибшего на подводной лодке К-129.

Всё в нашей жизни закономерно: первые слова, первые шаги и первый день за школьной партой. Все когда-то были учениками, и каждый должен помнить первого учителя, не забывать школу. Хочется низко поклониться учителям-ветеранам и тем, кто сердце отдавал и отдаёт детям на протяжении многих лет.

ЕСТЬ ТОЛЬКО ФРОНТ

Для нашего поколения война — такая же вечная тема, как тема любви, жизни и смерти. Как сказано в Библии, есть время разбрасывать камни и есть время собирать их. Сейчас пришло время собирать, время возвращать народу его память.

С каждым годом всё дальше и дальше от нас уходят события Великой Отечественной войны, всё меньше остаётся свидетелей тех страшных времён. Уходя из жизни, они уносят память человеческую. Уносят бесследно и безвозвратно. Значит, нужно успевать поведать о том, что они знают и помнят, сделать зарубки на память для нас и для будущего поколения.

Ветераны, труженики тыла, дети войны говорят о том, что пережито ими лично, что до сих пор стоит перед их глазами и снится по ночам, что прошло через их сердца и стало частью их самих.

С территории Корниловского сельского совета на фронт мобилизовано 232 человека. На сегодняшний день из 84 вернувшихся с войны ветеранов нет в живых ни одного.

Но Победа ковалась не только на фронте. Посильный вклад в разгром фашистской Германии внесли и труженики нашего села.

Весть о войне прибежала в Корнилово по двум телефонным проводам и была озвучена строгим голосом секретаря райкома.

«Трудно передать словами то чувство, которое испытал каждый из нас, узнав о начале войны», — вспоминали жители села. Собрали митинг у здания сельского совета, женщины плакали, мужчины нервно курили. Председатель колхоза «Вперёд» Никита Пафанович Жарков не стал долго говорить,

он сказал то, что считал в ту минуту самым нужным: «Дорогие товарищи, я выражу мнение всех жителей села: заверяю наших солдат в том, что ваш тыл будет надёжным. Вам трудно будет в окопах, но не легче будет и здесь, далеко от фронта. Вы, молодые и сильные, уйдёте, а тот труд, что делали ваши руки, ляжет на плечи стариков, женщин и детей. И будет этот труд по объёму в сотни раз больше, но мы справимся, верьте нам!»

Такие митинги в военное время стали частыми и в какой-то мере необходимыми: нужно было поддержать в людях веру в победу над врагом. Уже вечером почтальон объездил дворы и вручил повестки на фронт. В Корнилово почтового отделения не было, Корней Ильич Ёлгин каждый день привозил на велосипеде почту из Большеречки.

Бывало, ночью подъезжает к сельсовету нарочный из военкомата: пакет вручить надо срочно, потому что к де-

вяти утра следующего дня новобранец должен прибыть в военкомат обутым и одетым, а до райцентра — двадцать два километра.

Провожали всем селом до сушилки (элеватора) пешком, а до станции Болотной добирались на лошадях или на тракторе. Играла гармонь, молодые, конечно, хорохорились, матери голосили, любимые девушки плакали и пели, пели и плакали.

За несколько дней на столе Болотнинского военкомата накопились стопы листов бумаги,

в спешке вырванных из ученических тетрадей, конторских книг, блокнотов, — что оказалось в тот момент под рукой. На каждом листе несколько строк — просьба зачислить в действующую Красную армию.

Первыми на фронт уходили коммунисты и мужчины до сорока лет, уже отслужившие свой срок в армии: Василий Яковлевич Лебедев, Михаил Николаевич Мельников, Иосип Тихонович Прусов, Павел Фёдорович Ёлгин, Дмитрий Денисович Асанов, Павел Иванович Саковский, Мака́р Фёдорович Шелковников.

Иннокентий Макарович Шелковников запомнил проводы отца на фронт: «Помню много пароконных подвод. Народу тьма. На одной повозке сидели мы. Отец с матерью шли рядом. Уже далеко от деревни остановились. Отец взял нас на руки, а мне сказал: «Теперь ты остался самый старший мужчина в нашей семье». А тому старшему мужчине всего было три с половиной года.

Нас дедушка Тарас понёс в деревню, а мать с другими женщинами поехала в Болотнинский военкомат. Когда они вернулись из Болотного, говорили, что по радио выступал Сталин. Уже позже, когда я стал школьником, понял, что проводы были 3 июля 1941 года, а речь Сталина была: «Товарищи! Граждане! Братья и сёстры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!..»

Уходили семьями: отец и два сына Шакины, братья Анатолий и Пётр Домрачевы.

Ушли добровольцами девушки: Ольга Обухова, Тамара Шаденко, Таисья Ёлгина.

Провожали каждого с наказом: «Бей фашистов, приходи с победой, а мы твою семью не оставим без внимания».

В военные годы лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» стал первоочередным для всех жителей страны. Село Корнилово, как и вся страна, стало вторым фронтом.

Хозяйство «Вперёд» в сорок первом году было достаточно крепкое. Колхоз содержал огромную конюшню, большое поголовье коров, свиноводник, две пасеки, птицеферму, ов-

чарню — разводили овец и коз. Колхозники поставляли государству зерно, масло, творог, мясо, яйцо. Имелись колхозные пимокатная, сапожная и шорная мастерские, столярная мастерская, где изготавливали телеги, сани и колёса.

О событиях, происходивших на фронте, узнавали по радио — оно, единственное на селе, было у Ивана Трифоновича Марценюка, а также — по рассказам людей из райцентра, из газет и писем фронтовиков.

В конце сорок первого года стояли сильные морозы. После ожесточенных боёв за Москву, в связи с тем, что много обмороженных среди наших солдат, правительство издаёт указ: одеть армию в тёплое обмундирование.

В Корнилово для выполнения этого приказа организовали производство армейской одежды. С этой целью оборудовали цех по выделке кожи, овчин для полушубков и изготовлению валенок.

Катать валенки получалось, а с выделкой кожи просто — беда, потому что нужны были сильные мужские руки.

Руководил производством Ефим Иванович Козлов. Однажды он привёз в кошёвке из районного центра человека в форме рядового Красной армии. Боец оказался статным, красивым мужчиной с чёрными усами, как у Чапаева. Он сразу заинтересовал женскую половину. Ефим Иванович представил военного:

— Вот вам мастер-скорняк Тимофей. После тяжёлой контузии лечился в Болотном. Дом Тимофея находится на оккупированной территории, а ему необходимо долечиться: он потерял слух и почти не разговаривает.

Уже на следующий день Тимофей начал работу: выдѣлывал кожу, мял овчину. Но его пары рук оказалось недостаточно.

Дали в помощники старика Ивана Лацука. Ох и вредный дядька, не очень-то его привечали сельчане. Фамилия Лацук стала нарицательной на селе, означала жадность, скупость, вредность.

Жил как-то обособленно, терпеть не мог, чтобы на его завалинке кто-то сидел: «Будя даже жана, а что сидеть без дела?» А молодёжь по вечерам-ночам — и думать не моги! «Назло врагам» делал заплот высоким, а земли насыпал, как и положено, на два венца: сесть не дотянешься и сидеть, собственно, не на чем. Парни мстили ему за это: привяжут над окном палочку-стучалочку и постукивают, а перед этим замажут окошки грязью, а сами поодаль сидят и наблюдают за реакцией деда.

А дети, видя его, прижимались к подолу мамкиной юбки или старались не попадаться ему на глаза: его вид приводил их в ужас. Такой маленький, худой, сгорбленный, лицо сморщенное, похожее на гриб-сморчок. Его улыбка, с полусгнившими жёлтыми зубами, напоминала оскал черепа. Цепкие, колючие чёрные глазки буравили до костей.

А когда дед сшил себе штаны из плохо выделанной овечьей шкуры, как он сказал, «экономно будя», то его все старались обходить за версту. Штаны носил не снимая ни зимой, ни летом. Со временем они промаслились, от грязи стояли колом. Старик снимал их только вечером, ставил в угол, при тусклом свете жировика они блестели как-то зловеще, издавая сильный зловонный запах... А Лацуку хоть бы что! Он смотрел похотливым взглядом на женщин и делал недвусмысленные намёки.

— Да что с деда взять-то? У него силы и прыть уже не те, ведь восьмой десяток лет разменял, — оправдывал мастер-скорняк Ивана Лацука перед сельчанами.

Решил Тимофей механизировать процесс по выделке кожи. Соорудил во дворе нечто похожее на барабан с рубчатými вальцами. В приспособление закладывалось сразу несколько кож, две женщины длинным рычагом вращали его.

Тимофея жалели сельчане, подкармливали, посылали своих детей отнести ему молока, яиц, сметаны. Он в долгу не оставался. Всё примет с благодарностью, усадит ребятшек за самодельный столик среди мешков с шерстью.

На стол поставит тушёнку с кусковым сахаром. Откроет банку «второго фронта», так называли тушёнку из Америки, полученную по ленд-лизу. Наколет ножом сахар на мелкие кусочки, положит его в кипяток и угощает детей. Ребятня всё съест. Где им понять, что эти продукты у него последние из его ничтожных запасов, которые он пополнял, получая удовольствие по карточкам.

Скорняк Тимофей отработал в Корнилово больше года. Постепенно к нему возвратились слух, речь. Вызвали в военкомат на перекомиссию, признали годным и отправили на фронт.

С передовой всё чаще стали приходиться письма разного содержания.

Почтальон Корней Ильич позже вспоминал, что научился безошибочно определять, в каком конверте какая бумага заключена, поэтому, разбирая письма, раскладывал их в три стопки.

Первая стопка — красноармейские самодельные треугольники — радовала его: жив служивый, и об этом сейчас узнают его родные, и будет под крышей этого дома праздник. Такие письма читали и радовались всем селом.

Без улыбки и умиления нельзя читать послание на фотографии, которую прислал Егор Васильевич Шаденко: «Вот вам на память карточка. Хотя плохо и некрасиво получился, но послал вам на память. Я снялся с товарищем болотнинским, фамилия Чернышёв. Как мы снимались, тогда был дождь. Пошли, была погода, пока дошли к фотографу, так и дождь полил. Не захотели домой идти, взяли фоткнулись и вот и плохо. Другой раз снимусь!»

Из второй — охотно разносил письма, правда, менее желанные, но зато — без горькой начинки или, во всяком случае, не самой горькой. Как бы то ни было, но и эту корреспонденцию Корней Ильич вручал в тот же день без промедления — это были письма с обратными адресами из тыловых городов, госпиталей.

А вот над третьей стопкой всегда призадумывался: сразу ли доставить, или подождать? Эти письма — похоронки.

Уже в августе сорок первого пришли первые похоронки на Петра Романовича Домрачева и на братьев Шакиных.

— Самое страшное — это когда приходили голубые листочки бумаги. Каково сообщить женщине, у которой семь или десять детей, что у них больше нет кормильца?.. А они приходили всё чаще и чаще. На меня во дворах и собаки начали нападать. А бабы глядят ещё лютее, чем на Гитлера, будто я виноват, — позже рассказывал Корней Ильич. — Каждый день объезжая село, видел и нужду, и горе, и слёзы. Но что я мог? Иногда остановлюсь, скажу несколько тёплых слов, которые всё равно не утешат несчастную женщину, но и пройти мимо молча не мог.

Избу Шелковниковых почтальён несколько дней обходил стороной.

— Как посмотреть в сухие, горящие каким-то безумным огнём глаза Антонины Тарасовны и в глаза её трёх пацанов, младшему всего два годика? И сказать, что нет у них батьки? У меня не было сил...

То письмо из военного сорок четвёртого года я выучил наизусть, три дня перечитывал его, прежде чем отдать вдове: «Уважаемая Антонина Тарасовна, мне очень тяжело писать Вам это письмо, но я должен известить Вас, что вчера Ваш муж, Макар Фёдорович Шелковников, безвременно погиб смертью храбрых на поле боя. Крупный осколок попал ему в поясницу, и он скончался за несколько минут. Похоронили его с воинскими почестями в деревне Емелите Старее на территории Польши. Мы все, его боевые друзья, глубоко соболезнуем об этой тяжёлой утрате. Если мы сможем Вам чем-нибудь помочь, то пишите по адресу: полевая почта 34465-8. С уважением к Вам начальник политотдела артдивизиона гвардии майор Зусманович. 27 августа 1944 года».

В первые месяцы войны стремительное фашистское наступление ввело в панику часть населения страны, поэтому требовалась большая, кропотливая разъяснительная работа среди сельчан.

Необходимо было доказать колхозникам правоту сказанных по радио 22 июня 1941 года слов народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Кроме того, разъяснить сельчанам о предстоящих в военный период трудностях — в работе, в быту.

Политической массово-разъяснительной работой в Корнилово руководила учительница Вера Арсентьевна Осипенко (Заикина). Она смогла привлечь к агитационной работе директора школы Николая Тихоновича Татарникова, учителя Право-Сосновской школы Екатерину Никифоровну Чевозёрову, Галину Кононовну Ядченко — председателя колхоза «Дружба».

Агитаторы понимали и чувствовали моральную ответственность за проведение всех политических и хозяйственных мероприятий, проводимых в колхозах. Они часто ходили в бригады во время посевных и уборочных кампаний, выпускали стенгазеты и листовки, писали и приклеивали лозунги, мобилизующие на успешное выполнение сева, читали статьи из газет и сообщения от Советского информбюро.

Кроме всего этого, агитаторы бывали на месте работы в поле, проверяли пахоту, боронование, высев пшеницы на гектар и вообще следили за качеством сева или жатвы.

Весна сорок второго, по всем приметам старожиллов, обещала быть ранней.

Все с надеждой ждали благоприятных вестей с передовой. Сельчане часто собирались у сельского совета и обсуждали последние новости с фронта. В один из апрельских дней Николай Сергеевич Солдатов, грамотный мужик, с каким-то загадочным видом достал из-за голенища сапога аккуратно сложенную газету. Развернул её, положив на ко-

лено, провёл несколько раз ладошкой и обратился к собравшимся:

— Слышали, в сердчищу мать, что Гитлера погнали от Москвы? Вот вчера пришла «Путильчѣвка» [газета «Путь Ильича»], и там написано о разгроме немцев под Москвой. Это наши, сибирские ребята ему рыло разбили, и он побежал назад от Москвы. Ишь, в сердчищу мать! А то грозился завтракать на седьмое ноября сорок первого в столице, а ужинать сбирался в Новосибирске, вот и позавтракал, и поужинал! — закончил свою речь Николай Сергеевич.

Лица колхозников просветлели, они не скрывали радости и улыбки на своих лицах, в их глазах засветилась надежда — надежда на скорую победу.

Но впереди был самый трудный год — 1943-й. На фронт ушли семнадцатилетние парни, которые в селе в полную силу заменяли мужчин. Места механизаторов, трактористов и комбайнёров заняли их жёны, сёстры и матери. Пахота и сев, уборка урожая, уход за скотом, заготовка кормов, помимо семейных обязанностей, легли на плечи хрупких женщин. «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик», — отшучивалась женская половина.

Лишь на некоторых бригадиров тракторных отрядов была наложена бронь, именно на них возложена ответственность за снабжение фронта продуктами питания. Дали бронь братьям Дмитрию и Ивану Павлюкам, Петру Ивановичу Асанову, Ивану Петровичу Червякову.

Армия забирала машины, трактора, лошадей. Новые поставки техники прекратились, а которая имелась, нуждалась в основательном ремонте и в запасных частях. Горючее практически не выделяли, приходилось работу вести вручную.

— Ремонтировали трактора при лютой стуже, по сути дела, во дворе МТС — не назовёшь же помещением длинный навес, — рассказывал Дмитрий Александрович Павлюк. — Чтобы установить в разобранном тракторе какую-нибудь деталь, то и дело снимали рукавицы, и тогда пальцы

прикипали к седому от мороза металлу. Позже женщины наловчились: присосётся палец к подшипнику ли, к клапану ли, к заводной рукоятке, они подышат на него, отогреют таким образом и вызволят из ледяного плена.

А первое время испуганно отдёргану руку и на железяке оставят клочок кожи. Обожжёт острая боль, и заставит она долго прыгать вокруг разобранной машины, по-детски трясти пострадавшей рукой в воздухе либо дуть на пальцы. Иногда всплакнёт женщина, но вновь принимается за дело, что-то ковыряет в тракторных внутренностях, а опыта-то никакого. Сделает, да не так. И всё начинается сначала. По четырнадцать-шестнадцать часов работали женщины на дворе МТС, а после с работы им надо было позаботиться и о детях.

— Да, трудное было военное время. Если сейчас весенний сев производят за 12–15 дней, то в войну мы сеяли больше месяца, и не потому, что мы не хотели и не могли работать. Главной причиной был недостаток техники, частые простои по причинам поломок и отсутствия запасных частей, — вспоминал тракторист Пётр Иванович Асанов. — Были случаи, из четырёх тракторов работал один. Некоторые из них делали простои, можно сказать, из-за пустяка, из-за самой мелочной детали.

За ней приходилось пешком ходить в МТС прямо с полосы. Это в оба конца — 40 километров. Обувь и одежды не было, а какая была — уже изношена до дыр, заплатка на заплатке. Если приходилось идти летом, да в хорошую погоду, так это ещё полбеды, но в дороге часто приходилось испытывать и дождь, и снег, и жару, и мороз.

— А питание-то какое было, полкило хлеба — это ещё хорошо, иногда было и хуже, после работы приходилось ложиться спать голодными, — продолжал рассказ Дмитрий Александрович Павлюк. — Ничего не поделаешь, время такое было. И мы все понимали, что техника, хлеб, одежда, обувь и лошади нужны в первую очередь для фронта, для победы над врагом.

Лошади в колхозе были племенные. Отбирали лучших, содержали их отдельно, объезжали и поставляли на фронт для кавалерии.

Заведующей конефермой в годы войны стала Анастасия Ивановна Дзятко. Это голубоглазая, с густыми русыми волосами девушка. До конефермы она работала сутками, без усталости: жала, вязала в снопы, составляя в суслоны. Во время веяния её руки втащило в жнейку, оторвало пальцы на обеих руках. Сложно стало ухаживать за косами, и она их отрезала. Перешла работать на конеферму. Теперь её часто можно было видеть верхом на коне, с короткой мальчишеской причёской. В её обязанности входило следить за подготовкой коней на фронт. Партийная, строгая к себе и другим, она зачастую сама объезжала коней, этому она учила и молодёжь.

Однажды потребовали от нашего колхоза коня на областные соревнования по верховой езде. Не нашлось смельчака, и тогда Анастасия поехала в седле своим ходом до Новосибирска. Когда прибыла на место, то лошадь не подпустила другого наездника, пришлось Анастасии Дзятко самой участвовать в скачках, и она выиграла заезд. Колхоз получил большую сумму денег, а ей дали приз.

За годы войны Дзятко награждена медалью «За доблестный труд», но больше всего она ценила медаль за победу на конных скачках.

В сорок втором году приехали ссыльные калмыки. Обустроились на берегу реки Топкой, построив землянки, часть расселилась по избам корниловцев. Анастасии Дзятко стало легче работать. Калмыки — народ кочевой, с лошадьми умеют обращаться.

План сева был завышен: ни техники, ни рабочих рук для его выполнения в колхозе не было. Выход был один: использовать на севе коров, как колхозных, так и индивидуальных. Вот где была нервотрёпка! Тут и слезы, и смех, в особенности при приучении коров к работе.

Нелегко далось председателю колхоза Никите Пафановичу Жаркову решение о незамедлительном обучении коров ходить в ярме. Животина, почувствовав ярмо на шее, норовила подцепить на рога непосредственного исполнителя решения.

Женщины вначале восприняли приказ в штыки: как ребятишек без молока оставить? Вся надежда на корову, но пришлось согласиться: без хлеба фронт не оставишь. А сами колхозники хлеба не видели уже давно, на один трудодень получали по 100 граммов мякины.

С наступлением сенокосной поры, чтобы не тратить время на дорогу, организовали полевой стан в Зыряновке. Над входом — лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!».

Женщины целый день в поле. Усталые, голодные, некоторых от взмаха косы бросало в сторону. Сядут обедать, развяжут узелки — а хлеб не у всех, в основном три-четыре картофелины и забелённый молоком травяной чай.

Старики и подростки тоже брали в руки косы, грабли, вилы. Дневали и ночевали на лугах, работая по 15–18 часов в сутки. Они же выходили и на прополку полей. Неделями были оторваны от дома.

Однажды из села приехала учётчица Клава Каменева. Молодёжь окружила её с вопросами:

— Что нового в деревне?

— Да ничего, всё по-старому. Правда, кино — «Весёлые ребята».

Валька Обухова с подругами Манькой Тарасовой, Женькой Кофтун, Шуркой Асановой, а за ними увязались и парни: Степан Процук, Иван Карманов, Владимир Ёлгин — решили сходить вечером посмотреть фильм, переночевать дома, а наутро вернуться в Зыряновку.

Как стемнело, пустились в дорогу. Зашли в клуб, сидят, смотрят комедию про пастуха-музыканта Костю Потехина. Смеются, забыв на время об изнурительном труде под палящим солнцем, об усталости, о постоянном голоде. На звонкий смех и повернулся в их сторону парторг Маков (списан по ранению). Прервали показ фильма, включили свет, подростков вывели на сцену. Парторг строго так спрашивает:

— Как вы здесь оказались? Кто вас отпустил?

— Никто не отпускал, мы сами пришли.

— Значит, вы сбежали, — сделал вывод парторг. — Во все времена был фронт и был тыл. Сейчас, когда идёт битва не на жизнь, а на смерть, тыла нет, есть только фронт, и вы — на передовой. Вы сбежали, значит вы — дезертиры! По законам военного времени знаете что бывает с дезертирами?

Беглецы вернулись в Зыряновку, запрягли лошадей и стали собирать снопы и скирдовать их. И так всю ночь, и так до конца войны. Днём жнут, вяжут снопы, ночью скирдуют.

Организовали красные обозы. Нагружали подводы мешками с зерном, украшали лозунгами и везли на элева-

тор. Возвращались с песнями, гармошка всегда находилась при них.

Зимой — молотьба, переработка семян. Это днями. А поздними вечерами делали пельмени, вязали рукавицы и носки, вышивали кисеты — и всё отправляли на фронт.

Картофель — «второй хлеб». Всем селом выходили на его посадку, прополку и копку. Александра Васильевна Лебедева вспоминала это время: «До самых сумерек сажали картофель. Он был мелкий, с горох. Валя Обухова бойкая, работящая девушка, но, видно, очень устала, взяла и с полведра картошки высыпала в одну лунку. Кто-то заметил и доложил председателю. Наутро приехал уполномоченный из райцентра, и Валентине грозила тюрьма. Хорошо, что все сельчане за неё заступились — куда же без неё, она всегда в работе первая. И на этот раз простили её».

Зимними вечерами картофель готовили для отправки на фронт. Сначала его варили в мундире, затем высушивали в русской печи, так он долго хранился. Каждая семья старалась как можно больше засушить картофеля.

Один раз в месяц сельчане приходили к почтальону К. И. Ёлгину и приносили посылки, обшитые белой материей, на которой химическим карандашом корявыми буквами было написано: «В действующую армию». Кроме картофеля, в них вкладывали тёплые варежки, шерстяные носки, вышитые на память носовые платки и кисеты, табак и незамысловатое домашнее печенье. Им, конечно, не накормишь солдата, но как приятно получить такую посылочку, напоминающую о доме, о родных и близких.

Да и посылать посылки было приятно. Ведь их получали только живые. И каждый, кто посылал её, с малой долей вероятности надеялся: а вдруг, которую он послал, получит родной человек.

Такие дни и для Корнея Ильича были праздниками. В этот день все были с ним приветливы, а он давал обещание довести до Болотного всё в целостности и сохранности.

На другой день, получив подводу в колхозе, Корней Ильич грузил эти посылки и вёз в район.

В 1943 году правительство призвало помочь освобождённым от фашистов районам. И на этот призыв откликнулись труженики колхоза «Вперёд». По данным районной газеты «Путь Ильича» от 13 мая 1943 года: «В помощь освобождённым районам колхозники засеяли дополнительные гектары зерновыми культурами. Всего по Корниловскому сельсовету посеяно 12 гектаров зерновых, выделено 6 голов крупного рогатого скота, одна свинья, одна овца».

Лесозаготовка. Лес был необходим фронту, его использовали для изготовления ружейных болванок, при строительстве железной дороги, делали лыжи для воинских частей.

Лесозаготовители уезжали в тайгу на неделю, а иногда задерживались дольше, пока не выполнят план. Эта работа требовала огромных физических сил. Председатель колхоза Жарков понимал это и распорядился выдать муку и мясо с колхозных складов.

Баба Матрёна готовила им обеды. Долго вспоминали в селе случай и при любой возможности подшучивали: «Не посмаковать ли?»

Как-то вернулись заготовители из леса в жарко натопленную избу бабки Матрёны. На улице мороз за минус сорок градусов, промёрзли до костей. Голодный желудок откликнулся бурчанием на запах борща, идущего тонкой струйкой от чашек и заполонившего всё пространство избы-пятистенки. Смыли грязь с рук, перекрестились на образа в красном углу и присели на лавки к столу. Сидят, ждут, как обычно, приглашения от хозяйки: «Кушайте на здоровьице!». Но вместо этого услышали: «Ай-ай, вот-то старая, а борщ-то я подзабыла посмаковать!»

Берёт чесночные зубчики, ловко забрасывает в рот, пожевала-пожевала, в руку сплюнула и быстро по чашкам с борщом разбросала. «Ну вот, теперя увсе у порядке, кушайте на здоровьице!»

Мужики с минуту от всего увиденного не могли прийти в себя. Но, как говорится, голод не тётка, набрались на еду, только слышен стук ложек о чашки. Минут за пять всё смели, и крошки хлеба — рукой в ладошку и ловко забросив в рот; встали, перекрестились на образа и, поблагодарив хозяйку, снова отправились в лес.

После этого случая каждый раз, входя в избу, лесозаготовители, смеясь, спрашивали: «Ну что, бабка Матрёна, похлёбка ядрена, не забыла посмаковать?»

Запомнился сельчанам и другой случай, произошедший в 1944 году. Колхозницы Можейко Анна Петровна и Василькова Анна Семёновна были посланы правлением колхоза на лесозаготовки, но самовольно покинули работу — дома дети одни остались.

Народный суд с выездом на место рассмотрел дела обвиняемых в дезертирстве с лесозаготовок и приговорил Можейко к трём годам лишения свободы, а Василькову к двум с половиной годам с заключением под стражу.

Времена, конечно, были суровые, есть только фронт: не выступишь план — ответишь по всей строгости закона, и никто не обратил внимания, что у каждой женщины по пятеро детей.

Долгими зимними вечерами собирались сельчане у вдовы Надежды Бескостовой, муж у неё погиб в первые дни войны. Женщины солили на зиму творог, прессовали его в кадушки и заливали маслом.

Пряли, вязали для солдат носки, рукавицы, сушили картофель, собирали посылки на фронт.

Подруги Аксинья Домрачева, Анна Котова, Мария Процук своими звучными, красивыми голосами выводили: «...Всё равно, любимая моя, расцветёт черёмуха...» Пели слаженно, на три голоса, и плыла песня, и слышалась в их голосах грусть, нежность, невысказанная любовь к мужу, сыну, любимому человеку.

Только зимой молодёжь могла себе позволить посмотреть в клубе немое кино. Екатерина Ревьюк, заведующая

избой-читальней, читала субтитры. Проходили в клубе и вечеринки. Молодёжь танцевала под гармошку, балалайку, бубен.

Из сводок Совинформбюро, из почтовых штемпелей на солдатских треугольниках было ясно, что война заканчивалась.

Сильно обеднело Корнилово за годы войны: без хозяйского догляда покосились избы, заборы и навесы пошли на дрова. Мужиков моложе сорока пяти лет и парней старше восемнадцати в селе не осталось. Уже в нескольких десятках семей оплакивали близких, погибших на фронте, уже не одна солдатка маялась бессонными ночами: «Пропал без вести — не значит убит... Есть надежда — вернётся...»

Во всём чувствовалось приближение Победы — и в настроении людей, и в обновлении природы.

В сорок пятом весна была дружная, яркая. В низких и тенистых местах под кустами черёмухи ещё лежал снег, но на гибких побегах берёз уже висели серёжки, и гора Галька желтела пятками мать-мачехи.

Сельчане ждали Победу, которая была так близка, что даже Первомай праздновали как предвестник окончания войны.

Учащиеся Корниловской начальной школы разучивали стихотворения, песни, готовили танцевальные номера.

В первый день мая погода установилась как по заказу. Солнце уже поднялось, и молодой день наливался теплом, сияя голубизной неба, звенел разноголосием птиц. Сельчане потянулись в сельский клуб на концерт художественной самодеятельности.

Все, а особенно дети, принарядились в лучшие наряды. Ученики, как и в будний день, потянулись в школу. Но сегодня у них в руках были не портфели и сумки, а миски с ложками.

Правление колхоза устраивало праздничный завтрак. Такие завтраки были три раза в году: на 7 Ноября, Новый

год и Первомай. Каждый ученик получал миску супа с ша-нежкой.

После завтрака ученики с учителями поспешили в сельский клуб. Те, кто не видел школьный концерт художественной самодеятельности, не может представить себе того ребячьего порыва и энтузиазма, волнения и страха, которые были у маленьких полуголодных артистов.

Концерт открыла танцевальная группа. Её сменяет юный декламатор — Иннокентий Шелковников. Он впервые на сцене. На него устремлены сотни ждущих глаз. А он от волнения забыл текст. И весь зал начинает подсказывать ему, потому что все знают это стихотворение. И никто не смеётся, все переживают вместе с ним. Но вот он вспомнил слова о Первомае и своим ломким от волнения голосом прочитал его, и зал принял их, и наградой ему был шквал аплодисментов за мужество, за то, что победил себя, за стихотворение о Первомае.

На сцене хор. Дети поют, поют песню, которую знает любой советский человек. Но громче всех звучит голос Миши Шинкарюка: «Утро красит нежным светом Стены древнего Кремля!..» И хотя никто из собравшихся ни разу не видел Кремля, это не уменьшало значимости песни. Они представляли себе этот Кремль, освещённый восходящим утренним солнцем. Они знали, что этот Кремль спасли от фашистов их отцы и старшие братья, и от этого песня приобретала ещё большую значимость: «Страна моя, Москва моя, Ты самая любимая!»

И когда песня закончилась, зрители какое-то время сидели притихшие, а затем раздались аплодисменты. Это были аплодисменты песне, её исполнителям, любимой столице, близкой Победе. Счастье и радость, пусть хотя бы на минуту, пришли к сельчанам.

Концерт закончился, никто не спешил расходиться по домам. Сельчане стояли возле клуба, делились впечатлениями от выступления детей, обсуждали свежие новости

с фронта. И столько радости и надежды было на лицах этих людей, что верилось — Победа близка.

Утро 9 мая 1945 года было обычным для жителей Корнилова. Они встали, чтобы идти на работу. На дворах петухи устроили привычную перекличку, мычали коровы, хоззяйки гремели подоюниками.

Необычным день стал в девять часов утра, когда председатель колхоза получил телефонограмму из райкома об окончании войны.

Весть о Победе с быстротой молнии разлетелась по селу, и потянулись люди к сельсовету. Видя людскую суету, носились собаки, топотала бегавшая стайками ребятня.

Среди детей выделялась девочка лет восьми — Рая Поломошнова, на ней надето красивое красное платье из шёлка, с большими карманами, а на карманах — белые пуговицы. Позже Раиса Васильевна вспоминала: «Накануне друзья погибшего мужа тётки Антонины Шелковниковой прислали посылку, в которой кроме этого платья был военный билет её мужа, простреленный пулей...

Когда мы подошли к сельсовету, я увидела собравшихся односельчан. Все они плакали! Меня в то время это очень удивило: победа, солнце ярко светит, и никто даже не обратил внимания на моё красивое платьице!»

У сельского совета собралась огромная толпа. Люди удивлялись, что их ещё так много в селе. Митинг открыл председатель колхоза Никита Пафанович Жарков, который поздравил всех собравшихся с радостным долгожданным событием.

Затем выступал гость — уполномоченный от райкома партии. Обращаясь к колхозникам, он сказал: «Мы должны помнить, что закончилась одна война — кровавая битва с врагом, но нас ждёт впереди другая битва — восстановление разрушенного войной хозяйства. И эту битву мы должны выиграть за четыре-пять лет. Нам будет трудно, но это трудности мирного созидательного труда. И мы преодолеем их во имя тех, кто не вернулся с войны, во имя наших детей».

Митинг закончился, но люди не хотели расходиться. Заиграла гармошка Алексея Федоровича Ёлгина (Лёшки Безногого), ударил по струнам балалаечник — его брат Павел Фёдорович. И стар и млад пустились в пляс.

От долгой игры пальцы уже не гнулись, и братья всё чаще останавливались и просили перерыва на отдых.

Многие плясали со слезами на глазах. То одна, то другая женщина, зарыдав, выходила из круга, но, немного успокоившись, возвращалась вновь.

Наконец общее веселье пошло на убыль. Всех пригласили в сельский клуб, где прошло собрание. Председатель колхоза устроил праздничный ужин с мясным борщом и гречневой кашей. Гулянье продолжалось до утра, так что многие, не переодеваясь, отправлялись на работу. Продолжался сев, и продолжалась жизнь...

День 9 мая сорок пятого. Его помнят и те, кто сражался лицом к лицу с ненавистным врагом, и те, кто работал, не зная усталости, в тылу. Его помнят дети, о нём будут помнить внуки и правнуки тех, кому выпала тяжёлая судьба времён Великой Отечественной войны. Это праздник радости и горя — радости Победы и горя утрат.

Мы должны понять, что Победа, её история и люди, делавшие эту Победу и эту историю, должны жить в народной памяти, и эта память должна передаваться по наследству.

Главное — всё записать и сохранить. Память должна простираться далеко во времени, она — вечна!

ЗА ПОБЕДУ!

В сельском Доме культуры для жителей деревень Корниловского сельского совета — Тропино, Сосновка и Кармановка — состоялся концерт художественной самодеятельности, посвящённый двадцатой годовщине Победы над фашистской Германией. Спустя два десятка лет фронтовики впервые собрались вместе при полном параде: 9 Мая официально объявили праздничным выходным днём.

Толпа с шумом вывалила из клуба после двухчасовой концертной программы. Воздух в помещении был спёртый, наполненный чесночно-луковым и спиртным запахом. Хотелось поскорее высвободиться из плена этой духоты и глотнуть свежего воздуха. На улице стояла по-летнему тёплая погода, ветерок нагонял прохладу от реки Топкой.

Весна шестьдесят пятого пришла как-то неожиданно. Зима закончилась в одну ночь. Вечером ещё вьюга мела, а утром — отяжелевший снег просел, бревенчатые стены изб потемнели от влаги. За несколько дней природа взяла своё. Земля ожила, подёрнулась свежей сочной зеленью. А воздух... его, кажется, можно было пить!

Потоптавшись на крыльце, ветераны отошли в сторону и присели на скамейку, отходя от клубной духоты.

На какое-то время установилась безмолвная тишина, впитывающая запахи тёплой долгожданной весны.

Берёзы бродили весенним соком, отяжелели набухшими почками и уже готовы разродиться клейкой зеленью листвы. Всё вокруг радовалось долгожданному теплу, давало надежду на перемены к лучшему и пробуждало жажду жить дальше.

Люди ожидали показа художественного фильма «Вызываем огонь на себя», как обещала потрёпанная ветром

афиша. С утра киномеханик Валентин Никифорович Полищук с Василием Яковлевичем Лебедевым уехали в Болотное на грузовой машине за фильмом, но до сих пор ещё не вернулись.

Пётр Михайлович Асанов достал кисет с самосадам, скрутил самокрутку и, глубоко затянувшись едким дымом, начал разговор на тему, которая волновала многие годы не только его, а и всех собравшихся фронтовиков:

— Помните, товарищи, по первости, когда возвернулись домой с войны, какое отношение к нам было? Ведь мы, фронтовики, были самые уважаемые люди на селе! Наше правительство позаботилось о нас, установило ежемесячные денежные выплаты за боевые награды. Вот я, мужики, за орден Отечественной войны, а их у меня два, по пятнадцать рубликов за каждый получал. Для нас, колхозников, это была очень большая подмога. Но недолго радовались — два года и всё, выплаты отменили. Вот тебе, Лексей Иваныч, за орден Красной Звезды скоко платили?

Алексей Иванович Чеботников, кому был адресован вопрос, — статный, с благородной осанкой мужчина лет сорока, но уже с проседью в чёрных густых волосах, грустно заметил:

— Но дело-то, Пётр Михайлович, не в деньгах даже, а в том, что был нанесён удар по нашей чести. Вы, мол, теперь не нужны, отвоевали и всё, гуляйте, бойцы.

— Так вот, скажи, почему правительство так с нами поступило? Мы жа себя не жалели за Победу! — озадачил очередным вопросом Пётр Михайлович.

Алексей Иванович сказал то, что многие передумали за эти годы, но не осмеливались сказать вслух: время было такое.

— Думаю так, да и вы со мной согласитесь, — освобождая Европу, воюя в Германии, мы воочию увидели, что побеждённые живут ой как лучше нас! Что там, при капитализме, жизнь идёт здоровее и богаче... Правительство понимало, ну и решило: насмотрелся наш солдат, вернётся

в родное село, поглядит на нищету, на детишек голодных, да и не смолчит... Как с такими бороться? Вот и стали губить тех, кто страну спас от фашизма.

К ним подошёл Фёдор Иванович Павленко, одетый не по погоде: галифе, заправленное в солдатские кирзовые сапоги, гимнастёрка, шапка-ушанка, которую он не снимал ни зимой, ни летом с самой войны. Иногда казалось, что он в ней и спит. О его военных заслугах говорили ордена и медали, едва помещавшиеся на кителе. Среди боевых наград висел и орден Матери, это все заметили, но смолчали.

Фёдор Иванович вернулся с фронта контуженный, возможно, это отразилось и на его характере и поведении: добродушный, немного чудаковатый, он ко всем относился с уважением, этим же отвечали ему люди.

Но Осип Тихонович Прусов, привыкший говорить правду при любых обстоятельствах, не выдержал и теперь в сердцах бросил:

— Хвёдор, пошто, попу мать, нацепил орден Матери? Не позорил бы честь солдата!

На что Павленко спокойно так ответил:

— Дак каки были, все и надел. Это, видно, моя баба, как та сорока, — всё тащит в хату, что видит и что плохо лежит.

— Вижу по наградам, что с немцами тебе лучше удавалось воевать, чем с бабою. Попу мать, не могишь на место её поставить? Всяк сверчок должен знать свой шасток!

— Дык ты пожил бы с моей жёнкой! У неё же и снега зимой не выпросишь! Лацучиха, она и есть Лацучиха!

Во время этого разговора подошёл Витька Морской, раздвинул на соседней скамейке ребятню, бросил при этом свою любимую фразу:

— Ну-ка, пехота-мелюзга, подвинься!

Сел, вытянул ноги в широченном клёше и сообщил, как бы между прочим, новость:

— Отдать концы! Кина не будет! Машина в пути заглохла и неизвестно когда плиедет.

Ещё некоторое время народ постоял у клуба и постепенно стал расходиться по своим делам. Пётр Михайлович пригласил фронтовиков из других деревень поговорить у него на завалинке. Изба его стояла на Центральной улице, как раз на перекрёстке дорог Болотное — Сосновка — Кармановка, Тропино, так что машину не пропустят.

— А вот тебя, Павел Иванович, государство, можно сказать, уничтожило и физически, и морально?

Павел Иванович Малинкин, к кому обратился Пётр Михайлович, был высокий, очень худой мужчина с впалыми щеками, с глубоко запавшими, выцветшими то ли от времени, то ли от боли голубыми глазами. Бледно-серый цвет лица указывал на его длительную болезнь.

Малинкин попал в плен к немцам не по своей вине, а в результате сдачи армии Власовым, в которой он служил. Побывал во многих концлагерях Европы.

— Да, меня трижды водили на расстрел, и трижды минула смерть. Помню, построят заключённых на площади, жандарм считает: «Один, два, три!» — начал Павел Иванович свой рассказ, с большим трудом давалось ему каждое слово.

Оперевшись на палочку, он остановился, дышал тяжело, с каким-то присвистом, и тихо продолжил:

— Так вот, жандарм показывал на третьего, тот выходил из шеренги, и тут же его расстреливали у всех на глазах. Наверное, меня спасла молитва. Я её читал несколько раз в день: «Духа Святого печать крестова! Рука Господня, причастный замок».

Выжил, вынес нечеловеческие пытки, холод, голод. Освободили американцы. А обо мне уже позаботилось наше правительство: на целых десять лет без права переписки отправили на Колыму. Вернулся в конце пятьдесят шестого года в родные края. Все считали меня погибшим, только моя жинка Дарья Николаевна верила, что вернусь. Видно, эта вера и давала мне силы выжить.

При воспоминании о жене взгляд Малинкина словно просветлел, а в голосе чувствовались тёплые нотки, которые сменились невысказанной тоской и горечью:

— Ни наград, никаких льгот не заслужил. Но хуже всего — ведь многие сельчане отвернулись от меня, будто я преступник. На работу не брали. Спасибо, что хоть доверили возить из Большеречки и разносить корреспонденцию. Здоровье окончательно утерял. С годами внутри отпустило, я не в обиде на государство — как говорится, родину не выбирают, её любят любую, это как родителей, — на грустной ноте закончил свой рассказ Павел Иванович. — Вот ты, Павел Иванович, мой дважды тёзка, тоже был в плену, скажи, разве возможно это забыть?

Павел Иванович Саковский, к кому обратился Калинин, с тоской и болью в голосе произнёс:

— Да, я помню каждый миг, каждый день, весь, целиком, до последней секунды, этот чёрный, самый ужасный отрезок в моей жизни длиною в три года. Никогда не забыть дикие крики заключённых, выстрелы, под которые их уводили в крематорий. А перед этим раздевали догола, из карманов гимнастёрок вытряхивали всё содержимое. А сладковатый запах жжёного человеческого мяса, так он преследует меня до сих пор...

Сельчане знали Павла Ивановича как интеллигентного человека, доброго, справедливого, отзывчивого и при этом с чувством юмора. Но сейчас на его красивом, с тонкими чертами лице пролегла глубокая морщинка между бровей, от долгих раздумий и переживаний. Тихо он продолжил:

— Меня призвали на фронт в июле сорок первого. Воёвал в составе сорок пятого артиллерийского полка на Ленинградском фронте.

Зимой сорок второго наш полк попал в окружение под Ленинградом в Мясном бору. Шесть месяцев холод, голод, не хватало продовольствия, ели траву, по три ложки сухарей выдавали в сутки. А в июне в районе станции Чудово был оглушён разрывом снаряда, очнулся уже в плену.

Далеко позади фронтовая линия. А здесь, за колючей проволокой, под открытым небом сидят и лежат раненые наши солдаты. У ворот в толпе охранников стоит комендант-эсэсовец со свастикой на рукаве.

До февраля сорок третьего года находился в городе Саблино, работал на торфоразработках. Три месяца лечился в госпитале военнопленных в Нарве.

Месяц держали в лагере «Мстава», это в Латвии. В сентябре сорок четвёртого нас переправили в Германию. Ехали через Латвию, Польшу, но наши войска разбили железную дорогу, нас — военнопленных высадили в Армитало.

Помню, комендантом лагеря был русский, он отправил меня жить в крестьянскую семью. Когда хозяин увидел меня, он ужаснулся моей худобе. При росте метр восемьдесят семь я весил тридцать девять килограммов. Всё лето прожил в этой семье, а осенью отправили в лагерь, что находился у Балтийского моря. Там я работал в доках, таскал камни с моря.

Наступил сорок пятый год. Было уже очевидно, что фашистские войска терпят поражение. Об этом говорило то, что всё реже и реже стали поступать в концлагерь военнопленные. Освободили американские войска в начале апреля, а через неделю передали советским войскам, — закончил своё повествование Павел Иванович.

Рядом с Саковским шёл плотного телосложения мужчина, Осип Тихонович Прусов. Не любил вспоминать о военной поре, а особенно о времени, проведённом в плену. А тут заговорил, видно, пришло время...

— Да... в плен к немцам попадали по-разному. Вот я, попу мать, всю войну прошёл без ранений, но вот надо же, уже в конце войны в одном из боёв меня оглушило взрывом. Очнулся в плену...

Весеннее солнце припекало, Осип Тихонович растегнул телогрейку, снял шапку, подставил рано поседевшую голову тёплому ветерку. Немного помолчав, продолжил:

— Однажды мы рыли траншеи, а мимо проезжала машина, гружённая морковью. Я подобрал упавшую морковку. За что меня привязали за ноги и подвесили на перекладину. Били долго. С таким остервенением, злостью, как только не забили до смерти, не знаю. Оставили висеть

вниз головой. Сколько провисел, не помню. Глаза налились кровью, из ран сочилась кровь, насекомые облепили меня: залезли в рот, нос, они съедали меня заживо... Потерял сознание... Очнулся в больнице. Спас меня врач из Кемерова, он же мне сообщил, что наши войска вошли в Берлин.

О возвращении домой Осипа Тихоновича знали из рассказов других. Вернулся он только в сорок шестом, почти год восстанавливал документы.

Был февраль, стояли тридцатиградузные морозы. От Болотного большую часть пути он прошёл пешком: в ботинках с обмотками, в шинели. Чувствовал, что ноги отказываются идти. Спасло его, что мимо проезжала подвода — оказалось, это был родной дядька Максим. Он укутал в свой тулуп и довёз до самого дома.

— Помню, моя жинка, попу мать, всё причитала со слезами, когда разрежали овечьими ножницами ботинки, так они примёрзли к ногам. Кожа ног отдиралась вместе с кожей ботинок. Долго лечила Марья, смазывая гусиным жиром, места обмороженные... Ничего, попу мать, всё срослось, как на собаке, только рубцы остались на спине, да ботинки... я их не стал выбрасывать, сшил дратвой и ношу, хорошо ногам, не жарко, — на позитивной ноте закончил говорить Осип Тихонович.

Какое-то время шли молча. Нарушил тишину Малинкин, с грустью заметил:

— Но Победа, товарищи, ведь не принесла нам покоя. Всех, кто был в плену, причислили к врагам народа. Да... время было трудное... НКВД не очень разбирался, кто и как попал в плен. Каждый месяц должны были отмечаться в военкомате. Но и там могли задержать на неделю, а то и на месяц без всяких объяснений...

За разговором ветераны не заметили, как дошли до избы Петра Михайловича. Его завалинка по-хозяйски забрана досками — удобна для сидения, а взгляду открывается неповторимый корниловский пейзаж.

Хозяин мог часами говорить на разные темы. Вот и сейчас он, подставив уже и так почерневшее лицо, изрезанное

глубокими морщинами, солнцу и глядя вдаль, начал свой монолог издалека:

— Весна-то ноне какая! Майское солнушко пуще летнего припекает, всё зеленеет и радует глаз. Всё живёт! Вона гора Галькина Любовь покрылась первоцветом, мать-и-мачехой. А Дурной лог во как показыват свой грозный норов, так ревьёт, аж слышно за версту, сметает все на своем пути, не дай бог кому туда попасть! Не выберется живым, будь то скотина али человек. И реки ноне высвободились ото льда, будто баба, разродившаяся долгожданным дитём. Да-а-а, вишь, как жизнь-то устроена, всё тянется к солнушку, к теплу, всё размножатца!

Асанов удобнее уселся на завалинке, расстегнул фуфайку, под которой прятались многочисленные награды. По записям в военном билете и рассказам самого Петра Михайловича можно было изучать военную историю нашей страны.

— Сам-то я призван на действительную службу есчо в Гражданскую войну, — продолжил он свой монолог, — мне только стукнуло восемнадцать годиков. Служил в конной кавалерии у самого Рокоссовского — лошадей подковывал.

Поначалу мобилизовался в колчаковскую армию, а через восемь месяцев перешёл на сторону красных. Участвовал в боевых действиях на Китайско-Восточной железной дороге на озере Хасан, на Халхин-Голе, за что дали два Егория.

Пётр Михайлович распахнул фуфайку, и все увидели на его кителе боевые награды, среди них — два Георгиевских креста.

— Отвоевал и всю войну с фрицами, без единого ранения, дошёл до самого Кенигсберга. В конце апреля сорок пятого при отражении контратаки противника в районе плацдарма за болотным урочищем Рандов-Брух, энтю что в Германии находится, ручной гранатой уничтожил четырёх вражеских солдат, за что меня и удостоили медалью «За отвагу».

Пётр Михайлович замолчал, осматривая внимательно каждого из ветеранов, продолжил:

— Да... Вот, товарищи, и пришёлся нам случай за двадцать лет после Победы встретиться воочию. Очень хочется услышать из первых уст, что каждому из вас пришлось вынести, чтобы Победа была! Вот ты скажи, солдат, — обратился он к мужчине со шрамом на щеке, — видно, енту отметину тебе оставила война?

Михаил Николаевич Мельников больше молчал, слушал и очень мало говорил. Фронтовик провёл рукой по тёмно-русому волнистому чубу, как бы собираясь с мыслями, и медленно, будто печатая каждое слово, начал свой рассказ.

— Да, ты прав, Пётр Михайлович. Как сейчас помню, случилось это в апреле сорок пятого, командир поставил боевую задачу — захватить контрольного пленного в районе города Мускау. Я подполз к ихнему дзоту и закидал его гранатами, после чего ворвался в него, где обнаружил шесть трупов солдат противника. Захватил два пулемёта с ценными документами и возвратился в часть. Позже несколькими днями в районе города Риза, совместно с отделением разведчиков, один из первых форсировал реку Эльба. Выйдя на окраину города, встретили сильное сопротивление противника. В числе первых ворвался в дом, где засели немцы, и из автомата пристрелил двух, а пятерых взял в плен, доставил их в штаб. Да я-то что, вот Алексей Иванович, он позже всех нас был призван на войну, а горя

хлебнул сполна, — перевёл внимание Михаил Николаевич на Чеботникова.

Все как по команде посмотрели в его сторону, а Пётр Михайлович уважительно обратился к нему:

— Наслыхан про твои подвиги, Лексей Иваныч. Мне известно, что ты дошёл до самого логова Гитлера и расписался на Рейхстаге, за это и получил орден Красной Звезды! Но это только маленькая толика, то, о чём я знаю. Расскажи...

Чеботников сдержанно и тихо продолжил рассказ о своём боевом пути:

— Меня на фронт призвали осенью сорок третьего, только девятнадцать лет исполнилось. Первое ранение получил в боях за Польшу. Как очутился в госпитале, не помню. Осколок попал в лёгкое, и я лишь чудом остался жив. До конца жизни буду помнить старого солдата, который в этом бою прикрыл меня грудью и, умирая, прошептал: «Ты молод ещё, сынок! Тебе жить да жить, детей растить...»

Видя, с каким трудом даются фронтовику воспоминания, беседу продолжил Корней Ильич Ёлгин. Его по состоянию здоровья, да и по возрасту — ему в сорок первом исполнилось пятьдесят пять, не призвали на фронт, он работал почтальоном.

— Да, я очень хорошо помню, Алексей Иванович, тот день, когда твоей матушке Марфе Алексеевне доставил письмо. Сначала она обрадовалась, но, взяв его в руки, увидела, что не твоей рукой оно писано, побледнела и словно обомлела. Едва слышно, дрожащим голосом попросила меня прочитать его. Письмо было из госпиталя, в нём говорилось, что ты здоров и через месяц снова вернёшься в строй.

Чеботникову с большим трудом удалось справиться с волнением, некоторое время он помолчал, затем продолжил рассказывать:

— Да, так и было. После выздоровления послали взять языка. Шли в разведку с офицерами. Задача офице-

ров — взять языка, а мы, солдаты, выполняли отвлекающий манёвр. Кругом колючая проволока, на которой навешаны консервные банки. Сделали подкоп, легли в него и начали ударять по колючей проволоке длинной палкой — принимали огонь на себя. Офицер в это время снимал с себя плащ-палатку, набрасывал на колючую проволоку, и по этим «мосткам» все перебирались на немецкую территорию. И в этот раз взяли языка. К сожалению, из семи человек, которые ходили за языком, живыми вернулись только четверо, среди них и я.

Чеботников достал серебряный портсигар, раскрыл его, вынул папиросу «Беломор» и предложил Петру Михайловичу, но тот отказался, сославшись, что у него свой самосад.

— Вообще-то я бросил курить, это так, по привычке.

У Алексея Ивановича дрогнули уголки губ, на глаза навернулись слёзы. Он достал носовой платок и вытер их, застрявших в морщинках, затем приглушённым, дрожащим голосом продолжил:

— Сколько было крови... Вода в реке была красной. Спокойная Висла превратилась в поток. Сколько пошло на дно наших солдат и боевой техники! У всех одно желание — добраться до суши, хотя догадывались, что ожидает нас на том берегу.

Папиросу Алексей Иванович так и не закурил, во время разговора он вертел её в руке и она сломалась.

— И вот наконец-то берег. Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Завязалась рукопашная схватка, в ход шли приклады автоматов, ножи, кулаки. Немцы избегали рукопашного боя, но уже ничего нельзя было изменить, наши войска пошли в наступление.

И снова Чеботников какое-то время помолчал, затем продолжил:

— Случилось это при прорыве сильно укреплённой обороны противника на западном берегу реки Одер в районе Лебуса. Под сильным артиллерийским огнём подвозил мины на огневые позиции батарей. Когда при очередной подвозке

мин пулемётным огнём была ранена лошадь, то я на себе, под обстрелом, перенёс сто двадцать мин от повозки, чем обеспечил непрерывное ведение огня по противнику.

Из избы вышла жена Петра Михайловича Ольга Дмитриевна, это была дородная женщина с гладко зачёсанными русыми волосами. Она болела сахарным диабетом, и болезнь наложила отпечаток на её лицо, фигуру.

— Угощайтесь кваском, на берёзовом соке сделан, холодненький, только что из погребка достала!

Петр Михайлович взял из рук жены крынку, разлил квас по железным кружкам и предложил его ветеранам. Тут он заметил, что Пётр Дмитриевич Мальков берёт кружку левой рукой, и поинтересовался:

— Тёзка, ты левша, что ли?

Пётр Дмитриевич, к кому обратились, был коренастый, крепко сбитый мужчина среднего роста. Он посмотрел на Асанова с какой-то хитринкой в зелёных глазах, но серьёзно, с горчинкой в голосе ответил:

— Это война сделала меня левшой, это она оставила на всю жизнь зарубку на память...

Солнце пекло по-летнему, капельки пота выступили на лбу Петра Дмитриевича, он снял свой праздничный коричневый плащ, фуражку, его примеру последовали и другие фронтовики.

Перед тем как выпить квас, Петр Михайлович обратился к ветеранам со словами:

— Давайте, мужики, за нашу Победу, пусть мало будет слёз у наших матерей, жён, детей, как ноне сока у берёз!

Фронтовики символически коснулись кружками, и холодный квас живительной влагой смыл усталость, и они опять готовы были продолжить разговор. Мальков, скупой на эмоции, сдержанно начал рассказ:

— В сорок первом году мне было-то всего пятнадцать лет. Я работал на лошадях в колхозе имени Кирова, в Тропино. Отца, Дмитрия Денисовича, забрали на фронт в первые дни войны. А в сентябре сорок третьего пришло извещение о его гибели на Курской дуге.

Меня сразу мобилизовали на фронт. Несколько месяцев проходил военную подготовку в Бердске, на пулёметчика. А потом — фронт.

Стали подъезжать к станции Дарница, немцы начали бомбить. После бомбёжки пришлось самим прокладывать рельсы. Сколько было трупов, крови... По приезде в Киев нас отправили на фронт.

Как сейчас помню: выгрузили нас на ржаном поле. А рожь той осенью была такой высокой, что не видать даже человека верхом на коне. Помылись в бане, переоделись, и нас расформировали по полкам. Я попал в артиллерийский полк вместе с С. Н. Кофтуном из Корнилова.

Пётр Дмитриевич Мальков замолчал. Некоторое время все наблюдали за птичьей суетой. Скворцы носились туда и обратно, не боясь людей, они были заняты приготовлением скворечников для будущего потомства.

Пётр Михайлович не преминул вставить словечко:

— Да, вот ради этого мы, мужики, и живём, и ради этого воевали, умирали на этой проклятой войне.

Мальков продолжил рассказывать:

— Первое наступление было под городом Ковель, правда, долго стояли в мы обороне. Уже начали освобождать нашу территорию, и от нас требовалась быстрота. И чем быстрее мы наступали, тем больше спасали мирных жителей. Помню до сих пор эти изнурительные марш-броски. На привале разрешали разуть только одну ногу, чтобы отдохнула, а другую — на следующем. Мы зачастую были голодные, кухня за нами не поспевала. Всё-таки дали нам отдых. Но мы только успели помыться, постирать бельё, которое с себя сняли, и слышим: «Стройся!».

Пётр Дмитриевич встал и с трудом высвободил правую руку из рукава кителя. Закатал рукав гимнастёрки, обнажив руку выше локтя. Ветераны увидели неправильно сросшуюся, вывернутую руку с огромным кровавым рубцом.

— Да, прошло столько лет, но ещё свежи воспоминания, когда это случилось, — тихо продолжил рассказ Маль-

ков. — Мы заняли оборону, а утром без предварительной разведки нас послали в наступление, в бой. Немец подпустил нас поближе и из пулемета срезал всех. Мне попали в плечо сразу три разрывные пули. Я закричал от боли и упал без сознания. К счастью, на меня наткнулся санитар. Он перетянул жгутом руку выше ранения, наложил шины и перевязал её. — Пётр Дмитриевич продолжал рассказывать, показывая на руке место повязки. — Во время доставки до перевязочного пункта мы снова попали под обстрел, вторично меня ранило в это же плечо, но пуля не задела кость, прошла навывлет.

Рана заживала долго, девять месяцев, вот с тех пор практически рукой не владею. День Победы я встретил в госпитале. Но, слава богу, остался жив! — на оптимистичной ноте закончил свой рассказ ветеран.

К завалинке быстрым семенящим шагом подходил Филипп Тимофеевич Арсёнкин. Вид у него был растерянный, он размахивал руками и всё причитал:

— Дык как же это я? Ведь кажонный сантиметр этой завалинки поправлял! Случай ентот — раз на тыщу пришёлся, а то и на мильён. Как же так мог опростоволоситься! За енто время не смог додуматься, вот какой внук конспиратор! Я ж его сам, старый дуралей, натолкнул на енто.

Ветераны не могли понять, о чём идет речь, да и привыкли, что Филипп Тимофеевич любил присочинить. Не зря получил прозвище Филька-соври.

Тогда они обратились к Корнею Ильичу, он всё знал и про всех. От него они услышали историю пропажи чекушки, которая случилась восемь месяцев назад, ещё осенью. Оказывается, внук Виктор закопал бутылку на завалинке — для исполнения желания.

Грянул смех. Пётр Михайлович хохотал, раскачиваясь, словно маятник, то вперёд, то назад. Остальные тоже смеялись от души, до слёз, время от времени похлопывая себя по коленкам, приговаривая: «Вот даёт малец, а!».

Филипп Тимофеевич сначала хмурился, но постепенно взгляд его потеплел, разгладились морщины на лбу,

в глазах запрыгали чёртики. И как бы нехотя, осторожно улыбнулся, а потом давай смеяться в голос вместе со всеми, не сдерживаясь:

— Ну внучек, ну удружил, не зря имя Вихтор означат победа!

Смех будто выплеснул все обиды, боль от тяжких раздумий, переживаний, накопившихся за долгие годы. Этот смех будто излечил души ветеранов, и стало как-то светло и тепло на душе у всех.

Филипп Тимофеевич достал из тормозка чекушку «Русской»; малосолёные огурчики, груздочки ударили в нос укропно-чесночным запахом. Разлил по кружкам содержимое бутылки.

На какое-то время установилась немая тишина — казалось, всё замолчало, всё замерло! Не слышно было щебета птиц, рёва Дурного лога. Словно всё вокруг поминало минутой молчания двух сыновей и отца Шакиных, Петра Домрачева, погибших в первые дни войны, Ивана Колотилкина, пропавшего без вести, и всех сто сорок восемь человек, ушедших в вечность, в никуда с территории Корниловского сельского совета.

Нарушил молчание Павел Иванович Саковский. Тихим голосом, но отдающимся, словно эхо, в душе каждого ветерана, произнёс:

— Прошло уже два десятка лет со дня Победы! Всё старое ушло, всё война списала. За всё они, наши мужики, кровью заплатили, которые не вернулись, сгинули, а кто и в плену хлебнул горя. Нам сейчас жить и не жаловаться, не грешить на судьбу. Страшную ведь войну пережили. Что ещё для счастья надо... Жить и радоваться каждому дню, даденному нам Победой, судьбой, Богом!

Выпьем, фронтовики, за Родину! За нашу Победу!

НЕ ПРИЗНАНЫ ПОГИБШИМИ

Семьдесят пять лет, как прогремел салют Победы, но до сих пор находят останки советских воинов, пропавших без вести на той священной Великой Отечественной войне с фашистской Германией.

Только по официальным данным в России пять миллионов советских бойцов до сих пор — обезличенная масса, среди них шестьдесят пять — мои земляки. Они не числятся ни в мёртвых, ни в живых. Они не похороненные и не оплаканные. Они не признаны погибшими.

Помню, в детстве в родительский день или на Троицу всей большой роднёй шли на погост помянуть ушедших в мир иной. Пока женщины накрывали поминальный стол под большой берёзой, расстелив на траве белую самотканую скатерть, мы обходили кладбище. Подольше задерживались у могил, на которых стояли памятники со звёздочкой, выкованные в сельской кузнице и выкрашенные красной краской сельчанами к празднику. Звезда означала, что здесь похоронен участник войны.

Ветераны вглядывались в лица на фотографиях, пожелтевших и выцветших от времени, просили меня прочитывать фамилию, чтобы узнать, кто здесь покоится. Все молча постоят у могилы, вдовы поплачут тихо так, беззвучно, мужчины незаметно смахнут вдруг накатившую слезу.

В эти минуты тишины, мне казалось, души умерших общаются с нами, живыми: через скрип старой ели, через птицу, усевшуюся на макушке берёзы, через тёплое прикосновение ветерка, шелест травы...

Сядем поминать, фронтовики долго вспоминают о друзьях, соседях, родных, которые никогда не обретут покой на своей, родной земле — это пропавшие без вести несколь-

ко десятков лет тому назад отец и сыновья Шакины, Пётр Домрачев, Дмитрий Поломошнов, Виталий Ящук и ещё шестьдесят сельчан...

По прошествии лет, вспоминая рассказы фронтовиков — Алексея Ивановича Чеботникова, Павла Ивановича Саковского, моего деда Осипа Тихоновича Прусова, дяди — Михаила Николаевича Мельникова, — понимаю, откуда столько «не признанных погибшими».

Они рассказывали: когда отступали советские войска, часто бывало, что не было возможности похоронить погибших. Покидают их в братскую могилу — а ею мог стать любой овраг, траншея, окоп. У некоторых убитых вид был такой изуродованный, страшный... а кого и в куски разорвёт, то танком с землёй сравнивает. Вот и узнай, кто это. Вот тебе и «без вести».

А при наступлении погибших оставляли на поле боя, ими занимались специальные люди. Раненых отправляли в госпиталь, а мёртвых хоронили там, где проходили бои, недалеко от города или деревни.

Позже опознавали по жетону — капсуле с бумажным вкладышем, на котором записаны личные данные солдата. Но не все бойцы носили на себе этот жетон, некоторые считали, что это плохая примета, будто заранее обрекаешь себя на смерть. Одни выбрасывали капсулы, другие использовали бумагу для самокрутки.

Если не было опознавательного знака, то погибшего узнавали по татуировке, родимому пятну, шраму или по личным вещам.

Конечно, только сейчас мы понимаем, как был необходим этот опознавательный знак, не было бы столько безымянных могил советских солдат. Именно благодаря жетону-капсуле спустя шестьдесят восемь лет Ивана Игнатовича Колотилкина, пропавшего без вести, признали погибшим.

В 2018 году накануне Девятого мая в школу вошли милovidная женщина с мужчиной лет пятидесяти, в руке он держал портрет с надписью: «Колотилкин Иван Игнато-

вич, красноармеец, захоронен в братской могиле в Латвии в 2012 году».

Нила Ивановна, так представилась женщина, приехала с сыном Валерием из Юрги.

— О своём отце я знаю только из рассказов своей бабушки Прасковьи и матушки Марии Ильиничны, — начала свой рассказ Нила Ивановна. — Отец закончил три класса, по тем временам считался грамотным человеком, его поставили бригадиром в колхозе «Мировое пламя».

С мамой поженились они в тридцать девятом, после возвращения отца с финской войны, у них родилась девочка, но вскоре она умерла.

Двадцать второго июня сорок первого родилась я. Ох и грохотало этой ночью! Все думали, что идут ученья, — деревня Кармановка расположена недалеко от Юрги, где находилась воинская часть. Кто же мог подумать, что началась война...

На фронт отца призвали в самую страдную пору — косили сено. Уже и хлеба поспели. Говорили, что в этот год выдался хороший урожай зерновых. Сколько работы кругом! Но не пришлось отцу, да и другим мужчинам, заниматься жатвой: почти всех на фронт забрали. За месяц как косой — двор под двор — выкосило деревню Кармановку.

Тяжело нам было. Мама в колхозе работала дояркой. Бывало, уйдёт на дойку с первыми петухами, а возвращается к ночи, когда в домах и керосинки уже не горели. Самим как жить? Мама ждала лунные ночи. На свою коровёнку надо было накосить сена. Мать с косой, а я рядом. Посадит где-нибудь у кустика, ей не так страшно было — живая душа рядом.

В январе сорок пятого пришло письмо от отца. «Дорогие мои! — сообщал он. — Пишу вам из далёкой Латвии. Гоним фашиста к его логову. Победа близка. Скоро приеду домой. Ждите! Я обязательно вернусь!» А в марте мама получила казённый конверт с извещением: «Пропадал без вести». До Победы оставалось чуть более месяца.

— Я слышала, как ночами мама тихо плакала в подушку и молилась, молилась... Она так и не вышла замуж, всё ждала своего Ванечку — любого, пусть даже без рук и ног. От непосильной физической работы, от хронического недоедания, недосыпания, от щемящей боли разлуки с любимым человеком мать заболела. Долго болела, перенесла пять операций. Я за мамой ухаживала, она умерла у меня на руках.

— Время было непростое, — помолчав, продолжила свой рассказ Нила Ивановна. — Для лечения мамы нужны деньги. Мы наводили справки в Болотнинском военкомате, откуда отец был призван, там нам сказали: «Никаких документов нет, что погиб на фронте, а значит, не положено выплат как вдове».

Я никогда не задумывалась, почему пособия по потере кормильца, пропавшего без вести, в нашей стране в разы меньше, чем выплаты за кормильца, погибшего в бою. Деньги меня не интересуют. Для меня, моего сына, внуков важнее, чтобы Родина, ради которой погиб мой отец, хранила память о нём и о каждом солдате Великой Отечественной, — с грустью заметила Нила Ивановна.

Она попросила воды. Выпив её, будто смыла тяжесть воспоминаний и, собравшись с мыслями, продолжила рассказ:

— Шесть лет назад приснился мне вещей сон. Будто иду я по траве, а трава густая-прегустая, высокая-превысокая, мокрая от обильной росы, мне трудно идти, ноги скользят, путаются. И только что отдавало прохладой от земли, а через несколько мгновений солнце поднялось и осветило луг. А на фоне зарева вижу высокого, статного, с чёрными волосами мужчину в ослепительно белой рубашке, а рядом с ним беременная женщина. Мужчина берёт из её рук крынку и начинает пить. По тонкой струйке, стекающей по щеке, видно, что пьёт молоко. Женщина рушником вытирает, они смеются, и в смехе, и в их глазах столько любви, счастья, надежды...

Да, это мои родители, в сорок первом... Отец такой же молодой, как на этом — единственном — общем снимке, сделанном в советско-финскую войну. — Женщина задумалась, какое-то время помолчала. На её миловидном лице отразилась боль. Видно, что тяжело ей даётся каждое слово. Собравшись, она продолжила:

— Говорит мне отец незнакомым, глухим голосом: «Здравствуй, доченька! Прости меня, не мог я к вам раньше прийти, сапог у меня не было!»

Посмотрела я на его ноги, а из правой рваной штанины солдатских брюк висит култышка, а из неё сочится кровь...

Вдруг солнце стало таким багровым-багровым, оно слилось воедино с ржаным полем, превратившись в единое целое, в кровавое пятно... Тяжёлые колосья ржи полегли на землю, покрылись серой пылью.

Нила Ивановна замолчала, не смогла сдержать слёз, слезинки тихо сползали по щекам. Женщина, не замечая их, продолжала рассказ:

— Оторвала я взгляд от обрубка ноги, посмотрела в глаза отца, а взгляд-то не живой, будто стеклянный. А он с трудом продолжает: «Спасибо однополчанину Виктору, отдал мне свои сапоги, ему они больше не нужны, ему обе ноги и руки оторвало...» И уже посиневшими губами чуть слышно прошептал: «Доченька, в Латвии...»

Всё исчезло, и было лишь солнце, рябящее из-за деревьев, запах земли и бескрайнее поле... Краснели по лесу гроздья калины, желтела рябина, пёстрыми весёлыми бликами просвечивали сквозь заросли белоствольные берёзы...

Внуку Валерию удалось разыскать своего деда через компьютерный банк данных Министерства обороны РФ ОБД «Мемориал», «Подвиг народа». Он узнал, что дед Иван трижды был ранен, награждён медалью «За боевые заслуги»: «10 июня сорок четвёртого подносчик первой миномётной роты гвардии красноармеец И. И. Колотилкин под сильным огнём противника бесперебойно доставлял боеприпасы, несмотря на трудности быстрого передвижения вперёд советских войск».

Похоронен Иван Игнатович на воинском братском кладбище, которое находится на территории посёлка Ропажки Ропажского края (бывшего Рижского района).

Здесь на могилах установлено 48 памятных плит и 2 надгробных памятника с именами воинов Красной армии, погибших в ходе Великой Отечественной войны. На кладбище установлен обелиск с надписью: «Вечная память героям Советской Армии, павшим в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками за свободу и независимость нашей Родины. 1941 – 1945».

Именно 28 апреля 2012 года приснился сон дочери Ниле Ивановне — в день перезахоронения 313 воинов-красногвардейцев. Имена 24 воинов были установлены благодаря капсулам. Среди установленных был и наш земляк — Иван Игнатович Колотилкин (1911 – 05.03.1945).

Каждый раз, когда смотрю на фотографию с надписью: «Колотилкин Иван Игнатович, красноармеец, захоронен в братской могиле в Латвии в 2012 году», думаю и о других сельчанах, чьи останки лежат на чужбине в братских могилах. Как-то неправильно это, не по-христиански...

И только «Бессмертный полк» на сегодняшний день признал погибшими солдат, пропавших без вести на войне. Они идут рядом с теми, кто знает о своих предках, погибших и похороненных или доживших до Победы, награждённых орденами и медалями.

Три поколения сменилось, как закончилась война, но надпись на Могиле Неизвестного Солдата у Кремлёвской стены не изменилась: «Имя твоё неизвестно, подвиг твой бессмертен» — это говорит не только о героизме и самоотверженности советского народа, но и... о забвении государством своих защитников.

Для всех нас важно, чтобы нынешнее и будущее поколения гордились своей страной, её историей, чтобы знали героев, которые защитили и спасли эту страну для нас, именно поэтому в истории нашей страны не должно быть белых пятен. На истории воспитывается молодёжь — значит, история должна быть честной.

А СЛАДКИЙ ЛИ БЫЛ ТОТ МЁД?

Школа в военное лихолетье жила не только своими делами, но и заботами колхоза, страны. Детям не давали планы, не ставили им трудодни, с них не спрашивали выполнения нормы, но их труд был частичкой в трудной колхозной жизни.

— В первый класс я пошел в 1944 году, — вспоминает о военной поре Михаил Самуилович Шинкарюк, ему было шесть лет, когда началась война. — Сбили мне из фанеры портфель, ткани не было ни кусочка, положили тетрадку — вот и все сборы. На первом уроке прочитали свежую газету с новостями с фронта. С особенным вниманием слушали мы учительницу Веру Арсентьевну Осипенко. Мальчишек и девчонок очень занимали дела на фронте — ведь у каждого кто-то воевал,...

Время военное: голод, нищета, ни учебников, ни чернил, ни тетрадей. Букварь один на всех учеников. Писали на старых книгах чернилами из свёклы или сажи. Запомнилось, что в школе кормили завтраком — жидким супом из картошки или «заварихой» из муки. Хлеб — ненастоящий, с примесью травы — приносили из дома. Трудно было, но мы не падали духом.

После занятий мы шли в поле. С нами всегда были учителя и тётя Нюра. Ей давали банку мёда с колхозной пасеки для угощения детей за выполненную работу. Поработаем, а она нам всем по ложке мёда. А сладкий ли был тот мёд?

Тяжело было теревить лён. Целый день приходилось его выбирать слабыми ручонками, вязать снопы, ставить их в суслоны, чтобы не упали. Не легче было вытаскивать из конюшен пласты слежавшегося навоза и отвозить

на поле. В свои десять лет я понимал, что отец каждую минуту рискует жизнью, и поэтому всем, кто в тылу, надо помогать фронту, чем только можем.

При всех трудностях и тяжкой для детских плеч работе в колхозе дети учились и даже развлекались, забывая по-детски обо всех неприятностях. Михаил Самуилович Шинкаряк вспоминает:

— Зимой катались на санках, на деревянном коньке, на лыжах. На лыжах ходили в лес по следам полевой и лесной дичи. Летом с азартом играли на лужайке в «сало» (мяч) и в забытую ныне игру «лапта».

Разыгрывали сюжеты настоящих боёв с участием девчонок и мальчишек. Была «граница», её охраняли, засылали «шпионов» и брали «пленных», обменивались ими. Учиняли местные бои, лечили «раненых» и отправляли их в «тыл». Игры были военные: мы хотели походить на взрослых... Всё было «по науке»: чего-то начитались, а что-то придумывали сами. Были и другие игры с построением жилья (шалашей из ольхи), рыбалкой и приготовлением пищи из рыбы, найденных грибов, собранных ягод. Всё было как бы по-настоящему.

Мы, дети, рано выросли, в годы войны пришлось многое испытать: голод, холод, потери близких людей. В это сложное для всех время мы помогали друг другу. Да и жили намного дружнее, потому что горе всех сплотило...

СТРАНИЦА КНИГИ ЖИЗНИ

Передо мною стопка писем, фотографий, официальных документов о наградах, благодарностей родителей, учеников, односельчан сельской учительницы Веры Арсентьевны Осипенко (Заикиной).

В основу рассказа положены воспоминания её сына Владимира Гавриловича Осипенко, соседей, учеников, коллег и самой Веры Арсентьевны.

Болотное, деревянный дом по улице Калинина № 37, именно здесь родилась Вера — второй ребёнок в семье Заикиных. Мать, Анна Лукьяновна — домохозяйка. Отец, Арсентий Максимович, всю жизнь рубил дома, был хорошо известен своим ремеслом в округе.

С детства Вера помогала воспитывать братишек и сестрёнок, а их было пятеро, что и предопределило её жизненный путь. Закончив десятилетку, Вера поступила в Болотнинское педучилище на ускоренное обучение.

22 июня пошла в роно получать направление на работу и узнала о том, что началась война...

Девушка была назначена учителем русского языка и литературы в Карасёвскую школу, но проработала там всего девять месяцев. Из-за нехватки кадров роно переводит её в село Ача, где Вера Арсентьевна преподавала до окончания первого военного учебного года.

В суровом 1942 году Заикину направляют в Корниловскую начальную школу. Очень трудно было поначалу, рассказывала В. А. Осипенко. Приехала налегке, своего ничего не было. Продукты дорогие. Ведро картошки стоило 200 рублей, молоко — 40 рублей литр. К тому же зарплата и так называемые «квартирные», положенные сельским учите-

лям по закону, постоянно задерживало государство. Хорошо, что помогало правление колхоза «Вперёд»: выделили жильё в поповском доме, отпускали молоко, масло, мясо по колхозной цене.

В деревне люди страшно голодали, употребляли в пищу траву, отруби, очистки от картофеля, выживали как могли. Лошади, истощённые, изголодавшиеся, бродили по полям и дорогам в поиске корма, порой и погибали.

Хлеба — основного продукта — постоянно не хватало. Из-за нехватки муки его пекли с примесями, добавляя картошку и даже картофельные очистки. Отсутствие сахара научились компенсировать, изготавливая из тыквы и свёклы самодельный мармелад. Кашу варили из семян лебеды, лепёшки пекли из щавеля. Вместо чая использовали листья чёрной смородины, сушёную морковь, травы и корешки.

Зубы чистили обычным углём. Из-за отсутствия электричества и керосина приходилось освещать помещение «жировиками» и лучинами.

Зима 1942 года выдалась холодной, и Вере Арсентьевне приходилось заботиться о том, чтобы в школе было тепло. Ученикам не хватало учебников и школьных принадлежностей, и эту проблему она решала — обращалась за помощью в правление колхоза, ей выделяли деньги на приобретение необходимого.

Строго следила она за работой детей на уроках, за выполнением домашних заданий. Если была необходимость, посещала школьников на дому, беседовала с их родителями. Её трудолюбию можно было только позавидовать! Она успевала делать свою работу в школе, а в свободное время, по вечерам, участвовала в художественной самодеятельности в сельском клубе, собирала посылки на фронт, работала в поле.

Вечерами Вера Арсентьевна ходила в гараж, на полевой стан, на ферму, чтобы встретиться и поговорить с односельчанами, сообщить им новости с фронта. Во время коротких встреч, беседа с тружениками села на каждом участке,

пересказывала им новости, услышанные по радио, прочитанные в газете; если надо, писала письма на фронт.

Зима 1942 года была не только холодной, но и самой голодной из всех военных лет. Пуд картофеля стал стоить 600 рублей, 1 кг масла — 400 рублей, стакан соли — 20 рублей, 1 чайная ложка соды — 5 рублей. Промышленных товаров в магазинах не было. Обувь изнашивалась, одежда тоже.

Вера Арсентьевна получала 350 рублей плюс 175 рублей за работу во вторую смену — итого 525 рублей. Она с большим трудом скопила 4000 рублей, чтобы поехать в Болотное и купить тёплый цигейковый жакет.

Как рассказывала сама учительница: «Весной стало ещё голоднее, все запасы кончились. Ели картофельные очистки: мыли, сушили, толкли и пекли из этого месива лепёшки, невкусные, постные. Толкли боярышника лист и добавляли в муку. Собирали чёрный перезимовавший картофель с оттаявших полей и тоже пекли лепёшки. С полей срывали весь щавель. Варили из него суп, забеливая молоком. Заготавливали также полевой чеснок — целыми бочками».

Здесь, в Корнилово, Вера познакомилась со своим будущим мужем, Гаврилом Дмитриевичем Осипенко. Он в 1944 году вернулся в деревню весь израненный, с осколком в лёгких, с перебитыми ногами. Долгое время он находился на лечении в госпитале города Томска.

Поженившись, они жили в поповском доме, а сельский дом ещё в 1943 году Вера Арсентьевна отдала эвакуированному из Ленинграда.

Самый голодный послевоенный год был 1946-й. Посадили картофель, а он вырос с горох. Зарплата всего 495 рублей, на эти деньги можно было купить лишь ведро картошки или две буханки хлеба.

Видимо, недоедание, бессонные ночи, работа сутками и предрекли беду. Будучи уже на девятом месяце беременности, Вера упала и потеряла двойняшек. Для молодой семьи это была большая трагедия, но сильная духом женщи-

8 августа 1962 года на сессии сельского совета ставился вопрос об открытии восьмилетней школы. Для этого необходимо было решение области и список учащихся, которые будут обучаться в восьмилетке.

В. А. Осипенко принимает самое активное участие как в организации, так и в строительстве школы. Она едет в ближайшие деревни, составляет списки учащихся, организует воскресники по заливке потолка глиной, по рытью траншей для фундамента. Каждому двору был дан план — выкопать по 2,5 метра. Траншея была выкопана в течение 10 дней. Песок возили в нерабочее время. Чтобы купить цемент, собрали с каждого двора по 10 кг пшеницы и увезли на базар, на вырученные деньги купили необходимые материалы.

Работа с детьми требовала энергии, задора и времени. Веры Арсентьевны хватало на всё: на пионерские сборы и комсомольские собрания, субботники и концерты, походы и соревнования, военизированные игры и костры. Другим интересным занятием были концерты художественной самодеятельности, которые предназначались жителям Соновки, Корнилово, Кармановки, Тропино, Большеречки. Артисты сами готовили стихи и песни, танцы и сценки, подбирали незатейливые костюмы. Их всегда встречали доброжелательно, аплодисменты зрителей были лучшей наградой за выступление.

Для коллег В. А. Осипенко служила хорошим примером. Большую методическую помощь оказывала молодым учителям.

Вера Арсентьевна — отличник народного просвещения, награждена медалями: «За трудовое отличие» и юбилейной «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Она была депутатом сельского Совета, председателем лавочной комиссии, членом первичной организации общества «Знание», хорошим агитатором. Награждена множеством почётных грамот: за лекторскую

работу, за участие в областных педчтениях, за хорошо поставленную учебно-воспитательную работу в школе.

В 1972 году Вера Арсентьевна переехала жить в Болотное, работала в киоске «Союзпечати». Её выпускники и все, кто был с ней знаком, с теплотой вспоминают её трудовую деятельность, благодарят за повседневный учительский труд.

Слушая воспоминания, рассматривая фотографии, читая пожелтевшие от времени газеты, дневники, думаешь о том, что каждая человеческая жизнь — это страницы книги жизни. Сколько таких страниц уже прочитано и сколько ещё предстоит прочесть!..

СУДЬБА

Степанида Асанова родилась на станции Курундус Тогучинского района в Михайлов день — 19 ноября. В народе говорят — родившиеся в этот день люди отличаются милосердием, щедростью, готовностью к самопожертвованию.

Батюшку, Степана Илларионовича, Степанида со своей старшей сестрой практически не видели дома, он участвовал в военных событиях: сначала с японцами, затем с немцами, в Гражданской войне, а недавно вернулся весь израненный с советско-финской. За это мамушка, Феодора Ивановна, называла мужа «солдат Степан».

В тридцать девятом семья Асановых переезжает в село Корнилово. Им дали избу-четырёхстенку по улице Центральной (Ёлгин Владимир Корнеевич). Степанида устроилась работать в детские ясли няней. Это была девушка среднего роста, с ладной, словно выточенной фигуркой, широколицая, с азиатскими скулами. Цвет кожи лица смуглый, на котором своей яркой голубизной выделялись глаза, их подчеркивали брови вразлёт.

Тёмно-русые волосы, туго сплетённые и аккуратно уложенные на затылке, делали её более взрослой. Степанида строила планы на будущее — получить образование и связать свою судьбу с воспитанием детей.

Но наступил военный сорок первый год. Война начала кроить судьбы людей, не стала исключением и девятнадцатилетняя Степанида. Отца призвали на фронт.

В первые дни войны пришла директива Народного комиссариата чёрной металлургии, которая гласила: «Заводы Украины и Ижоры находятся под угрозой фашистской оккупации. Необходимо срочно наладить выпуск брони для нужд фронта».

Каждое хозяйство обязали отправить конный обоз с рабочими в Новокузнецк (в годы войны — Сталинск), что-

бы полностью переоборудовать металлургический завод на производство военной продукции.

Колхоз «Вперёд» не стал исключением. Это была ответственная рабочая командировка на десять дней (без дороги), а в общей сложности она занимала месяц. Обоз состоял из 5–6 телег. Во главе обоза поставили Платона Никонovichа Каменева, до войны он работал коневодом, но по состоянию здоровья ему дали бронь. Он отвечал за лошадей, сбрую, телеги.

В трудовую бригаду набрали женщин, не обременённых детьми, незамужних: Марию Ёлгину, Анастасию Дзятко, Марию Процук, Степаниду Асанову.

Сельчане собирали конный обоз, будто на фронт. Проводили за гору Галька, а дальше обоз двигался через деревню Кармановку, Разъезд, станцию Топки и так до места назначения. Большую часть пути шли пешком, ведь хороших коней отправили на фронт, а оставшиеся были слабые, ещё надо фураж (овёс) для лошадей везти. Шли или ехали, но всегда с песней. Ночевали под открытым небом, если дождь — сооружали шалаш из берёзовых веток.

Провизии, что выдал им колхоз и собрали сельчане, не хватило. По дороге приходилось питаться подножным кормом: грибами, ягодами, саранками, пучками, а если повезёт — птичьими яйцами. Заваривали травяной чай.

«Прибыли на место, нас поселили в бараках. Кормили хорошо, три раза в день и первое, и второе с мясом, рыбой, выдавали и сухой паёк. Каждому рабочему дали войлочную спецовку, пропитанную каким-то специальным раствором, который предохранял от ожогов. Шлак из плавильных печей выгребали вручную, иногда получали ожоги. Работали круглосуточно, сменяя одну смену другой. Уставали за день так, что возвращались в барак, доходили до нар с одной мыслью: «Упасть и спать, спать, спать...» Но засыпали долго и трудно. Закроешь глаза, и какое-то время стоит перед глазами огнедышащая пасть плавильной печи. Как хотелось подышать нашим корниловским воздухом!» — по возвращении рассказывали девушки.

— А что, бабоньки, мужики-то там были? — легко, по-мужски закидывая мешок на плечо, как бы между прочим интересовалась Таисья Ёлгина. Эта низкорослая, крепко сбитая русоволосая девушка с вздёрнутым носиком обладала огромной силой. Если надо было разгрузить подводу, то звали на помощь её, она самостоятельно переносила мешки, почему-то их называли «крапивные», хотя делали из стеблей конопли. Такие мешки сухие-то очень тяжёлые, а если намокнут, то не каждый мужик мог поднять их — каждый весил около семидесяти килограммов.

— Восподи, восподи, Таська, кому что, а тебе мужиков подавай! — смеясь, отвечала Степанида, а затем с серьёзным видом продолжала: — Да, на мужиков мы нагляделись, их в сутки скоко проходило мимо нас. Токо вот живой один — наш Никонович, а все остальные мужики-то стальные...

Все с недоверием и любопытством уставились на Степаниду. Она пояснила, что «стальными мужиками» между собой они называли бронированные детали, которые изготавливали на металлургическом заводе в Новокузнецке. Это была спинка для сиденья пилота в самолете, её форма напоминала силуэт человека.

После возвращения жизнь пошла своим привычным ходом. Трудно было, но, как говорится, родные просторы помогают... Через три месяца вернулся отец, его списали по состоянию здоровья.

На плечи девятнадцатилетней девушки легла забота о хозяйстве, уход за отцом, работа.

Каждое утро Степанида вставала в четыре утра, запрягала пегую лошадь в дрожки (бричку) — это специально приспособленная повозка из жердей, жерди лежали так, чтобы бочка не падала, — и отправлялась на станцию Болотную за горючим. Директор МТС Болотного Серафим Павлович Мельников хвалил Степаниду, он умел поддержать каждого. И она старалась, за день могла съездить три-четыре раза.

На улице Береговой, на берегу реки Ачи стояли огромные ёмкости для солярки. Степанида ручным насосом выкачивала горючее, наполняя огромную бочку.

За день Степанида так уставала, что, заходя в избу, присаживалась на лавку в женском куте, клала на стол голову и мгновенно засыпала.

И каждый раз ей матушка выговаривала:

— Не садись на угол, Стеша, особливо на левый, это угол для старых дев и сулит всякие несчастья. Ещё моя бабушка сказывала, что туда сажали старых дев и приживалок, не имевших собственных семей.

На что Степанида сквозь сон отвечала:

— Матушка, дай минутку вздремнуть. Какие мои годы, да и в приметы я не верю. Что предписано судьбой, тому и быть...

Недолго прожил отец, очень болел, да и помер. Матушка начала терять зрение (катаракта), позже ослепла. Сама Феодора Ивановна объясняла, что «много слёз пролили, ждавши своего Степана, да от пыльцы конопляной».

В военные голодные годы заготавливала семя конопли. Очищенные семена обжаривали, толкли в ступе. Эту смесь добавляли как приправу в толчёную картошку, похлёбки. Феодора Ивановна говорила, что кто отведаёт конопляного масла, тому и мясо уже ни к чему: «Пальчики оближешь, чего уж веселей в пост!»

Даже потеряв полностью зрение, Феодора Ивановна (бабка Надора, так звали её на селе) продолжала сама выполнять всю работу по дому. Она сама ловко вскарабкивалась на русскую печь.

Степанида жила с матушкой, старшая сестра стала городской и редко когда приезжала в Корнилово.

Стеша обладала душевной добротой. У Прокофия Филипповича Ящука, секретаря сельского совета, умерла жена при родах. Дочка родилась очень слабенькой, сельчане считали, что она не жилец.

Сельчане помнили, как в 1936 году Ящук закрыл церковь. Он сам лично топором рубил иконы и сжигал в печи. С тех пор его преследовало одно несчастье за другим.

Погиб в годы войны сын. Старшая дочь упала и слома-

ла позвоночник, осталась калекой, дожила до пятнадцати лет. Вторая дочь, Шура, в ризе танцевала в церкви, впала в летаргический сон на три дня. Проснувшись, она сказала: «Бог есть!» Вскоре заболела туберкулезом и умерла.

У Прокофия Филипповича родилась от второго брака девочка. Отмечали родины. Жена Анастасия вышла на улицу, а когда вернулась, её начало трясти, вскоре и она померла.

Прокофий женился в третий раз, но жена ушла от него, когда обнаружилось, что он болен раком.

В деревне у него никого из близких не было, никому не был нужен. Уехал в Болотное и там помер. Среди сельчан шли слухи, что это расплата свыше.

Степанида находила время: готовила каши, травяные настои, супы и выходила девочку Соню.

Закончилась война. Вернулся с фронта сын Ящук — Анатолий, весь израненный. Когда вошёл в избу, Степанида поняла, что это её судьба.

Вскоре узнала, что беременна. Но Анатолий не спешил делать ей предложение.

— Эх, Стешка, Стешка... И то, и вправду, сходи-ка к бабке-знахарке, узнай и сделай всё как следоват, а то ведь позора не оберёшься. Ведь вся деревня мне кости перемоет на старости-то лет, — беспокоилась за дочь матушка.

— Ну пуцай говорят, — с безразличным видом отвечала девушка.

Долгими ночами Степанида плакала. Она понимала, что сельчане не дадут проходу и будут бросать в её сторону оскорбительное: «Принесла в подоле!». И поначалу решила избавиться от ребёнка. Стала выполнять самую тяжёлую работу: таскала фляги, полные воды, пролазила между жердями, носила мешки с зерном по пятьдесят килограммов.

Но ничего не помогло, и она подумала: «Видно, это судьба». Она очень любила Анатолия.

Месяцев восемь ей удавалось скрывать беременность, да и матушка свыклась и даже ждала внука или внучку.

Степанида до четырнадцатого мая, до родов, успела вскопать и посадить огород.

Родился мальчик, назвала Сергеем. Сразу после родов Стеше приходилось работать за троих, чтобы прокормить ребёнка и мать. Заработанное на трудодни в колхозе зерно надо было помолоть в муку, чтобы печь хлеб. Мельница была довольно далеко от деревни.

Степанида запрягла коня, нагружала мешки с зерном, а мешки, надо сказать, были холщовые, большие и входило в каждый до 80 килограммов. А утром отправлялась в дорогу, оставив ребёнка на бабу Надору.

Бабка Надора приглядывала за внуком и, время от времени глядя на него, похлопывая себя по костлявым коленкам, начинала причитать:

— Восподи, восподи, как похож на батьку своего! Ну весь Ящук вылятой!

Говорила она так громко, что внук Серёга, так звала ласково Степанида своего сына, округлив свои глаза-смородинки, тихо вопрошал:

— Ты что так кричишь, бабушка Дыра?

Анатолий уехал в Болотное, там женился на другой — Соньке Морозовой. Приезжая каждую неделю на базар в Болотное, Степаниде тяжело было видеть жену Анатолия, у них тоже родился сын.

Глубоко в сердце несла Степанида обиду, не ругала, а, как раньше говорили, жалела Анатолия. А когда узнала о его смерти, чтобы заглушить боль утраты, стала чаще обычного прикладываться к рюмке, но поняла, что надо жить, жить дальше.

Степанида была видной девкой на селе, трудолюбивая, стряпуха, рукодельница. Мужчины делали ей предложение выйти замуж, но она пронесла безответную свою любовь к единственному мужчине через все годы.

Да и боль как-то поутихла с годами. Она жила воспоминаниями, пусть и о коротком, бабьем счастье...

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ — ДВЕ СУДЬБЫ

Каждый раз, встречаясь с этими женщинами, я думаю: какое счастье, что есть такие люди; как жизнь многогранна и скоротечна... и как прожить её так, чтобы не жалеть потом?.. Тому пример — Аксинья, Анна, Марья, да и сотни женщин, на чью долю выпала военная пора...

Маленькие, худенькие женщины, но с большой душой, прошагали по жизни, гордо неся лучшие качества русской женщины: жертвенную любовь, сострадание, трудолюбие; они не обиделись на судьбу, а наоборот, благодарны ей за каждый удар как за награду... Потому что в трудностях рождается понимание жизни праведной.

Трудные военные и послевоенные годы сдружили двух женщин — Аксинью Ивановну Домрачеву (Процук) и Анну Михайловну Котову (Марчук). О них будет наш рассказ.

Домрачева (Процук) Аксинья Ивановна родилась 15 февраля 1917 года. Росла она в семье, где было семь детей. В восемнадцать лет на вечеринке повстречала Петра Домрачева из Зудова. Парень с первого взгляда влюбился в красивую брюнетку с карими глазами. Предложил ей руку и сердце. Через год у них родилась дочь Галя. Семья переезжает в село Корнилово. Но их счастье длилось недолго. Началась война.

Через три месяца Пётр Романович и брат Анатолий получили повестку. Одиннадцать месяцев мужа держали в Кемерове в здании старого клуба. Кормили очень плохо. Аксинья Ивановна ездила к мужу. За это время он сам приезжал домой только два раза.

Через три месяца муж получил повестку, в июне сорок второго года его отправили на фронт. Аксинья Ивановна осталась с двумя детьми: старшей пять лет, а младшему только два месяца, — и с уже зарождавшейся новой жизнью, но об этом знала только она. Позже с улыбкой говорила: «Вот и наездила Ванюшку!»

С утра до поздней ночи ухаживала за жеребятами на конеферме. В перерыве с другими женщинами чистила силосные траншеи, ремонтировала помещение для коней. Завозила на конных телегах глину в так называемые базы и утрамбовывала её в проходе ручными трамбовками, замазывала коровьим навозом с глиной трещины в стенах, а потом белила.

Осенью Аксинья вручную метала солому, которую потом зимой завозили на ферму, и раздавала сено, силос, солому охалками, вручную разносила корм по кормушкам.

Вручную выкашивала околки, ставила копны, потом их перевозили к ферме.

Зимой труднее всего было, два раза в день гоняли коней на речку на водопой. Ходили в лес на лыжах, ломали ветки и вязали мётлы, которыми подметали пол. Ночью племенных лошадей для фронта поили водой из вёдер и кормили овсом.

Работали за трудодни, за которые выдавали зерно, его потом мололи на ручной круподёрке. Варила из этой муки жидкую похлёбку, затируху. Как ни тяжело было, но держала корову, молоко выручало. Но когда корова была в запуске — кипятком заваривала травы, нарезала мелкими кубиками картошку и ели перед сном, иначе от голода нельзя было заснуть.

Детям хотелось хлеба, они постоянно просили: «Дай, мама, кусочек хлеба».

— Уж лучше взять винтовку и воевать, так бы было легче, чем смотреть в голодные глаза детей, — позже вспоминала Аксинья Ивановна. — Из старой юбки сошьёшь им какую-нибудь одежонку, чтобы обогреть их. Последнюю дроблёную картошку, последний кусочек хлеба отдавала детям. Весной ходили по полю и собирали колоски, мороженую картошку. Из мороженого картофеля делали драники, их ещё называли «тошнотики», вкус которых до сих пор помнится.

Отсалютовала Победа, вернулись в село Корнилово солдаты с фронта.

Ждала своего мужа Аксинья Ивановна уже с тремя детьми — в январе сорок третьего родился мальчик, назвала Иванов. Муж не знал о сыне, он пропал без вести в сорок втором. Женщина не могла поверить в то, что её Петра нет в живых.

Вечерами сядет у колыбели, вяжет, прядёт и читает письмо, единственное письмо, содержание которого она знала на память...

«Добрый день или добрый вечер, дорогая жинка Ксения, сынок Ганя, дочка Галя. Шлю вам свой горячий привет и желаю вам всего хорошего в вашей жизни.

В первых строках своего письма сообщаю вам, что я нахожусь в 48 километрах от фронта, скоро будем продвигаться к передовой, дней через пять сообщу вам, Ксения, свой адрес: ПТС 21–44 в часть 2/2. Как получишь моё письмо, так быстро пиши ответ, буду ждать. Пока, писать больше нечего, остаюсь жив, здоров, того и вам желаю. Целую вас несчётно раз, ждите с победой домой. Передай привет папаше, мамаше с детками, Нюре, Марии с детьми, Виктору и всем родным и близким. До свидания, до свидания, не забудь мои страдания, целую деток».

Аксинья Ивановна до самой смерти хранила это первое и последнее письмо. Замуж она вышла только через двадцать лет — за Павла Ивановича Саковского.

Котова (Марчук) Анна Михайловна родилась в 1920 году в крестьянской семье Марчук Михаила Васильевича и Анастасии Васильевны. Ей ещё не было тринадцати лет, когда после восьми дней мучений у неё на глазах от малярии умерла мать.

Анну в школу не приняли, считали, что она заразная. В тринадцать лет началась её трудовая биография. Бралась за любую работу: сначала «плугарила», и где только брала силы, чтобы худенькими ручонками регулировать плуг. Ездил за село Зудово, в тайгу, на заготовку сосны.

Вскоре отец снова женился. О мачехе, Варваре Ермолаевне Арбузовой, Анна Михайловна вспоминала тепло:

— Угощала супом из лебеды, а к супу лепёшки делала из очистков картофеля. Очистки высушит, помелет на ручной мельнице и из этой муки пекла лепёшки, вкуснее, кажется, ничего не пробовала.

В 1937 году Анна окончила курсы пчеловодов. В колхозе «Вперёд» была большая пасека, где она работала до начала войны.

В тридцать девятом вышла замуж за Степана Котова. Парень приехал к другу в гости, и встреча для них стала судьбоносной. Казалось, вот и начинается счастливая семейная жизнь, но война изменила всё в одночасье.

— В военные годы работала в школе техничкой, — вспоминала Анна Михайловна Котова. — Я не только пол мыла, а ещё и печи топила. До занятий чистила и заправляла керосиновые лампы. Трудно было, но работали весело и дружно. С учениками собирали и отправляли посылки на фронт.

Дети очень плохо одеты, кто в чём. У многих не было возможности сшить даже шаровары на физкультуру, и девочкам в платицах приходилось делать упражнения. В те годы многие из ребят болели малярией. Приступы случались на уроках и по дороге в школу или из неё. И, не смотря на то, что ученикам раздавали лекарство, приступы случались очень часто — детей лихорадило, знобило, а после приступа многие из них засыпали прямо на уроке.

Наступала сенокосная пора. Всё лето школьники вместе со взрослыми возили на быках сено. Брели в руки грабли, вилы, до мозолей гребли траву, помогали складывать в стога. Работали старшие школьники на граблях, на конных сенокосилках. Младшие на огороде окучивали картофель, пололи в поле пшеницу. За лето необходимо было заготовить лекарственные травы для отправки в госпитали.

— Школьники заготавливали дрова на зиму. Привезут брёвна к школе, сами пилят, чурки раскалывают, в поленицу складывают. Помогут и к печке натаскать, чтобы мне было полегче, — вспоминает Котова. — Хлеба давали по одному килограмму на семью, а иногда и 500 граммов в день.

Редкими вечерами удавалось посмотреть кино в клубе, оно было без звука. Заведующая избой-читальней Катька Ревьюк, грамотная женщина, вот она и озвучивала. Крутили мальчишки, у них не было денег на билет, а стоил он 20 копеек.

Проходили и вечеринки, молодёжь танцевала под гармошку. Гармонистом был безногий Ёлгин Алексей Фёдорович, в детстве застудил ноги, его не взяли на войну.

— Днём в школе, ночью скирдовала сено, полола пшеницу, дёргала лён, — продолжает Котова. — Вечерами со-

бирались с подругами — Аксиньей Домрачевой, Марией Ёлгиной, Дусей Червяковой у Бескостовой Надежды. Пряли, вязали для солдат носки, рукавицы. Пели песни и плакали, плакали и пели.

Муж Анны Михайловны был военным. Поэтому вернулся с фронта в сорок шестом, после разгрома Японии и урегулирования конфликта с Китаем. В 1960 году купили дом у Бондарчука Николая Ивановича, в котором они прожили вместе всего восемь лет, муж умер.

Анна Михайловна больше не выходила замуж, работала, растила детей, внуков, правнуков.

Обе женщины награждены медалью «За доблестный труд в годы войны», имеются и другие награды. Но и Анна Михайловна, и Аксинья Ивановна считали, что ничего героического не сделали, жили, трудились, как многие другие. Обе женщины отметили юбилей! Умерли в преклонном возрасте — девяносто пять лет.

Что ещё восхищает в этих женщинах? Имея три класса образования, они обладали удивительной памятью на имена, даты, события.

Хочется сбересть память о женщинах, перенесших столько страданий и сохранивших до последних дней ясность мысли, мудрость слова и поступка прожитых лет.

ИЗ БЕЛОРУССИИ В СИБИРЬ

Белоусова (Мясоедова) Анастасия Фёдоровна родилась в Белоруссии в Витебской области, Шумилинском районе, в селе Соснино в 1894 году. Семья большая — шесть человек: четыре брата и сестра. Вспоминает, что братьев обучали грамоте — читать, писать, а вот их с сестрой учили мастерству — прясть, ткать, шить.

Ещё двенадцатилетним подростком Анастасия Фёдоровна стала работать на барина («на пана»). Чтобы её взяли работать, приписали четыре года. Работала сутками: убирала лён, жала рожь, собирала колоски, а получала всего 2–3 копейки.

Шли годы. Анастасия вышла замуж за Белоусова Михаила Ивановича. Его призвали в армию, служил семь лет на Балтийском море в Кронштадте.

Ещё в юности цыганка нагадала ей, что жить она будет «за большой водой» и первая половина жизни будет счастливее, чем вторая. Она не верила в предсказания.

Но случилось так, что она действительно переехала вслед за мужем в город Кронштадт. Так как была неграмотной, находила свободное время для обучения. Её маленькие дети играли в песочнице под наблюдением воспитательницы, а она в это время занималась.

Жизнь шла своим чередом. Выходные проводили всей семьёй на природе, ездили в Ломоносово, Петродворец, где множество архитектурных сооружений. Анастасия Фёдоровна, как и многие горожане, работала на огороде, где выращивали капусту, морковь, свёклу. Осенью при уборке урожая разрешили взять маленькие кочаны капусты, которые спасли их от голодной смерти в 1941 году.

Началась война. Город бомбили день и ночь, ни света, ни воды не было. Выдавали по хлебным карточкам 125 граммов чёрного хлеба в сутки. Чтобы утолить голод, Анастасия Фёдоровна делала и давала детям хлебные сосочки. Спасала от голода и капуста, которую засолили в бочках и поставили на чердак трёхэтажного дома, в котором они жили.

Как только начиналась бомбёжка, семья спускалась в бомбоубежище, прихватив с собой квашеную капусту. Ежедневно она видела, как умирали от голода сотни людей.

Белоусова была глубоко верующим человеком, она молилась за своих детей, раненого мужа.

В 1942 году семью Белоусовых эвакуировали по Дороге жизни на Ладожском озере, которую бомбили с воздуха. Их посадили в товарные вагоны, заполненные людьми, ранеными солдатами. Путь лежал в Сибирь, а куда точно, Анастасия Фёдоровна не знала. Состав днём и ночью бомбили немцы, и приходилось ночевать в лесу, и так почти две недели. Остановились на станции Болотной. Все эвакуированные были размещены в старом здании Дома культуры имени Кирова, возле вокзала.

В течение двух месяцев распределяли по сёлам Болотнинского района. Семью Белоусовых на подводах привезли в село Тропино. Поселили в доме для животноводов: в одной большой комнате жили они, а в другой половине находилась Тропинская начальная школа. Заведующей и учителем начальных классов стала старшая дочь Лидия, а Анастасия Фёдоровна работала техничкой.

В 1943 году комиссовали мужа, Михаила Ивановича, он стал работать бригадиром в колхозе «Пламя».

Закончилась война. Белоусовы имели возможность вернуться в Кронштадт, сохранился документ «Удостоверение личности», но судьба распорядится иначе. В 60-е годы из села Тропино начали уезжать люди, Белоусовы переезжают в село Корнилово.

Дочь Лидия умирает в 29 лет, оставив троих детей. Зять Мальков Пётр Дмитриевич женился во второй раз, у него другая семья.

Анастасия Фёдоровна фактически одна воспитала трёх внуков. Михаил Иванович был ранен в ногу и лёгкое. Врачи не стали делать операцию, пуля обросла и несколько лет не беспокоила. Февраль 1961 года. Пуля дала о себе знать, с Михаилом Ивановичем случился приступ. Повезли его на тракторе в Болотное, в больницу. Была сильная метель. Не довели. Открылось кровотечение...

До сих пор с благодарностью вспоминает семья Белосовых учительницу В. А. Осипенко. Именно она помогла бабушке оформить пенсию по потере кормильца, по тем временам это была большая сумма — 40 рублей. Получали алименты, и этого хватало Анастасии Фёдоровне, чтобы поднять троих детей, дать всем образование.

Анастасия Фёдоровна дожила до 84 лет, дождалась правнуков. Баловала белорусской кухней: драниками, клёцками и ягодным киселем. Она до последнего пряла, ткала, вышивала.

Сохранился в семье Асановых конверт для газет, вышитый ею. Эта семейная реликвия — напоминание о женщине, которая, несмотря на трудный жизненный путь, сумела сохранить доброту, человеколюбие, терпение. Можно позавидовать стойкости характера и тому, как она разбиралась в людях, ценила их.

Записи и фотоматериал передала в школьный музей внучка Анна Петровна Асанова.

ОДНА СУДЬБА НА ДВОИХ

У наших героев — Шелковниковых Геннадия Макаровича и Лидии Николаевны одна судьба на двоих: их объединила общая трагедия — война, невозполнимая потеря прекрасного мира детства, близких людей.

Не в срок повзрослевшие, не по годам мудрые и невероятно стойкие дети противостояли войне, при этом не потеряли чувства сострадания, любви и доброты...

Вот о них и пойдёт наш рассказ.

Лидия Николаевна родилась в сорок третьем в деревне Кармановке, она была девятым ребёнком в семье Карань Николая Ивановича и Ольги Ермолаевны.

«Мой дед Ян Карань и бабушка Мария приехали с семьёй на уже освоенные земли», — вспоминает Лидия Николаевна.

До войны их отец, Николай Иванович, работал бригадиром в колхозе «Мировое пламя». Началась война. Ему дали бронь: на указательном пальце его правой руки не было сустава. Но фронту требовались солдаты.

В сорок втором году Николая Ивановича, которому было уже 39 лет, призвали в действующую армию. Воевал он на Белорусском фронте стрелком.

— С уходом отца на фронт все тяготы военного времени легли на мамины плечи. Она бралась за любую работу: и разнорабочая, и сторож на сушилке, и повар. Пекла хлеб на дому и сдавала кладовщице Марии Кузьминичне. Ночами мама вязала рукавицы с пальчиком, чтобы удобнее было солдатам стрелять, носки, шарфы. Для этого специально держала овец, также шерсть приносили соседи.

Собирала посылки и отправляла на фронт. Как-то с фронта пришло письмо, где написано, что благодаря маме спасено много солдат от холода.

Однажды получили от отца необычную посылку: в рукавах рубашки, голенищах кальсон насыпано по полтора килограмма пшена, риса, манки — сухой паек отца.

Отец знал, что должен родиться девятый ребёнок. В письме он просил кормить самых младших, чтобы они набирались сил, а из лоскутков сшить какую-нибудь одежду для детей. Также наказывал жене, чтобы детей никому не отдавала, что он обязательно вернётся...

Это была первая и последняя весточка от отца с фронта, но тогда мы не знали об этом...

Прокормить девятерых детей матери оказалось не по силам. Постоянно недоедали, иногда не ели по три дня. Не дожив до шести лет, одна за другой в течение недели умерли две сестрёнки — Тася и Маня.

Мама вставала в пять часов утра и наказывала детям постарше, чтобы не брали чужого, не попрошайничали, по возможности помогали другим и смотрели друг за дружкой.

Каждое утро мать варила чугунок картошки, свёклы или моркови. Варёную картошку она высыпала на стол. Покушав, дети ежедневно отмывали и натирали стол до желтизны. Для этого брали песок и с помощью железной щётки чистили стол.

В трёх километрах от Кармановки находилась точка с политзаключёнными — Сиблаг. Ежедневно Лида с братьями ходили туда, обменивали варёные овощи на похлёбку, хлеб (объедки). Но были рады и этому.

Еды постоянно недоставало, в животе урчало. Особенно приходилось тяжело зимой.

Весна... Как только появлялись проталины, дети шли на колхозные поля собирать оставшийся с осени картофель.

Сапоги на них были большого размера, им их дядька отдал. Боясь оставить их в грязи, снимали и несли в руках.

Копаясь в грязи, они собирали гнилую, замёрзшую картошку.

Но вот едет объездчик. Увидав детей, подъезжает и приказывает им высыпать картофель ему в телегу. «Мы пла-

чем, говорим, что есть нечего, но что ему до наших слёз... Только отъедет подальше, мы начинаем заново собирать.

Дома шкурку обдерём, натрём на терке, а мама сделает лепёшки.

Бывало, брат Фёдор обманывал нас: «Вон ворона летит!» Мы отвлечёмся, а он хватъ и съест лепёшки.

Иногда приходили с пустыми руками, а мама нас успокаивала: «Не плачьте, Бог всё видит! Значит, ему это нужнее».

Нашей семье, как и всем другим, давали план по доставке табака на фронт. Выделенный гектар засеивали.

Всё лето на конях возили из реки воду в бочках для полива. Один черпает воду ведром, а другой принимает. Приедем на поле, начерпаем из бочки ведром воду, поливаем каждый кустик.

Пасынкуем, обрываем цветы, просушиваем, связываем в пучки.

Недалеко от сушилки ставим навесы, на шесты вешаем сушить. Измельчаем на специальной машинке, ссыпаем в мешки.

Приезжала машина из Новосибирска. Приёмщик внимательно осматривал табак и менял его на сахар.

Сорок третий год принёс беду и в наш дом. Однажды утром мы проснулись и увидели маму с письмом в руке, она тихо так плакала... Сидела и глядела в одну точку, слёзы текли по щекам. Несколько раз и в течение многих дней она перечитывала строчки: «Пропал без вести». Потом решила: «Хватит, пропал без вести — это не значит, что погиб!» Мама ждала, надеялась, что папа постучит и скажет: «Ну, вот я и пришёл, как обещал». Умерла она на семьдесят втором году, оставшись верной отцу.

Какое бы ни было тяжёлое время, надо было жить дальше и учиться. Три года мы проучились в Кармановке у учителя Елизаветы Максимовны Комадеевой.

Чернила делали из свекольного сока, выжимали его. Сначала он был красного цвета, но немного погодя превра-

щался в чёрный. Писали на газетах, в исписанных тетрадях между строчек.

Полтора года ходила пешком в Сосновку, школа находилась в пяти километрах от дома.

Трудно было зимой. Валенки дырявые. Заложешь дыры соломой, пройдёшь полкилометра, солома вылезет. Идёшь, пальцы выглядывают наружу, ноги коченеют.

Придя в школу, босые ноги спрячешь под себя на лавку и так сидишь, пока они не отогреются.

Начиная с весны и до поздней осени бегали босиком. На занятия ходили в сапогах сорок второго размера — нам отдали соседи; подошву подвязывали верёвкой.

Дети из Корнилова, Кармановки жили в интернате, и только по выходным ходили домой помыться в бане. Вши, конечно, не выводились.

Мама сшила специально из разных лоскутков нижние рубашки. Каждый день, приходя домой, мы их снимали и вешали на шостик (жёрдочку), чтобы вши выпаривались. А они бегают по воротничку, по телу, по голове...

Голову мыли каустической содой или щёлоком (древесной золой). Мама вычёсывала вшей гребешком. День-два, и снова вши. Голову посыпали дустом, но помогало ненадолго. Тогда мама брала овечьи ножницы и стригла нас налысо.

Помню, когда я должна была пойти во второй класс, чтобы собрать нас в школу, посадили с гектар картофеля. Все соседи и родственники помогли с семенами.

Выкопали его, свезли на базар в Томск. Там стояла печка-буржуйка, картофель для пробы надо было сварить. У нас всегда картофель был рассыпчатый, и его быстро раскупали. На вырученные деньги мама нам купила всем обновки: братьям — трико, а мне платье, голубенькие трусики и платок козликковый.

Сентябрь. В школу не шла, а летела, так хотелось похвастаться покупками, а то раньше всё носила на вырост.

Шёл урок. У моей соседки по парте Тамары разболелся живот. На перемене наелась жмыха, а учительница не отпустила её с занятия.

Как и когда платок упал под парту, не знаю. Только Тамара испачкала мой прекрасный новенький платочек... Что делать? Иду домой мимо речки, и решила это дело исправить: стирала-стирала, выполаскивала-выполаскивала... Положила платок на траву, сижу, жду, когда он высохнет. А тут мать приходит:

— Что ж ты, шельма, сидишь? Все дома родителям помогают, а тебе не надо?

И тут она увидела платок! Я попыталась объяснить, но мама не стала слушать. Задрала мне платье и отхлестала хорошенько прутом, при этом приговаривала:

— Никому ничего не испортили, только тебе! На себя ни копейки не потратила, всё на вас, а ты не уберегла!..

А потом села, обняла меня, заплакала и сказала: «Прости меня, дочка, я не со зла. Беречь и ценить надо труд других, да и свой тоже...»

Отучилась я только четыре с половиной года.

Работать пошла с десяти лет, в ясли, хоть и говорили, что за мною самой надо ещё присматривать. Объяснили, в чём заключается моя работа.

Давали булку хлеба, я её размачивала и посыпала сахаром, заворачивала в марлю и давала ребёнку как соску. Дети засыпали, я вытаскивала и съедала остатки «пустышки». Стирала марлю, сушила, и так на протяжении всего дня.

Через два года взяли поваром в колхоз. Работала на пару с подругой Тамарой Костюковой. Ночевали мы в полевом вагончике. В субботу ходим домой, в бане помоемся и вновь возвращаемся на рабочее место — делать домашнюю лапшу.

Три года была грузчиком: загружала силосную яму.

Проработала дояркой несколько лет. Коров доили руками, только в 1960 году у меня первой подключили доиль-

ный аппарат. В течение нескольких лет была передовичкой, мне подарили ковёр, покрывало, платок, постельное бельё. Радовалась, что приданое будет готово.

Геннадия первый раз увидела, когда он приехал устанавливать доильные аппараты.

Каждую субботу кармановская молодёжь приезжала в корниловский клуб на танцы. Там во второй раз я увидела Гену и поняла, что никто мне не нужен, кроме него. Это судьба. Позже он мне признался, что он также почувствовал это.

В шестьдесят восьмом году сыграли свадьбу, переехали в Корнилово».

Похожей оказалась судьба семьи Геннадия Макаровича Шелковникова.

Родители, Макар Фёдорович и Антонина Тарасовна, поженились в 1926 году. Отец был на год моложе её, тоже из бедняцкой семьи. Жили очень дружно. В годы коллективизации вступили в колхоз «Вперёд».

Перед войной отец окончил курсы механизаторов и работал трактористом.

Третьего июля 1942 года его проводили на фронт.

Война шла на западе, а его, как многих из Болотнинского района, повезли на восток. У матери на руках осталось семеро детей, она была беременна восьмым.

Как жилось семье? «Моё сердце до сих пор сжимается от жалости к маме, ей труднее всего пришлось во время войны», — рассказывал Геннадий Макарович. Ели что придётся, собирали на полях мороженую картошку, пекли из неё лепёшки, совершенно пустые, без соли и масла. Теперь такое никто не станет есть!

Ребятишки работали в колхозе, помогали взрослым — старикам и женщинам.

Они с нетерпением ждали с фронта своего кормильца. Думали постоянно о том, чтобы страшная беда — смерть — обошла стороной.

И вот радость! В начале мая сорок третьего года отец был отпущен домой по болезни. Пришёл ночью пешком

из Болотного, а утром уже вышел на работу. Через неделю его послали на машинно-тракторную станцию за новым трактором. Всю посевную на нём пахал под яровые.

Но недолго длилась радость. Во время вспашки паров отца неожиданно вызвали в военкомат на перекомиссию. Признали годным к службе и забрали на фронт.

Попал в гаубичную батарею. Участвовал в освобождении Украины, Белоруссии.

«Помню письмо от отца с фронта, мама часто его перечитывала нам вслух. «Разлилась Волга широко, я от вас теперь далёко» — по этим строчкам мы догадались о его местонахождении. «Пишу на лопате ночью, а светло как днём. Ракеты не перестают вспыхивать в небе. Недавно было интересное ранение. Пуля сняла кожу со лба...» Дальше он обращался к своей жене, он её называл «тоненькая Тоня»: «Всё равно, любимая моя, расцветёт черёмуха».

Весной сорок четвёртого года на нашем тополе куковала кукушка. Мама говорила, что это плохая примета. И действительно, в конце лета отец погиб. Мы получили письмо от его товарищей и похоронку.

Вот это письмо из сорок четвёртого военного года: «Уважаемая Антонина Тарасовна, мне очень тяжело писать Вам это письмо, но я должен известить Вас, что вчера Ваш муж, Макар Фёдорович Шелковников, безвременно погиб смертью храбрых на поле боя. Крупный осколок попал ему в поясницу, и он скончался за несколько минут. Похоронили его с воинскими почестями в деревне Емелите Старее на территории Польши. Мы все, его боевые друзья, глубоко соболезнуем об этой тяжёлой утрате. Если мы сможем Вам чем-нибудь помочь, то пишите по адресу: полевая почта 34465-8. С уважением к Вам начальник политотдела артдивизиона гвардии майор Зусманович. 27 августа 1944 года».

Похоронен отец в Польше, в Белостокском воеводстве.

Закончилась война. Однажды к нашему дому подъехала председательша колхоза «Дружба» Галина Кононовна Ядченко:

— Антонина Тарасовна, тем, у кого погибли на фронте мужья, прислали по 200 рублей. А ещё на почте вас ждут посылки.

Там, у почтового окошечка, повстречались две вдовы — Карань Ольга Ермолаевна и Шелковникова Антонина Тарасовна. Кто бы мог подумать, что позже судьба свяжет их детей на пятьдесят лет!

Посылка пришла от друзей отца, дошедших до Германии, в ней было очень много платьев для девочек. Ведь отец не знал, что не выжило шестеро детей...

До сих пор мы храним покрывало из той посылки, стелем по праздникам: на Пасху, Троицу и, конечно же, на Девятое мая».

К сожалению, это было последнее интервью с Геннадием Макаровичем. Он умер 22 мая 2018 года на руках у жены...

НЕ ДЕТСТВО

Моя тетя Эмма Александровна Прусова (Клостер) до войны жила в селе Оренбург Саратовской области. В семье было трое детей.

Отец, Александр Егорович, был участковым, а мама, Роза Константиновна, работала продавцом. Держали большое хозяйство. У Эммы было беззаботное детство, училась в первом классе.

Началась война, в корне поменявшая её жизнь.

Через несколько дней забрали отца, как и многих репрессированных немцев, в трудармию; его дальнейшая судьба неизвестна — пропал без вести.

Мать осталась с тремя детьми одна.

«Спустя несколько недель приехали и за нами, перед этим забрали весь скот, дав справку вместо денег. Не дали жителям села собрать одежду и взять еду, всех посадили на баржу, и целый месяц мы плыли по реке Волге. Затем везли на поезде, в скотских вагонах. Если на барже хоть выдавали суп, воду, то в поезде ничего не давали. До сих пор помню плач, крик других детей и постоянное чувство голода».

И вот — деревня Ширяевка Болотнинского района (сейчас её нет). Приезжих расселяли по домам. Семья Клостер попала к одной старушке, она отказалась их впустить в дом. Председатель выбил дверь, которая держалась на кожаных ремнях. «Не сложились отношения с этой бабушкой, вскоре мы стали жить в калмыцком бараке: стены и пол, вымазанные глиной и коровяком. Окна небольшие, полаты вдоль стен.

Размер барака — десять на восемь, в котором проживало семь семей; было очень тесно, грязь, вонь, заедали вши.

Мы плохо знали русский язык, трудно было найти работу. Мама лето и осень ходила до Болотного, меняла на продукты ткань, которую прихватила с собой. Какое-то время от голода спасала справка, выданная за коров — по ней получали мясо. Сварим мясо, добавим в мясной бульон шелу-

ху от картофеля, перекрученную на мясорубке, — вкуснее супа этого я ничего не ела.

Началась долгая и холодная зима сорок первого. Мы ходили и побирались по домам, а мама за чашку капусты или ведро картошки выполняла любую работу: полола, копала картошку, убирала лён.

С наступлением весны стали ходить на огороды, искали мёрзлую картошку, а из очистков вырезали глазки и оставляли их на посадку. На полях собирали оставшиеся колоски. Однажды я насобираала колосков из грязи, хотела идти домой, но появился объездчик и приказал положить колоски назад.

Мама очень хотела, чтобы я выучилась на врача, но я закончила только первый класс. Во втором классе прочулась только несколько месяцев. Помню свой первый день в школе: презрительные взгляды окружающих и постоянный окрик: «Фашисты! Фрицы!».

Надеть было нечего, мать сшила из своих юбок платье, кофту, валенки были разного цвета: один черный, а другой серый.

До сих пор помню полотняные штаны — надетые на голое тело, они натирали ноги до крови. После занятий в школе я с сестрой и братом отправлялась в лес за дровами и испытывала при ходьбе невыносимую боль, но холод и голод был сильнее этой боли. Я застудилась, сильно опухла щека, болел зуб — флюс.

Надолго осталась дома, в школу не хотела возвращаться, чтобы опять не слышать унижения.

Закончилась война, мне тринадцать. От отца всю войну не было вестей, в конце сорок пятого получили извещение о его смерти. Мама к тому времени очень болела».

В тринадцать лет началась трудовая биография Эммы Александровны: пахала на тракторе, работала поваром — ее хвалили за вкусные обеды и чистоплотность; много лет проработала техничкой в школе.

Вспоминая о своём детстве, Эмма Александровна постоянно украдкой вытирала слёзы.

ТЁТЯ ЛЕНА — ЛОКОМОТИВ

Детство. Юность. Болотное. Вокзал. Вагонное депо. Нечётный Парк. От вокзала до улицы Нечётный Парк, если через вагонное депо, пешком минут десять ходьбы. Сколько раз я преодолевала этот путь в детстве, в юности, учась в Новосибирском пединституте. С вечера приезжала в Болотное и ночевала у тёти Лены.

Тётя Лена после потери мужа и единственного сына не очень любит вспоминать о прошлом.

— Я как тот старый вагон, не подлежащий ремонту. Слишком долго задержалась на этом свете, груз тяжести, одиночества и пустоты от пережитого давит каждую ночь, хочется побыстрее освободиться от этого.

Тёте Лене 8 июня исполнилось девяносто четыре года, большую половину прожитых лет отработала она в вагонном депо.

«Моя родина — деревня Ширияевка (нет на карте Болотнинского района). Из одиннадцати детей в семье Прусовых Марии Евтиховны и Осипа Тихоновича выжило восемь. Я была вторым ребёнком. Закончила четыре класса в Ширияевской начальной школе. Ни одеться, ни обуться, чтобы продолжить образование в Кривояше...

Кто знает, как сложилась бы моя судьба, если бы не война... Батьку забрали на фронт сразу, matka осталась с шестью детьми.

Сергей, старший брат, первым уехал в Болотное. Устроился в вагонное депо на железную дорогу охранником на путях.

Матке очень тяжело было всех нас поднимать одной. Пошла работать с двенадцати лет: доила коров, на быках возила силос на ферму.

В сорок втором я уехала к брату в Болотное. Устроилась на железную дорогу — маляром, образования-то никакого не получила.

В вагонном депо работали такие же, как я, — дети по 15–16 лет. Условия работы были тяжелые, но мы все понимали — работать надо во имя Победы. Иногда приходилось работать по двадцать часов в день.

Несколько дней побыла ученицей. А потом начались трудовые будни: привезут цистерн штук десять-пятнадцать — это суточная норма для покраски.

А я роста небольшого, достать не могу до самого верха — мои напарницы Анна Фёдорова и Роза Охотникова подсадят меня.

Дня через три высохнут цистерны, и их уже с грузом отправляли на фронт. И сколько таких составов было отправлено за сорок шесть лет — не счесть.

Работала в военные, да и в послевоенные годы без выходных, бывало, неделями не отходила от своего рабочего места.

Редкий случай выпадал, когда бывала дома в Ширяевке. За всю войну от батьки не было ни одной весточки, думали, что уже не свидимся.

Батька домой вернулся только в сорок шестом, был в плену и долго восстанавливал документы.

Был февраль месяц, стоял мороз под тридцать градусов. Его дядька Максим привёз, а то бы замёрз по дороге. Одет был легко.

Помню, новость быстро облетела всю деревню, односельчане собрались, чтобы отметить его долгое возвращение с войны.

В послевоенное время стали выдавать зарплату, я её почти всю отдавала матке. Батьку на работу долго не брали, а в сорок седьмом родился брат Михаил.

В пятьдесят пятом родился сын Саша, но я продолжала работать. Немного подрос, и потом уже matka его доглядывала.

Постепенно жизнь налаживаться стала. Выдавали спецодежду, хорошо кормили в железнодорожной столовой: и первое с мясом, и второе с котлеткой или гуляшом, и третье.

А, что рассказывать... Много забылось, память плохая стала, но помню хорошо, когда появилась первая электричка. Это случилось в пятьдесят восьмом году. Саше всего три годика, но уже проявлял любопытство и терпение. На перроне станции Болотной тьма народу. Все ждали, когда тронется электропоезд (локомотив). Загорелся зелёный свет светофора, и он плавно тронулся в путь».

Слушая рассказ тётки Ленки, я думала, что она не вагон, она — локомотив, и все эти годы на себе она тащила домашнее хозяйство, семью, решала все житейские проблемы и при этом работала, не обращая внимания на остановки.

ЦЕНА БИДОНА СЫВОРОТКИ

Кривощёкову Марию Васильевну я помню с детства, она жила на Центральной улице в деревянной рубленой избе-пятистенке, её снесли, как и многие дома, когда начали строить торговый центр, школу.

Это худенькая, с азиатским лицом женщина, с большими карими глазами, в которых, мне казалось, навсегда поселилась грусть от прожитых лет.

Она не любила ворошить прошлое.

«Мало я видела хорошего в жизни, больше было потерь и страданий. В годы войны родила и похоронила первых двойняшек, трагически погиб муж, осталась с двумя детьми — четырёхгодовалой дочкой Лидой и двухгодовалым сыном Андреем», — это то, что она мне сказала при нашей встрече.

Затем Мария Васильевна подошла к сундуку и достала фотоальбом, присела на кровать и, листая альбом, всматривалась в лица близких людей, которых нет давно в живых.

Из альбома выпала фотография, я подняла её и увидела знакомое лицо — ведь это её дочь Лида. Но надпись и пейзаж, на фоне которого стояли две девушки, говорили, что это Мария Васильевна в молодости.

Запала мне в память и душу надпись на этой фотографии:

Милая мама, ты вспомни,
Какую пошла провожать.
Одиннадцать лет миновало,
С тех пор ты меня не видала, —
Такую ты будешь встречать.

Мария Васильевна отказалась её комментировать. Мы с ней досмотрели альбом, она разрешила взять фото, чтобы отсканировать их для конкурса.

О смысле этой надписи узнала после того, как сноха Наталья Николаевна по просьбе Марии Васильевны передала дневник, фотографии в школьный музей и историю жизни этой женщины, написанную на тетрадном листочке.

«Разве думала семнадцатилетняя девушка, уезжая в 1941 году с подругами Татьяной Алексеевной Асановой и Татьяной Петровной Асановой в Алтайский край, для поступления на сыродела при институте, в учебном хозяйстве «Алтайское», что судьба так жестоко распорядится.

По окончании учебного заведения работала в Чарышском районе мастером-сыроделом в РайСырПроме. Ездили по деревням: Щебнюха, Башелак и в других ближайших хозяйствах, привозили молоко, которое перерабатывали на сыр, сливки.

Работая мастером-сыроделом, я взяла для большого соседского ребёнка три литра сыворотки. Народный суд с выездом на место рассмотрел дело, обвинил в краже и приговорил меня к пяти годам лишения свободы с заключением под стражу».

В местах заключения она пишет стихи. Вот стихотворение подруге, которое называется «К Вере»:

Одной тебе пишу я, Вера,
Одна лишь ты меня поймёшь,
Одна лишь ты мне всё поверишь.
Ты в ряд со мной одна идёшь.
Ты видишь всё и всё ты знаешь,
Одной тебе понятен крах.
С тобой мы вместе испытали
Одну беду в одних силках.
Не раз, а часто вспоминаю:
Счастливый тот, кто там живёт,
Кто там природу, лето знает,
Цветы весенние там рвёт.
Но горе тем, кто там работал,
Где мы с тобой побыли раз.
Беда и той одной Марии,

Что там работала до нас.
Ты посмотри на меня, Вера, —
И что за жизнь, на что она?
Кто наградил меня той жизнью
И кем жизнь эта мне дана?
Природа жизнь мне подарила,
А с нею много, много бед,
И надо мной судьба смеётся
Не год, не два, а много лет.
Не жаль мне с жизнью расставаться,
Не жаль покинуть этот свет!
Не жаль, что в гроб меня положат,
Ничто не жаль, не жаль мне, нет!

Цена бидона сыворотки для Марии Ивановны — пять лет тюрьмы.

В село Корнилово смогла вернуться спустя одиннадцать лет. Вышла замуж за Ивана Кривощёкова, с которым познакомилась в Красноярском крае и некоторое время с ним работала на Петропавловском прииске.

Мужа забрали в армию, Мария осталась одна, беременная; родила двойню, но дети вскоре умерли.

Иван демобилизовался, и жизнь вроде стала налаживаться. Родила двух детишек. Срубили избу, но в день, когда справляли новоселье, трагически погибает муж.

После его смерти она больше не вышла замуж. Мария одна поднимала детей, много работала: на заправке, завскладом, свинаркой на ферме.

Выросли дети, вот уже и внуки, а у Марии Васильевны больше свободного времени: прядёт, вяжет спицами кружевные скатерти, салфетки, много читает, особенно про любовь, да и с компьютером на «ты».

В последнее время часто доставала дневник, снова и снова перечитывала его... О чём она думала в эти минуты? Никто не узнает. Из жизни ушла тихо, незаметно, как и жила...

«БЫЛ ЖЕНАТ НА СВОЕЙ РАБОТЕ...»

Улица Школьная. Здесь на возвышенности стоит дом, в котором с 1981 года проживает семья Счастливых.

Год назад не стало хозяина этой усадьбы — Сергея Васильевича. Нас встретила его жена, Тамара Андреевна.

Когда я обратилась к ней с просьбой рассказать о муже, она с грустной улыбкой начала: «Я не как жена Горбачёва, с мужем не разъезжала. Работала в интернате, вела домашнее хозяйство, растила детей, а у мужа на первом месте всегда была работа...»

Счастливый Сергей родился в первый послевоенный год в посёлке Таганай Болотнинского района в крестьянской семье, родители — Василий Игнатович и Ксения Кононовна.

«А ведь мог и не родиться», — часто подшучивал он. Отец, участник Великой Отечественной войны, вспоминал офицера, благодаря которому он остался жив. В одном из боёв Василий Игнатович был ранен в ногу, оторвало ступню. Офицер приказал другому бойцу вынести с поля боя раненого.

После войны отец работал киномехаником.

Мать Сергея, Ксения Кононовна, работала до войны секретарём сельсовета, а после возвращения мужа с фронта продавала билеты в клубе на киносеанс.

Закончив Таганайскую среднюю школу, Сергей Васильевич поступает по направлению от Чебулинского совхоза в Новосибирский сельскохозяйственный институт на факультет «Механизация сельского хозяйства». Учился хорошо, совхоз платил ежемесячно стипендию — тридцать пять рублей.

Окончив НСХИ, Счастливый возвратился в Чебулинский совхоз и работал в должности инженера-контролёра.

Через пять месяцев призвали в армию, служил в ракетных войсках. Через год демобилизовался.

Два года отработал в Кривояшенском совхозе механиком по сельхозмашинам. Здесь и повстречал свою будущую жену Тамару, она по направлению от базы райпо работала бухгалтером.

Через год поженились. Молодожёнам дали квартиру, у них родилась дочка.

По решению Управления сельского хозяйства Болотнинского района в 1972 году Сергей Счастливый был направлен в колхоз «Вперёд к коммунизму» главным инженером.

Тамара Андреевна вспоминает с грустью, как их встретило село Корнилово. На улице Центральной семье Счастливых выделили жильё — дом-пятистенку. Ворот нет, перешагнули через жерди, которыми была огорожена изба, крыльца тоже не было, сразу вошли в сени. Дом делила русская печь на две жилые комнаты. Вместо проводки зияла дыра. В таких условиях с маленьким ребёнком, к тому же девочка часто болела, жить сложно.

Тамара Андреевна уехала с дочкой к своим родителям в Болотное. Сергея Васильевича поселили на дому у Штумпф Андрея Андреевича и Анны Александровны.

«Мужа не было рядом, когда дочери стало плохо. Он был всегда занят работой, в этот день шло совещание. Дочка умерла...»

В семьдесят шестом Счастливого избирают в Новосибирский областной совет народных депутатов.

Через год назначили освобождённым секретарём парткома колхоза.

С 1978 года он председательствует в колхозе «Вперёд к коммунизму».

Сергей Васильевич ежедневно отправлялся на место трудовых действий: в поле, на ферму, на заготовку древесины для ремонта ферм, изготовления кормушек, настила полов и других хозяйственных нужд. Он успевал несколько раз проехать туда и обратно.

С. В. Счастливый всегда находил для каждого доброе слово, любил пошутить: «Только начинается заготовка

сена — тут же дожди нагрянут. Вот так в небесной канцелярии всё перепутывается. Когда нужен дождь — его нет, без нужды — зарядит». Но если надо, мог и побранить.

До сих пор жители села вспоминают, как всем селом отмечали окончание посевной, «отсевки». Мероприятие проводилось в лесу: с высокой трибуны председатель колхоза открыл собрание, выступали после него специалисты. Затем чествовали отличившихся. До самого вечера проходили спортивные соревнования, концертные номера, работал с выездом магазин.

За годы работы на председательской должности Сергей Васильевич многое сделал для развития села. Поднята дорога на деревни Кармановка и Сосновка. Построена колхозная баня: пятница — женский день, суббота — мужской. Через стенку открыт Дом быта. Отстроен кирпичный гараж. Перенесли ферму за сушилку.

Была у председателя мечта — за улицей Молодёжной построить новую улицу, а Центральную оставить частью федеральной трассы Новосибирск — Тогучин.

В Корнилово, Кармановку, как и во многие деревни нашего района, приезжали вынужденные переселенцы. Жилья не хватало.

Сергей Васильевич съездил в Алтайский край, где заказал проект финских домов. Именно благодаря этому проекту построена улица Молодёжная.

Но, как говорится, не зарекайся от тюрьмы и от сумы. В восемьдесят пятом он был арестован органами ОБХСС и осуждён на восемь лет. Жена Сергея Васильевича добилась апелляции, Верховный суд сократил срок до пяти лет. В 1989-м в июле он был освобождён досрочно.

Вернулся в своё село, приняли в колхоз прорабом. Через год назначен главным инженером.

Перестройка... С 1994 года Счастливый — председатель акционерного общества «Вперёд» (от старого названия колхоза «Вперёд к коммунизму» отбросили последнее слово).

Сергей Васильевич — глава ассоциации крестьянских (фермерских) хозяйств «Колос». Хозяйство занималось зерном, мясом и молоком. В 2000 году, давая интервью, он говорил: «Пшеница нынче уродилась неважная, хотя и лучше, чем в прошлом году. Количество поголовья — 437, 180 из которого — коровы. Молоком стало заниматься невыгодно. Если не так давно его принимали по четыре рубля за литр, то теперь — по два с половиной рубля. На всё выросли цены.

Гаражи стоят пустые — вся техника или в поле, или в мастерских акционерного общества, идёт ремонт комбайнов. Две бригады занимаются ремонтом ферм. Фермеры готовятся к зиме: заготавливают и вывозят сено, пахут пары. Жизнь идёт своим чередом».

В 1995 году из соединения названий двух фирм образовалось название общества — ООО «Белсин» — по выпечке хлеба и изготовлению колбасы. Сергей Васильевич по совместительству занимал должность генерального директора в ООО «Белсин».

Он обеспечивал жителей села рабочими местами — тридцать пять человек были трудоустроены.

О «белсиновской» продукции жители Болотнинского района вспоминают до сих пор.

На этом предприятии выпускали колбасу восьми сортов, по заказу — пастрому, корейку и другие мясные деликатесы. Делали пельмени и пекли хлеб. Жители села по сей день вспоминают тот запах свежееиспечённого хлеба...

Один раз в неделю изготавливали мясную продукцию. В день делали до семисот килограммов колбасы, которая потом поступала на прилавки магазинов Болотнинского и Тогучинского районов.

До кризиса девяносто седьмого года был налажен рынок сбыта. Большинство продукции поставляли на шахты Кемеровской области. В месяц выпускали двенадцать тонн мясной продукции, но к 2000 году — сокращение почти в четыре раза...

Цены на мясо резко подскочили вверх, и основных заказчиков потеряли.

В последние годы Сергея Васильевича можно было видеть на рыбалке, в лесу или с фотоаппаратом. «Местный папарацци», так в шутку называли его. На всех мероприятиях он фотографировал, снимал видео и выкладывал в социальных сетях.

Этот человек всегда был полон планов и надежд на лучшее будущее. Он жил ими и, как говорит его жена Тамара Андреевна, «был женат на своей работе».

ПО ЖИЗНИ С ПЕСНЕЙ

С этой женщиной я знакома с восьмидесятых годов, когда меня, девятнадцатилетнюю девушку, направили в Кармановскую начальную школу вести сразу три класса. Очень отзывчивый и добрый народ живёт в Кармановке.

Сколько помню Надежду Михайловну Крамер — это серьёзная, чуткая, спокойная, рассудительная женщина, это только на первый взгляд мальчишеская причёска, придаёт ей какую-то необузданность, лёгкость, весёлость.

Свой рассказ Надежда Михайловна начала с истории дедушки и бабушки, которым она многим обязана.

«Мой дед Матвей Михайлович и бабушка Екатерина Ивановна Гапоновы с семьёй приехали в Сибирь в 1915 году из Орловской области на уже освоенные земли. Хутор Кармановский состоял из двенадцати дворов.

Хозяйство Гапоновых было крепкое, жили в добротной избе. Работали с утра до ночи.

С началом войны в избе деда Матвея стали проживать ещё две семьи: моя мама и тётя Надя — солдатка с дочерью. Мама Анастасия Матвеевна работала на тракторе, дояркой в колхозе «Мировое пламя».

Как и многие в военные годы, наша семья жила очень тяжело. Отдавали большие налоги государству, непосильные для нашей семьи, это был натуральный налог: молоко, масло, яйцо, зерно.

Я ребёнок войны, родилась пятнадцатого января сорок первого года. С отцом мама не жила. Да и мужиков в годы войны, да и после неё называли «беспривязные», а женщины решали сами, заводить детей или нет, — как говорили, ребёнок был «самодельным».

Мама, оправившись после родов, ездила в санитарном поезде на длительное время. Я воспитывалась у бабушки с дедушкой.

Запомнился случай. Хотела покататься на быках с дядей Геной. Чтобы сократить путь, решила перелезть через частокол. Зацепилась платьем и повисла вниз головой. Вишу, боюсь шевельнуться.

Дядя поспешил на помощь, снял меня, и нет чтобы пожалеть, а он шлепков мне навесил, при этом приговаривал: «Ты куда лезешь, вишь, решила прокатиться, шкодница! А если б изуродовалась?»

Мама домой вернулась в 1944 году, беременная, а в срок пятом родилась сестрёнка Галя.

У меня всего пять классов образования. Четыре года проучилась в Кармановке у учителя Елизаветы Максимовны Петручени (Комадеевой), год в Юрге.

Помню, как делали чернила из свекольного сока. Пока сок выжмешь, весь испачкаешься так, что подолгу отмоешься в корыте. Интересно, сначала сок был красного цвета, но спустя какое-то время чернел. Писали на газетах или в исписанных тетрадях между строчек.

Мне было лет восемь, но хорошо помню этот день. Приехал уполномоченный из Болотного конфисковывать имущество. Мама сказала: «Гони, гони, дочка, корову по огороду, чтобы не отобрали». Так наша коровушка осталась, благодаря которой мы и выжили.

Маме надо было помогать. Уже в двенадцать лет работала наряду со взрослыми, возила на волокуше сено. Две берёзины приделаны к коню, сама сверху. Устанет животи́на, делаем перерыв, погоним их поить к пруду; бывало, как «бзыкнёт» — и в лес, а потом ищи коня, продираясь по лесным зарослям.

С четырнадцати лет доверили коров. У каждой доярки по тринадцать коров, раздаивали после отёла, три раза в день и всё вручную. Только в конце шестидесятых подключили доильный аппарат.

Замуж вышла в восемнадцать лет за Виктора Филипповича Крамера. Познакомились на вечерке. Жили дружно. Четверо детей.

В свободное время брали литовки, выкашивали траву, где кочки, околки. Уставали, что ни рук, ни ног не чувствовали, а как затынем нашу кармановскую... и будто усталость отступала перед песнею.

С конца июня стригли овец, а их тысяча голов. Подъедет шофёр Владимир Юркевич на грузовой машине, залезем в кузов — и с песней «Расцвела под окошком белоснежная вишня»...

Овчарня находилась под Корнилово, на горе, её называли «вторая Ача». Вид с неё просто завораживал, а воздух!.. и эти необъятные просторы!

Стрижём овец, шутим и поём. И как-то песня нас роднит, единение душ, что ли, происходит, ощущение лёгкости на душе и в работе...

Погрузим в машину шерсть в мешках, отправим в Болотное, а там она шла на пимокатную.

К вечеру приедут парторг Александр Сергеевич Грибовский и Константин Александрович Мунгалов и разрешат резать баранчика.

Мы мясо во флягу, поставим её на костёр, потушим с зеленью, напечём картошки в мундире. Заварим травяной чай, всё под боком: лист клубники и смородины, шиповник, душица. Соленья и варенья из дома с собою прихватим.

И льётся песня наша, кармановская:

За горою у колодца,
Где студёная вода,
Вслед за жнейкою вязала
Снопы девка молода.

С этой песней мы объехали многие сёла Болотнинского, Тогучинского районов. Мы — это учительница Вера Алексеевна Можейко, она руководила художественной самодеятельностью и пела удивительно чистым голосом, и моя подруга Вера Лоцейко.

Наверное, песня помогала в жизни. Только дояркой проработала двадцать три года из тридцатипятилетнего общего стажа в колхозе.

На протяжении многих лет была передовичкой: подарили прялку электрическую из Новосибирска, платок, постельное бельё. Давали путёвку в санаторий, да куда ехать — дети маленькие, хозяйство.

Муж Владимир мне очень помогал, поддерживал. Он тоже сорок пять лет проработал механизатором в Кармановке. Везде вместе — и работали, и отдыхали.

Дни рождения, праздники справляли в красном уголке. Принесём кто что может, и неважно, чей день рождения, — шутим и поём, поём... Трудно жили, но весело было!» — на позитивной ноте заканчивает своё повествование Надежда Михайловна, по-детски тряхнув короткой стрижкой.

Н. М. Крамер — ветеран труда, имеет много наград, была ударником 12-й пятилетки. Неоднократно была участницей слёта передовиков.

В 1994 году её наградили медалью и присвоили почётное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства РФ».

Сейчас Надежда Михайловна живёт у детей. Мы с ней иногда перезваниваемся. Я сказала, что пишу о ней статью, а она с задорным смехом наказывает: «Смотри, Оля, ничего лишнего не напиши...»

ЁЛГИН ВАЛЕРИЙ — МОРЕМАН С ГОЛОВЫ ДО НОГ

3 ноября 2014 года ушел из жизни Валерий Александрович Ёлгин. «Мореман с головы до ног», — так сказал о нём Владимир Гаврилович Осипенко.

Моряки-подводники — представители самой героической и романтической морской профессии. Они отличаются смелостью, храбростью и мужеством. Они беззаветно преданы своему воинскому долгу. Среди наших односельчан службу на подводной лодке проходили Лебедев Николай Васильевич, Ёлгин Валерий Александрович, Мальцев Анатолий Григорьевич, Дасько Иван Александрович.

В. А. Ёлгин всю жизнь был предан морской дружбе. Первая встреча с ним произошла в 2005 году. Именно Валерий Александрович привёз информацию о подлодке К-129, гибель которой долгие годы скрывали. С этого времени начинается активная поисковая краеведческая деятельность школьного музея по данному направлению. Ежегодно проводятся Дни памяти и скорби — ко Дню подводника и к дате гибели подводной лодки.

Первого сентября 2006 года в Корниловской средней общеобразовательной школе появилась мемориальная доска — памятный знак экипажу подводной лодки К-129. Школе присвоено имя земляка — подводника Ивана Дасько. Этим событием все мы, односельчане, обязаны Валерию Александровичу.

Сам он три года отслужил на Северном флоте. Вспоминая службу на подводной лодке, Валерий Александрович как-то обмолвился, что мысли о малой родине, родителях, фото любимой девушки — всё это придавало сил. Он считал своим долгом увековечить память о девятистах восьми подводниках, в том числе об Иване Дасько.

По воспоминаниям одноклассника, Сергея Анатольевича Асанова: «С Валерием Ёлгиным мы учились в начальной школе в Корнилово. Девять классов закончили в Большереченской школе. Три года в Ояшинском ПТУ. Нас много училось из села Корнилово: Ёлгин Михаил, Чураков Владимир, Колосов Владимир, Лебедев Михаил, Ёлгин Валерий. Жили в общежитии, питались в столовой при ПТУ. Обучались на отделении тракторного роста, шофёра, комбайнера, слесаря, четыре профессии освоили за два года обучения.

Для прохождения практики направили в родное село, в колхоз «Вперёд к коммунизму». За нами был закреплён механик тракторной бригады Н. М. Белоусов. Мы пахали, сеяли с большим энтузиазмом. Время пролетело быстро».

После получения диплома все разъехались кто куда: кто в армию, кто продолжил работу в колхозе. Валерий Александрович был призван на флот. Отслужив, отучился в учебном комбинате «Минмонтажспецстрой», а по окончании его зачислили электромонтажником в Омское монтажное управление треста «Сибэлектромонтаж». Позже получил вторую профессию — электросварщик.

До пенсии проработал на омском Сибзаводе электромонтёром по ремонту оборудования. Валерий Александрович проявил себя как рационализатор, и за это ему в 1988 году присвоено звание «Мастер золотые руки». И правда — золотые: многим односельчанам, знакомым он помогал по своей специальности, будучи на пенсии.

Валерий Александрович награждён медалью «Ветеран труда», ему присвоено почётное звание «Ветеран Сибзавода». За годы работы проявил организаторские способности и по профсоюзной линии был выдвинут председателем цехового комитета, проработал три года.

В 2008 ушёл на заслуженный отдых (пенсию).

Со временем стираются сюжеты и события жизни. Но не стираются из памяти лица тех людей, которые были с нами рядом, людей, которые ушли от нас навсегда — но останутся в нашей памяти, в сердцах родителей, в сердцах друзей, в сердцах односельчан, в сердцах всех тех, кто знал их.

ПОГИБ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ

В трудный послевоенный, голодный 1947 год, в самые суровые крещенские морозы в заснеженной деревушке Александровке в крестьянской семье родился Ваня Дасько. В семье он был первым ребёнком, позже родились сестра Галя и два брата — Василий и Александр. Мать, Ольга Григорьевна, воспитывала так детей, чтобы они могли выполнять любую работу, не делили на мужскую и женскую. Иван всегда говорил, что будет делать абсолютно всё, но только где требуется сильная мужская рука. Много времени мальчик проводил у бабушки, их дома были рядом. Ваня рос не по возрасту серьёзным, самостоятельным мальчишкой.

В пятьдесят седьмом семья переезжает из Александровки в Корнилово. Зимой, как все мальчишки, Ваня с удовольствием катался на лыжах, коньках. Летом купался, ходил за ягодой, грибами. Особенно ему удавалось собирать грузди. Увлечённо играл в лапту. Иван не очень любил изливать душу, был замкнут, но в то же время готов был помочь любому, кто нуждался в помощи, у него было много друзей.

В школе по всем предметам Ваня учился ровно. Однажды в деревне остановилась военная часть. Тринадцатилетний Ваня у солдат на сало выменял гюйс и ленточку от бескозырки. Положил их под подушку, часто доставал и примерял. Видимо, тогда и появилась мечта служить во флоте.

После окончания школы пошел учиться в Тайгинское электромонтажное училище, за время учёбы сдружился с Иваном Королёвым, которого он считал братом. Вместе окончили училище, поехали работать в город Чаны, вместе были призваны в армию.

С первой полочки маме Ваня купил маленькие часики, а на 8 Марта сделал всем подарки: маме — бусы и серь-

Галина Андреевна вспоминала: «Мама всё ждала его, несмотря ни на какие уговоры, ведь тело так и не нашли. Она говорила мне: «Я точно знаю, когда Ваня погиб — не восьмого марта, а на сутки раньше. В тот день со мной творилось что-то странное. Я беспричинно лила слёзы, меня сотрясала нервная дрожь, часто менялось настроение. Я уверена, пройдёт и тридцать лет, но Ваня вернётся домой».

8 августа 1969 года вновь пришёл ответ от В. Дыгало, в котором он подтверждал гибель Ивана. Выдали свидетельство о смерти с записью — «считать умершим». Многие родственники погибших, убитые горем, смирились и с этой записью, но Ольга Григорьевна продолжала писать, звонить.

Спустя тридцать лет, 8 марта 1998 года в посёлке Рыбачий, куда приписана и откуда уходила в свой последний поход подводная лодка К-129, прошла торжественная церемония с участием главкома ВМФ России.

Впервые прибыли родственники погибших и прошёл траурный митинг в память о советских подводниках. Ушли годы на то, чтобы Ивана Дасько признали погибшим при исполнении служебных обязанностей. Его похоронила волна.

Указом президента РФ за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга, все 98 членов экипажа награждены посмертно орденами Мужества.

РОВЕСНИЦА ОБЛАСТИ

Много замечательных людей живёт в селе Корнилово — это те, кто много сделал для родного края! Хочется рассказать о судьбе Раисы Васильевны Мальцевой. Ей исполнилось 80 лет, она ровесница Новосибирской области. Полжизни, 40 лет, отдано любимому делу — преподаванию русского языка и литературы. Вся её педагогическая деятельность прошла в Болотнинском районе.

Родилась 31 июля в 1937 году в городе Тогучине, в маленьком деревянном домике на улице Береговой. Семья многодетная, она — второй ребёнок.

Отец, Василий Тарасович Поломошнов, прожил всего сорок два года. Работал на военном заводе до 1944 года, там произошёл несчастный случай — разорвался снаряд. Он был ранен в ногу, которая беспокоила его до конца жизни.

Переехали в Корнилово. Василий Тарасович по тем временам был грамотным (окончил четыре класса). Устроился работать председателем сельпо (сельское потребительское общество), привозил продовольственные и промышленные товары.

Мать, Мария Ивановна Козлова, сначала работала на свиноферме в колхозе «Вперёд», затем на курятнике и до пенсии — дояркой. Дети почти не видели родителей дома.

Детство Раисе Васильевне запомнилось очень хорошо. «Война, я совсем маленькая девочка, мне было четыре года, — вспоминает она. — Сидим на печке, ждём маму с работы. По репродуктору слушаем концерт из военных песен «Огонь по врагу». Я все песни знала, подпевала исполнителям. И тут передали, что началась война...

Окончив в Большебереченской школе пять классов (в Корнилово была лишь начальная школа), семилетку

отучилась в Болотном. Поступила в Болотнинское педагогическое училище и с успехом его окончила.

Я с детских лет мечтала стать учительницей. Собирала своих младших братьев и сестёр, а их четверо, и представляла себя стоящей у доски, учила их писать и читать».

И вот молоденькая девятнадцатилетняя учительница по распределению попала в Кривояшенскую школу. «Дали первый класс, более тридцати человек. Как замирало сердце, когда шла на свой первый урок! Пришла на занятие и директор школы Мурашко Мария Даниловна, дала положительный отзыв.

Правда, как и сейчас, и в то время были дети с ограниченными возможностями. Вспоминаю Колю, который в первом классе три года оставался на повторное обучение. Буквы запомнил, но по-своему: например, буква Т — молоток, буква О — баранки».

Но не только этим запомнилась её первая школа. Именно в Кривояше Раиса Васильевна встретила свою любовь и судьбу. Молодой красивый моряк-подводник пришёл в отпуск и покорила девичье сердце. Это был Мальцев Анатолий Григорьевич. Поженились они в 1957 году. Переехали в деревню Мануйлово.

Анатолий Григорьевич заочно учился в Куйбышевском сельскохозяйственном техникуме, трудился механиком, Раиса Васильевна работала в школе, воспитывали дочь. Много трудностей пришлось преодолеть молодым. Днём Раиса Васильевна учила малышей, а вечером преподавала в вечерней школе географию. Садика не было, двухлетнюю дочь Наташу приходилось сажать в железную кроватку, откуда непросто было выбраться. Но случилось, что малышка умудрялась вылезти. Конечно, они с мужем переживали...

Однажды дочка чуть не погибла. Им нужно было ехать на зимнюю сессию. Маленькую Наташу на лошади отправили с Владимиром Басалаевым в Корнилово, к бабушке. По дороге лошадь сдохла. Басалаев взял малышку на руки и пошёл пешком. Смог донести только до Корниловского

Ключика. Не было сил идти дальше, он закопал её в снег, а сам пошёл за помощью в село. Дошёл до сушилки и умер. Наташу нашли только на следующее утро, и то случайно. Ёлгина Лукерья отправилась в Болотное. Заметив торчащее из сугроба красивое одеялко, подошла поближе. И услышала детский плач!..

Раиса Васильевна не поехала на сессию и только в 1966 году возобновила учёбу.

В 1963 году семья Мальцевых переехала в село Корнилово. В 1966 году Раиса Васильевна поступила на заочное отделение Новосибирского педагогического института по специальности «русский язык и литература», успешно окончила курс обучения в 1969 году. В том же году семья пополнилась.

Помня, что случилось со старшей дочерью, на сессию в этот раз поехала вместе с пятимесячной малышкой.

Раиса Васильевна, получив диплом, работала по специальности. Со смехом вспоминает случай из школьной жизни, как писали изложение. Ученик Сергей Рубанов написал: «Мальчик залез в дупло. Шпион увидел лямку. Засунул руку в дупло и высунул оттуда мальчика».

В 1967 году была построена новая шлакоблочная школа, и Раису Васильевну назначили директором.

Она всегда занимала активную жизненную позицию. Учила детей своему любимому предмету, помогала людям, участвовала в художественной самодеятельности, выступала с лекциями перед односельчанами.

В 1972 году Раису Васильевну избрали председателем сельсовета. Но тут сказалась её любовь к своей профессии. Она лишь год смогла отработать в должности председателя...

В связи с болезнью переехали в Чебулу. Раиса Васильевна смогла побороть страшное онкологическое заболевание. Поддержка мужа, детей, увлечённость любимым делом вернули её в школу.

В восьмидесятые годы семья Мальцевых возвратилась в село Корнилово, и до ухода на пенсию Раиса Васильев-

на преподавала в школе свои любимые предметы. Преданностью и любовью к профессии она увлекла и своих детей, внуков.

Многие ученики Раисы Васильевны обязаны ей становлением характера и выбором жизненного пути. Сейчас, находясь на заслуженном отдыхе, она занимается своим любимым делом, насколько это позволяет здоровье. Приусадебный участок Мальцевых похож на райский уголок: летом он утопает в цветах. И хотя здоровье Раисы Васильевны неважное, она не может оставить своё хобби — разведение цветущих растений.

А ещё много читает и всегда рада встрече с любым жителем села.

В сентябре 2017 года не стала любимого мужа, Анатолия Григорьевича, с которым прожили душа в душу шестьдесят лет.

Но жизнь продолжается.

Хочется пожелать Раисе Васильевне дожить до следующего юбилея области!

ПРИЗВАНИЕ — ЛЕЧИТЬ И СПАСАТЬ ЛЮДЕЙ

Из окон школы можно видеть сельский медицинский пункт, построенный в 1989 году. По инициативе фельдшера Людмилы Ивановны Шаденко именно на этом месте строится новое здание ФАПа, первоначально по проекту его хотели разместить в здании интерната. Издалека ели, посаженные у медпункта, напоминают храм, среди сельчан его называют «храм жизни». Служительницей этого храма на протяжении сорока четырёх лет была Людмила Ивановна.

Малая родина Шаденко (Ясюкевич) — село Красное Озеро. К сожалению, этого села теперь нет, как и многих сёл и деревень Болотнинского района. В этом живописном уголке прошли детство и юность Людмилы.

Родилась она в семье ветврача Ивана Ивановича Ясюкевича и Галины Тимофеевны, его жены. Людмила была четвёртым, послевоенным ребёнком. Но она могла и не появиться на свет. Иван Иванович, имевший уже троих, больше детей не хотел: воюя на фронте, он попал в плен и прекрасно понимал, какое отношение будет к нему и его семье... Случайно проходившая мимо дома цыганка нагадала Галине Тимофеевне, что родится у них ещё ребёнок — девочка, и у неё будет хорошая судьба.

Предсказание сбылось. 7 января 1951 года появилась на свет девочка, которой родители дали имя Людмила — «людям милая». И родилась она седьмого января, в Рождество — тоже хороший знак...

С детства мечтала стать врачом, лечить людей, работать в большом селе. И мечта её сбылась. После окончания Бердского медицинского училища, получив специальность «фельдшер-акушер», в 1970 году Люда приехала в село Корнилово.

Первой покупкой Людмилы Ивановны был матрац — именно на нём, на открытой машине она добиралась до места назначения. Поселили девушку в доме у бездетной семьи Сидоренко — Нины Лаврентьевны и Ивана Емельяновича.

Приняли они её как родную дочь.

Первую ночь спала как убитая. Но только луч солнца коснулся подушки, она открыла глаза, подошла к окну, и её поразил пейзаж за окном: сосны, гора, восход солнца! Любовь к селу и его жителям началась у неё с этого прекрасного рассвета.

Первого апреля вышла на работу в старое здание ФАПа. Фельдшер, которую она приехала сменить, тёзка Людмила Ивановна Туралина передала документацию, оборудование и уехала работать в Ачу.

Первым делом Люда подробно изучила медицинские карточки. Её удивило, что очень многие жители села имеют одинаковые фамилии: Ёлгины, Кармановы, Асановы, Констанц, и семьи большие — от шести до двенадцати детей!..

Здесь же, в селе, Люда познакомилась со своим будущим мужем Николаем. Подруга Галя Карманова (Лебедева) пригласила её на свой день рождения, а Коля Шаденко тоже был одним из гостей. Сельский паренёк сразу влюбился в Людмилу. Очень приветливая, с юмором, добрая девушка понравилась ему. Николай почти сразу предложил руку и сердце. Через месяц зарегистрировали брак, а ещё через месяц сыграли свадьбу.

Первые четыре месяца молодожёны жили с родителями мужа: Еленой Александровной и Егором Васильевичем Шаденко.

Потом председатель сельсовета Галина Кононовна Ядченко предложила молодой семье пожить в учительском доме. Обживались самостоятельно. Надежда Егоровна (сестра мужа) подарила на свадьбу козла, но, как говорится: «Хочешь поссориться с соседями — заведи козла!». При-

плось Людмиле отправить его к сестре в соседнее село. «Больно шkodничал», — смеясь, вспоминает она.

Председатель колхоза Александр Васильевич Кукушкин распорядился выдать молодой паре корову по кличке Стрелка, которая стала большим подспорьем для их семьи.

Николай работал в колхозе «Вперёд к коммунизму» механизатором — а это и шофёр, и комбайнёр, и тракторист. Да ещё и жене во всём помогал: сам порою увозил больных, рожениц в районную больницу.

В семье Шаденко родились две дочки-погодки — Светлана и Юлия. Девочки росли умненькими, послушными. Бывало, родители оставляли малышей одних, а сами выезжали на вызов.

Бессонные ночи с маленькими детьми, мысли о больных, боль за людей, которым невозможно помочь... И огромная ответственность за здоровье и судьбу пациентов! Людмила Ивановна всегда помнила, что им говорили преподаватели медицинского училища: «Не забываете, что у каждого врача за спиной стоит прокурор!»

Своё боевое крещение она прошла, будучи беременной (в восемь месяцев). Ушла в декрет, но какой декрет может быть у сельского фельдшера?

Поздно ночью, часа в три, в окно тихо постучали:

— Людмила Ивановна, собирайся, роды в Сосновке.

Она быстро, по-военному, собралась и через минуту была в машине. Фары вырвали из темноты кусок дороги, поднимающейся в гору...

Сколько их было, таких ночных вызовов, за сорок четыре года!.. Сама Людмила Ивановна не может сказать, сколько жизней она спасла. Да и как считать? Если порой обработала и перевязала ранку, которая грозила сепсисом? Или дала в нужный момент необходимое лекарство? Или помогла умным советом?

Выполняла свою работу, лечила людей, и точка!

Сколько случаев было сложных и, как казалось тогда, безысходных, с непредсказуемыми последствиями!..

Как-то Людмила Ивановна встречала корову с пастбища, а в это время в реке утонул пьяный мужчина. Люди вытащили его тело на берег. Не было признаков жизни, но ей удалось, делая искусственное дыхание, вернуть его к жизни.

...В метель и мороз, по бездорожью везла больных, рожениц, а иногда и покойников в район. Бывало, приходилось принимать роды прямо в машине, не доехав до больницы. Она вспоминает: «Вызов. Прибегает Виктор Манецкий, муж Веры Филипповны: «Жена рождает!» Бегу в гараж, мне никогда и никто не отказывал в транспорте. Февраль. Снега навалило!.. Впереди К-700 чистит дорогу, молоковоз следом, и мы с роженицей на ГАЗ-51, шофёр Сергей Анатольевич Асанов. Доехали до Ключика (это от Корнилова километра два), и тут начались роды! Хорошо, что вещи были собраны, всё необходимое под рукой! Роды прошли благополучно». Молодая мать хотела вернуться домой, но Людмила Ивановна настояла, что нужно показаться доктору, и они поехали в роддом.

Иногда необходимо было проявлять твёрдость характера по отношению к пациентам. «Помню, прибегает мальчик: «Мама рождает!» Бегу к ним домой. Женщина лежит грязная, пьяная, накрытая шубами, не хочет ехать. Снимаю с неё шубы, а она драться лезет! Подъехала машина, и только совместными усилиями с шофёром Виктором Генриховичем Констанцем нам удалось усадить её в машину».

Случалось, что брала ответственность на свой страх и риск.

Людмила Ивановна с благодарностью вспоминает и в шутку называет сельских водителей своей «скорой помощью» — к ним можно было в любое время обратиться, они безотказно заводили машину и отвозили в больницу: это Виктор Генрихович Констанц, Виктор Иванович Карманов, Валерий Александрович Ёлгин.

Л. И. Шаденко активно участвовала в общественной жизни села: двадцать пять лет была депутатом сельсовета, возглавляла женсовет, участвовала в художественной самодеятельности. В 1990 году награждена значком «Отличник здравоохранения», имеет множество почётных грамот, благодарностей.

Вот уже несколько лет на селе нет фельдшера, и к Людмиле Ивановне обращаются по старой памяти жители Корниловской сельской администрации. Никогда и никому она не отказывала в помощи. Это её призвание — спасать и лечить людей!

ДЕРЕВНЯ, КОТОРОЙ НЕТ

Красное Озеро. Деревни с таким необычным названием давно нет на карте Болотнинского района. Век этого поселения был совсем недолог. Если верить старожилам — 53 года.

В основу повествования лёг рассказ Людмилы Ивановны Шаденко. Красное Озеро — это её малая родина.

«Года два назад приехала на Троицу на погост, где покоятся мои родственники. Кладбище заросло бурьяном, с трудом удалось найти могилы.

Прошла босиком по памятным местам. Побывала на месте бывшей усадьбы, где с отцом посадили яблоню и пихту. Удивительно, деревья стояли нетронутые, хотя когда выжигали поля, пламя перекинулось на территорию бывшей деревни.

Больно было смотреть, что осталось от моей малой родины...

Старожилы объясняют название Красное Озеро так. Приехали поселенцы, посмотрели — кругом тайга, озеро, и вокруг озера масса красных цветов — в народе этот цветок зовут мыльником, благодаря интересной особенности цветка. Дело в том, что цветы и корни растения отличаются мылкостью, поэтому в древности его использовали для мытья и стирки. Также его ещё называют «татарское мыло».

Алое марево от цветов отражалось в воде, озеро казалось красным. Так и назвали — и озеро, и деревню.

При закате солнца озеро выглядело особенно огненным и завораживало своей красотой.

Деревня начала заселяться с 1926 года. Первым поселенцем был Кравцов. Позднее прибыли несколько семей:

Игнатенко, Быковы, Захожие, Комаровские, Лосевы, Авхимовичи.

Среди переселенцев из белорусской Гомельской области был и мой дед, Иван Иванович Ясюкевич, с бабушкой Софьей.

Здесь, у озера, приезжие и осели. Срубили из лиственницы да сосны избы-четырёхстенки. Дом условно делился русской печью на две жилые комнаты. Печка имела выступ — лежак, где сушили дрова на лучину, одежду, валенки, и сами спали.

В пятидесятые годы деревня насчитывала около восьмидесяти дворов, официально числились две улицы: Центральная и Зелёная (в лесу), да переулочек-тупик, его в шутку называли «аппендицит».

Тесно была связана жизнь сельчан с водоёмом. Около ста лет на берегу озера стояла лодка-долблёнка. Её сделал дед Комаровской Валентины Николаевны (она два года работала фельдшером). Лодку выдолбил из цельного дерева — лиственницы, а борта напоминали крылья лебедя. Долго она служила жителям деревни, была их общей собственностью. А сейчас остались от неё только щепки...

Не последнюю роль в жизни крестьян имели промыслы. Осенью, после завершения полевых работ, крестьяне рыбачили.

В озере водилась рыба: карась, гольян, щука. Позже щуки не стало, видимо, попали сбросы от недалеко построенной животноводческой фермы.

Как сейчас помню, недалеко от озера была будка с мотором, при помощи которого качали воду для этой фермы.

До озера нужно идти метров пятьсот, дороги не было, путь пролегал по вязкому болоту. Утонул в нём мой дядя, в возрасте восьми лет, собирая кувшинки.

На болоте брали клюкву. Нам, детям, разрешали только со взрослыми ходить по ягоды. Наберёшь целый подойник, идёшь и держишь ведро перед собой, боишься споткнуться и упасть.

Смородины лесной — море! За брусникой и черникой ходили в сторону деревни Игрушка, что в трёх километрах от нашей деревни находилась.

Каждый год собирали много грибов: боровиков, лисичек, опят.

В тридцатые годы в Болотнинском районе полным ходом шла коллективизация.

В 1931 году организовался первый колхоз, «Таёжный труд», впоследствии переименованный в колхоз имени Жданова, а в 1952 году — в укрупнённый колхоз «Красное Знамя».

Красное Озеро — центр колхоза «Красное Знамя». Председатель был Фёдор Иванович Пилипушко. В данный колхоз входили деревни Родионовка, Смирновка, Боровское, Михайловка, Александровка.

Моя бабушка Софья рассказывала, что в период коллективизации их семья была раскулачена, забрали трёх лошадей.

Почвы в деревне песчаные, поэтому каждую весну вносили удобрения, на быках вывозили навоз. Очень трудно удержать в упряжке быка, иногда приходилось свои огороды пахать на себе.

Днём трудились на колхозном поле, а вечером шли на свои участки, обрабатывали картофель, косили и убирали сено.

А лишь только на рассвете вставало солнце — нужно было вновь идти на колхозные работы.

Сдавали налог государству: полторы шкуры со свиньи, яйцо, зерно. Чтобы прокормить семью, жители деревни тайно распахивали в тайге участки земли и сеяли зерновые...

Имелись две колхозные мельницы: для мелкого помола (первый сорт) и для крупного (второй сорт).

За деревней стояла кузня, долгое время кузнецом был Фёдор Любецкий.

Жители деревни разводили крупный рогатый скот, свиней, овец. Была своя птицеферма.

Для очистки шерсти имелся станок — шерстобитка. Я часто помогала маме. Могла часами наблюдать, как клочок шерсти попадал надвигающееся полотно, которое затягивало его вовнутрь, а оттуда выходила чистая, пышная масса.

Работали колхозники за трудодни. Сеяли и перерабатывали коноплю. Хорошо помню, как отец вместо зарплаты привозил флягу конопляного масла.

В 60-е годы выращивали лён и сдавали государству. Ученики помогали колхозу его убирать: рвали, ставили в снопы.

До 1962 года в деревне была лишь начальная школа (учитель — Яков Николаевич Бондаренко), позже построили восьмилетнюю (директор — Новожилова). В 1974 году школу закрыли.

Помню школьный сад, где росли ранетки, яблоки, липы. Недалеко от школы стояла большая пасека, долгие годы там работал Василий Гапеев, в 1968 году её разорили.

В сельском Доме культуры для молодёжи проходили танцы. Местный гармонист Сергей Алексеёнок разворачивал меха гармони, парни приглашали девчат на танец.

Два раза в неделю из села Ново-Бибеево на лошади приезжал киномеханик Семён Алексеев, крутил фильмы, билет тогда стоил пять копеек.

На улице Центральной, возле усадьбы Григория Климчука (Гриц, так его прозвали в деревне), быстрее всего таял снег, здесь в детстве мы гоняли мяч, играли в лапту, городки, волейбол, а в юности в «ручeyк», «партия на партию», «вышибалы».

Медпункт почти не работал, деревня была расположена в сорока километрах от райцентра — города Болотное. Валентина Николаевна Комаровская работала фельдшером в семидесятые годы. Она вспоминала, что возила отчёты на станцию Ояш — это участковая больница. Дорог не было: добиралась на санях, тракторе, а иногда и пешком. Зимой сугробы до полутора метров, под самые крыши.

В Красном Озере проходили лесозаготовки. Приезжали из соседних сёл Болотнинского района, работников рас-

селяли по домам. Помню, к нам подселили людей из Корнилова. Колхоз выделял четыре центнера зерна за постой и еду, которую мы готовили им.

1979 год. По стране началось укрупнение деревень. И наше Красное Озеро, как и многие другие деревни, тоже было расформировано.

В Байкале построены двухэтажные благоустроенные дома, в них переселили жителей Красного Озера. Председательствовал в то время Александр Сергеевич Грибовский.

Дома разбирали, перевозили или продавали. Единственное здание — магазин «Лесник» (стоял в лесу) — было кирпичным, но позже и его растащили.

Несколько лет на месте нашего огорода был заповедник для диких кабанов, позже кабаны подрыли загон и убежали.

Сохранилась единственная фотография, напоминающая о беззаботном детстве, юности. И кто бы мог подумать, что некуда будет вернуться...

С годами тоска по малой родине не утихает, а наоборот, усиливается. Больно видеть покосившиеся кресты на могилах односельчан, два дерева и дырявое ведро в огороде на месте нашего дома...»

Содержание

Н. Александров. На золотом крыльце сидели... 5

ЗАВАЛИНКА — «КРЫША ДОМА МОЕГО»

На завалинке	20
Завалинка — «крыша дома моего»	25
Прозвище	29
О чём шумела завалинка Прусовых	35
Бабье лето	43
Пятница, 13-е	54
Как-то поздно вечером... ..	63
Концерт	71
Мастер на боку дырку вертеть	76
Кум Клоп	80
Колесуха	84
Слаще редьки	88
Налёт	89
Вкус сельской жизни	95

ЗАРУБКИ НА ПАМЯТЬ

Зарубки на память	104
«Я жизнь свою провёл до глубокой старости...»	111
Ивановские места — старобытное поселение	115

Откуда есть пошло село Корнилово	120
История села в названиях	125
Не звонят колокола... ..	131
Штык	137
Коллективизация и раскулачивание — через судьбы людей ...	143
От «Мангазеи» до колхоза «Вперёд к коммунизму»	150
История образования на селе	155
Есть только фронт	166
За Победу!	186
Не признаны погибшими	201
А сладкий ли был тот мёд?	207
Страница книги жизни	209
Судьба	215
Две женщины — две судьбы	221
Из Белоруссии в Сибирь	227
Одна судьба на двоих	230
Не детство	238
Тётя Лена — локомотив	240
Цена бидона сыворотки	243
«Был женат на своей работе...»	246
По жизни с песней	251
Ёлгин Валерий — мореман с головы до ног	255
Погиб при исполнении	257
Ровесница области	260
Призвание — лечить и спасать людей	264
Деревня, которой нет	269

Ольга Ивановна Елгина

НА ЗАВАЛИНКЕ

Краеведческие статьи и рассказы

Редактор *Н. Александров*
Корректор *Е. Михайлова*
Обложка *Е. Васильева*
Верстка *О. Вялкова*

Подписано в печать ???.?.2021 г. Формат 60x84/16.

Издательский Дом «Историческое наследие Сибири»
тел. 8 (383) 292-00-42, моб. 8-913-917-29-28
630091, г. Новосибирск, ул. Мичурина, 19, оф. 11
e-mail: id-ins@ngs.ru, www.sibnasledie.ru

Отпечатано в типографии «Деал»
630033, г. Новосибирск, ул. Брюллова, 6а.
Тел./факс: (383) 334-02-70, e-mail: zakaz@dealprint.ru